

Д.В. Щедровицкий

Беседы о Книге Иова

Почему
страдает
праведник?

Д. В. Щедровицкий

Беседы о Книге Иова

Почему
страдает
праведник?

*4-е издание
(электронное)*

Москва
· Теревинф ·
2012

УДК 221.01
ББК 86.37
Щ36

Щедровицкий Д. В.
Щ36 Беседы о Книге Иова. Почему страдает праведник?— 4-е изд. (эл.).— М.: Теревинф, 2012.— 235 с.

ISBN 978-5-4212-0103-8

Книга Д.В. Щедровицкого — известного отечественного теолога-библеиста, автора фундаментального «Введения в Ветхий Завет» — посвящена одной из самых древних и загадочных книг Библии. Разбираются мистический, традиционалистский, рационалистический и богооткровенный подходы к причине человеческих страданий.

Для студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных и педагогических вузов, духовных учебных заведений, а также для широкого круга читателей.

УДК 221.01
ББК 86.37

ISBN 978-5-4212-0103-8

© Д. В. Щедровицкий, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Иова — одна из самых загадочных и удивительных книг Ветхого Завета. Многие теологи, философы и поэты изумлялись тому, что она вообще вошла в библейский канон. Одни утверждали, что книга эта — по сути своей богоборческая, предъявляющая Богу неподобающие, еретические претензии по поводу того, что в мире нет справедливости, что он полон зла и в нем страдают невинные. При этом ссылались, например, на такое высказывание Иова:

Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же? (*Иов. 9, 24*)

Другие утверждали, что, наоборот, эта книга прославляет человека-праведника, который, даже перенося невыносимые мучения, невинно страдая, остается верен Богу. В поддержку второй точки зрения приводился, например, следующий стих:

Вот Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред лицом Его! (*Иов. 13, 15*)

Книга Иова вызывала, таким образом, самые противоположные оценки. Но в чем сходились все без исключения исследователи, так это в признании ее необычайной философской глубины и поэтической красоты. Датский философ Сёрен Кьеркегор, посвятивший Книге Иова одно из наиболее известных своих произведений «Страх и трепет», говорит, что у Иова «истина выражается убедительнее», чем у древних греческих или новейших университетских философов. Русский религиозный мыслитель Н. А. Бердяев пишет: «Книга Иова — одна из самых потрясающих книг Библии». Немецкий теолог XIX века Филипп Шафф утверждает: «Книга Иова возвышается, как пирамида, в истории литературы, без предшественника и без соперника». Английский историк и философ Томас Карлейль так высказывается о Книге Иова: «Я полагаю, что ни в Библии, ни где-либо еще не встречается ничего равного ей по литературному достоинству». Английский поэт Альфред Теннисон называет Книгу Иова «самой возвышенной поэмой древнего и настоящего времени». Она была любимой библейской книгой великого Гете. Так, в прологе «Фауста»

звучит диалог Бога с сатаной, подобный тому, который является завязкой всего действия Книги Иова. Всего в «Фаусте» насчитывается свыше 200 реминисценций из этой книги. Виктор Гюго называет Книгу Иова «величайшим произведением человеческого ума», т. е. как бы признает ее первенство среди всех философских творений человечества. Ломоносов, восхищенный Книгой Иова, написал «Оду, выбранную из Иова» — поэтическое переложение глав 38–41. Книге Иова особое внимание уделял Пушкин, говоривший, что в ней заключена «вся человеческая жизнь». Более того, великий поэт даже специально изучал древнееврейский язык с намерением переводить Книгу Иова на русский.

Вот об этой книге, единственной в своем роде во всей мировой литературе, мы и будем говорить.

...Несколько замечаний редакционного характера. Текст книги разделен на лекции, соответствующие главам Книги Иова. После древнееврейских и греческих слов в угловых скобках дается их русская транскрипция; звук, соответствующий древнееврейской букве ך, транскрибируется с помощью знака «г̣» (произносится сходно с украинским «г»). Библия цитируется по Синодальному переводу, за исключением тех случаев, когда автор дает свой перевод, на его взгляд более точно передающий смысл оригинала. При этом в библейских цитатах в квадратных скобках приводятся слова автора, вставляемые для связности речи или как пояснение. Кроме того, автор оставляет за собой право в отдельных случаях при цитировании Синодального текста производить некоторые лексические и грамматические изменения в целях уточнения перевода. В ссылках на текст Библии используются стандартизованные сокращения названий входящих в нее книг (соответствие сокращений полным названиям можно установить по Библейскому указателю).

Доработанный и снабженный дополнительным справочным аппаратом вариант настоящей книги предполагается в дальнейшем включить в состав многотомника «Введение в Ветхий Завет» (на данный момент издательством «Оклик» опубликованы три первых тома; кроме того, отдельным изданием выпущено толкование на Книгу Даниила: *Щедровицкий Д. В.* Пророчества Книги Даниила. 597 год до н. э. — 2240 год н. э. — Изд. 2-е, стереотип. — М.: Оклик, 2006. — 278 с.). Замечания и пожелания читателей данной книги будут приняты во внимание при подготовке соответствующего тома.

Автор также выражает глубокую благодарность всем лицам, оказавшим помощь при подготовке настоящей книги к изданию, и в особенности — М. С. Алерганту, Г. М. Дербаремдикеру, Р. П. Дименштейну, М. А. Крутикову, С. В. Кургалимову, И. В. Лариковой, Л. С. Ларикову, М. Н. Овчинниковой, С. Г. Пирогову, Ю. И. Хаткевичу, П. Н. Цыплакову, Ш. Шпруте, А. Г. Яковлеву и Ю. Г. Яниковой.

Глава 1

ПОЧЕМУ СТРАДАЕТ ПРАВЕДНИК? ОТВЕТ ШУМЕРА И ЕГИПТА

Книге Иова принадлежит в масоретской Библии третье по счету место в разделе Кетувим (Писания). А в Септуагинте она следует за Книгой Есфирь, одновременно и замыкая корпус исторических книг, и открывая корпус книг поэтических и философских: вслед за ней сразу идет Псалтирь.

Место, которое занимает Книга Иова в Священном Писании, обусловлено тем, что она традиционно рассматривалась как очень древняя. Существовало предание, что по сроку создания эта книга предшествовала самому Пятикнижию, являясь древнейшей поэтической книгой и одновременно старейшей из «книг премудрости».

Сам Иов предсказывал, что его слова на веки вечные сохранятся в памяти человечества. И хотя предречение Иова выглядит как пожелание, всё же его смысл — пророческий:

О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге

Резцом железным... на вечное время на камне вырезаны были! (Иов. 19, 23–24)

Это предсказание Иова сбылось. В памяти человечества, словно на вечном камне, как бы железным резцом «начертаны слова» Иова: его безысходный плач, его непрестанное звание к Богу, его философские вопрошания и утверждения.

Обратим внимание еще на одну деталь: здесь говорится о весьма архаичном способе записи. Похоже, что во времена Иова писали еще не на коже, даже не на глине, как в древнем Междуречье, а «резцом железным... на камне» (буквально «на скале» — др.-евр. 𐤇𐤆𐤏 *цур*). Надписи на камне относятся к самым древним письменным памятникам человечества. В связи с этим возникает вопрос не только об авторстве, но и о способе записи книги. Кто записал

речи Иова, кто придал им литературную обработку, когда написана книга, где создана, где жил сам Иов и кем он в действительности был? Мнений существует множество. Высказывалось и такое: книга-де написана довольно поздно — во время вавилонского пленения или даже после него, а сам автор жил где-то на северо-западе Аравии и был иудеем, бежавшим из Иерусалима от войск Навуходоносора. Якобы во времена вавилонского царя Набонида (VI в. до н.э.) его стада и всё имущество подверглись разграблению халдеями (ср.: Иов. 1, 17), и сам он пережил страшные бедствия. Но когда, мол, вавилоняне из Аравии ушли, к нему возвратились богатство, слава и прочие утраты. Это мнение с легкостью опровергается содержанием самой книги, а также независимыми от нее упоминаниями Иова в Писании. Дело в том, что в Книге Иезекииля Иов дважды называется рядом с Ноем, а, следовательно, оба они считаются древнейшими праведниками. Иезекииль жил как раз в VI веке до н. э., и если бы Иов был его современником, то вряд ли удостоился бы упоминания в качестве столь древнего и авторитетного лица.

Другое мнение «поселяет» Иова к востоку от Святой земли, где-то в краях арамейских, граничащих с Междуречьем, — и, соответственно, считает его арамейским мудрецом, хотя и не опирающимся на иудейскую традицию, но всё же как-то с ней связанным (арамейские родословия достаточно четко представлены в Библии).

Однако наиболее аргументировано то мнение, согласно которому этнически Иов — эдомлянин (идумей), потомок Исава. Как известно, эдомляне, происходившие от праотцев Авраама и Исаака (но не от Иакова), в определенной мере сохраняли воспоминание о завете Господа с патриархами и отчасти соблюдали основные заповеди этого завета — правда, в некоторой степени искаженные и «обязыченные» последующими поколениями. Эдомляне были как бы двоюродными братьями израильтян, т. е. родственниками достаточно близкими, говорившими на сходном языке, имевшими ряд похожих черт в мировоззрении; но тем не менее эти два народа со временем стали чужды друг другу, а иногда и враждовали между собой.

Таким образом, Иов — праведник, живший в стране Едома, — следует традиции не израильской, но близкой к ней, восходящей к основам праведности народов мира, сложившимся еще при Ное, — к той «дозаконной», существовавшей до Синайского откровения, праведности, которая была известна на земле прежде разделения человечества на отдельные народы.

Откуда же известно, что Иов жил в Едоме? Первый же стих Книги Иова говорит:

Жил человек в земле Уц, имя его Иов... (*Иов. 1, 1*)

Название страны Уц мы находим также в Плаче Иеремии, где оно относится к земле потомков Исавы—Едома. Пророк, описывая нападение эдомлян вместе с вавилонянами на Иерусалим, восклицает:

Радуйся и веселись, дочь Едома, обительница земли Уц! И до тебя дойдет чаша... (*Плач. 4, 21*)

Здесь чаша — символ бедствий, а значение сказанного — в том, что вавилоняне не остановятся на завоевании Иудеи, но впоследствии нападут также и на эдомлян, тогдашних своих союзников.

Иов, вполне возможно, жил к югу от Святой земли, на границе между нею и Синайским полуостровом (а может быть, и с некоторым смещением в сторону Аравии); следовательно, жизнь его проходила в регионе, где обитали многие мудрецы древности (см. III Цар. 4, 30–31).

Когда же разворачивались события, описанные в Книге Иова? Согласно ряду иудейских преданий — до исхода израильтян из Египта, следовательно, где-то в первой половине II тысячелетия до н. э. Предание отождествляет Иова с царем Иовавом, который упомянут в главе 36 Книги Бытия. Там говорится о царях, которые стояли во главе Едома «...прежде, чем воцарился царь над сынами Израиля...» (таков буквальный перевод; в Синодальном тексте: «...прежде царствования царей у сынов Израилевых...»). Напомним, что первым царем над Израилем древнейшая традиция признавала отнюдь не Саула, а самого Моисея:

Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова.

И он был царь Израиля, когда собирались главы народа вместе с коленами Израилевыми. (*Втор. 33, 4–5*)

Таким образом, с точки зрения древних иудейских толкователей, события жизни Иова относятся к домоисеевым временам:

Вот цари, царствовавшие в земле Едома прежде царствования царей у сынов Израилевых...

<...>

И умер Бела, и воцарился по нем Иовав, сын Зераха, из Восоры. (*Быт. 36, 31–33*)

Боцра (в Синодальном переводе «Восора»; араб. Бузейра) — один из древнейших городов Едома, недавно обнаруженный археологами и отождествленный ими с библейской столицей Едома. Царь, выходец из Боцры, носил, как видим, имя «Иовав» (יובב <Йовав>), что очень похоже на «Иов» (יוב <Ийов>); последнее имя может быть модификацией первого.

Обратим внимание на интересную деталь: отца Иовава звали Зерах, а до Иовава над Едомом царствовал Бела. И если просмотреть весь этот список царей, мы увидим, что царская власть не передавалась по наследству. Царствует не сын предшествующего властелина, а его преемник. Отсюда исследователи заключают (и то же самое известно о параллельных, родственных, культурах Ханаана — угаритской, эблаитской и других), что в ряде государств данного региона царская власть была выборной. Обладая большими полномочиями, царь, тем не менее, обычно не имел возможности передать свою власть сыну, как это происходило и в Израиле в период судей: судья умирал, а его преемник «восставал» из совсем другого рода, часто из иного колена (см., однако, исключения из данного правила — например, изложенную в главах 8 и 9 Книги Судей историю Авимелеха, сына Гедеона).

Но если действительно Иов тождествен царю Иоваву, правившему во II тысячелетии до н. э. в земле Уц, т. е. в Едоме, то совсем в другом свете предстают и его речи. Если это был не просто богатый и знатный человек, но царь, то произошедшее с ним явилось крушением не только материальных основ его жизни, но и опор его мировоззрения, ведь он надеялся своей праведностью заслужить милосердие Бога, а оказался жертвой событий и обстоятельств, которые привели его к величайшему поношению и бесчестию, особенно унижительным для его царского достоинства. На Древнем Востоке считалось, что царь олицетворяет здоровье, благо и долгоденствие всего народа. Как только царь лишался благодати небесной, проявлявшейся в успешной деятельности, его могли сместить, изгнать, убить, чтобы он, возглавляя страну, не навлек бедствий на свой народ, поскольку внешние поражения однозначно воспринимались как знак немилости высших сил. Вспомним фиванского царя Эдипа, который, как только стало известно, что он виновен в бедствиях, постигших Фивы, ушел в добровольное изгнание. Если бы Эдип не ушел, его могли бы выдворить силой или даже убить. Подобное случилось с Иовом: когда на него обрушились страшные испытания, допущенные Господом, он сразу был свергнут с престола, став мишенью для всяческих бесчестий

и издевательств — вплоть до того, что уличные мальчишки смеялись над ним и бросались в него камнями и комьями грязи.

Сказано ли где-либо еще, что Иов был царем? Обратимся к самой Книге Иова:

...Когда я выходил к воротам города и на площади ставил седалище свое, —

Юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли;

Князья удерживались от речи и персты полагали на уста свои;

Голос знатных умолкал, и язык их прилипал к гортани их.

(Иов. 29, 7–10)

На чье появление это похоже? Чей публичный «выход» бывал обставлен подобным образом? Именно правитель города садился обычно на площади «у ворот». Согласно библейским, а также древнеханаанейским данным, там происходил городской суд. Близ городских ворот было главное место народного собрания, здесь располагалась площадь, подобная древнегреческой агоре. Иов «на площади ставил седалище», т. е. трон для суда, а «старцы вставали и стояли» — конечно, так приветствуют только правителя; «князья удерживались от речи» — младший в присутствии старшего по возрасту или чину не говорил; «голос знатных умолкал» — князья молчали в присутствии царя. Далее сказано:

...Потому что я спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного. *(Иов. 29, 12)*

Каким образом спасал? Конечно, посредством справедливого суда. Иов возглавлял суд, на который страдальцы — сироты, вдовы и другие — представляли свои жалобы и дела. Такой руководитель суда назывался по-финикийски «суффет», а по-древнееврейски «шофет», т. е. «судья»; одновременно он был и правителем данной области.

Далее говорится:

Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия и увясло. *(Иов. 29, 14)*

Иов упоминает «мантию» как нечто ему весьма подобающее и привычное. В оригинале употреблено слово לַיִטָּן *«мэйль»* — буквально «верхнее»: это торжественное облачение, длинная риза, которую носили лица царского достоинства (а также израильский первосвященник — Исх. 28, 4; 31–35).

Затем сказано:

Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное. (*Иов. 29, 17*)

Значит, Иов был наделен такой властью, что мог «сокрушать» беззаконника своим приговором, если была доказана его вина.

И говорил я: в гнезде моем скончаюсь, и дни *мои* будут многи, как песок... (*Иов. 29, 18*)

«...В гнезде моем...» — слово קֶן «кэн» означает не только «гнездо», но и «обитель», «огороженное пространство» (ср.: Быт. 6, 14, где то же слово во множественном числе, קִינִיִּם «кинйим», означает отделенные друг от друга помещения). Очевидно, Иов жил в благоустроенном жилище (вероятно, во дворце), окруженный почестями. Наконец, далее Иов прямо назван царем:

Я назначал пути им и сидел во главе и жил, как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих. (*Иов. 29, 25*)

В древнесемитской поэзии «как царь» — это совсем не обязательно сравнение и может значить «в качестве царя», т. е. был царем и жил в кругу воинов (ср. «как утешитель» — т. е. реально был утешителем плачущих).

Так вот, оказывается, что произошло в действительности с Иовом: как только на него обрушились великие беды, он был свергнут со своего трона, стал презренным, его обвиняли в том, что он крайне грешен, навлек на свой народ гнев Божий... И только несколько человек, величайшие мудрецы поколения, собрались к Иову, несмотря на всеобщее к нему презрение, на отверженность, ставшую его уделом. Эти-то мудрецы, стоявшие выше общего мнения и предрассудков толпы, и пытались утешить Иова в его горе.

...Человечество, начиная с середины XIX века, благодаря археологическим открытиям и лингвистическим исследованиям, получило доступ к литературе народов, окружавших древний Израиль и принадлежавших, в широком смысле, к библейскому миру. Поэтому встает вопрос: если такой сюжет, как страдания невинного, отраженный в Книге Иова, действительно относится ко II тысячелетию до н. э., то можно ли обнаружить какие-нибудь параллели к нему, какие-либо вариации его у соседей древних израильтян?

Такие параллели и в самом деле имеются. Самые известные из них (хотя сейчас найдены источники и с некоторыми новыми

вариациями сюжета, в частности угаритские) — это художественные тексты, происходящие из Египта и Междуречья. Притом в Междуречье обнаружено несколько версий повествования о невинном страдальце. Древнейшие из них относятся к шумерским временам и условно называются в науке «Страдания невинного», или «Безвинный страдалец». Другие, более поздние, относятся уже к аккадской, вавилоно-ассирийской эпохе и в ряде современных изданий носят название «Вавилонская теодицея».

Слово «теодицея» означает «защита Бога» и применяется к произведениям, имеющим целью доказать, что Бог (речь может идти и о языческих богах) абсолютно справедлив и нелицеприятен, несмотря на то, что в мире мы встречаемся с несправедливостью и злом, которые провидение Божье допускает и проявлениям которых не препятствует. Как согласовать положение, согласно которому Бог безмерно любит человека, с тем, что Он, тем не менее, допускает в мире множество зла? Подобные вопросы уже в древние времена обсуждались в произведениях художественной литературы, философии и богословия, относящихся к жанру теодицеи.

Так, «Вавилонская теодицея» содержит некоторые темы и образы, встречающиеся также и в Книге Иова. Возникает вопрос: отразились ли в Книге Иова «вавилонские реминисценции» или же сама «Вавилонская теодицея» является местной версией того предания об Иове, которое в древности было известно многим народам? «Вавилонская теодицея» — это диалог между страдальцем, испытавшим страшные, непоправимые удары судьбы, и его другом, который, пытаясь его утешить, приводит разные аргументы — от житейских до философских и религиозных, подобно тому, как утешают Иова его трое друзей. Друзья Иова не столько утешают, сколько обличают его, обвиняя в грехах. Их неправоту осудил Всевышний, «берущий слово» в конце книги. И в «Вавилонской теодицее», где ни разу не раздается речь какого-либо божества и всё остается на уровне общения чисто человеческого (в этом основное различие между двумя произведениями), друг также обращается к страдальцу с упреками.

Вот что говорит вавилонский страдалец:

Где же советчик? хочу рассказать [свое] горе:
Конченный [я человек]; настигло [меня] страданье.
Младшим я был [в семье] — и судьбою отец похищен;

Мать, [что] меня родила, обратилась
 к Стране без возврата —
 Отец и родительница моя оставили меня без защиты.¹

Подобного сюжета нет в Книге Иова. Он уже старец, насыщенный днями, родители его умерли давно, зато у него погибают все дети, что, конечно, не менее, а гораздо более трагично. Правда, в контексте традиционной вавилонской образности жалоба страдальца могла рассматриваться и как иносказание. Нередко в вавилонских, да и в иных текстах Древнего Междуречья человек, когда приходит беда, вспоминает, что он сирота, сравнивая свою защищенность в детстве с незащищенностью во взрослом состоянии.

Друг выступает и как утешитель, и как обличитель вавилонского страдальца. Вот слова друга:

Друг мой почтенный, что сказал ты — печально.
 [Милый] мой, помыслы ты на зло направил,
 Ум твой высокий [рассудку] глупца уподобил.
 Облик твой светлый мрачным сделал.

Первые же слова утешения звучат горьким обвинением: из речи друга следует, что страдалец духовно заблудился, разочаровался в своих прежних убеждениях, в которых был воспитан, перестал почитать богов, упрекает их в своих бедах и т. д. Всё это напоминает обвинения, посыпавшиеся на голову Иова из уст его товарищей. Далее друг утверждает, что тот, кто истинно служит богам и не грешит пред ними, всегда удачлив. С подобными же словами обращаются и друзья-мудрецы к Иову. «Вавилонская теодицея» содержит следующие утверждения:

Лоснится богач — кто его осчастливил? —
 Служащий богу — в делах удачлив,
 Чтущий богиню — копит богатства.

Однако, как бы игнорируя эти обычные, трафаретные, и, может быть, ставшие уже в те времена пошлыми, слова об обязательной удаче тех, кто чтит богов, страдалец отвечает:

Сковано тело, нужда [меня мучит],
 Успех мой минул, прошла удача,

¹Фрагменты «Вавилонской теодицеи» даны в переводе И. С. Ключкова и приводятся по изданию: *Хрестоматия по истории Древнего Востока.*— М.: Высшая школа, 1980. Ч. 1.

Сила ослабла, кончилась прибыль.
Тоска и беда затмили мой облик.

Здесь нет ни слова о собственной праведности или несправедности, хотя позже он и называет себя служителем и почитателем богов, верным тем заповедям, которые боги ниспослали людям:

Задержал ли я приношенья? — Богу молился,
Посвящал я жертвы богине,
но [не услышано] мое слово.

В ответ друг утверждает, что к страдальцу вернется прежняя радость, возвратится благословение свыше, если только он раскается в каких-то скрытых грехах и будет молиться богам:

Истину ты отвергаешь, предназначения бога
поносишь!
Не соблюдать ритуалы богов ты возжелал в своем
сердце...
<...>
Мыслям искусным твоим ты заблудиться позволил...
...Изгнал ты мудрость.
Разумное ты презрел, установленное опоганил.
<...>
Следуй стезею бога, храни его обряды.
<...>
Что твой успех, если божьей воли не ищешь?

Это очень похоже на то, что говорят друзья Иову. Вавилонский страдалец, казалось бы, в отличие от Иова, готов прислушаться к доводам своего друга, что видно из его слов:

Склоняюсь, мой друг, пред тобой;
мудрость твою принимаю.
[Слушаю] слово речи твоей.

Но, видимо, это обращение — с ироническим подтекстом. Из уважения страдалец говорит, что принимает слова друга, а на самом деле возражает ему и опровергает его доводы:

Дикий осел, онагр, что [травой] набивает утробу,
Внимал толкователю божественных истин?
Свирепый лев, что добрую плоть пожирает,
Жертву принес, чтобы успокоить гнев богини?

Иными словами, даже дикие звери благоденствуют: и онагр, поедающий траву, и лев, который терзает другие существа. Они благоденствуют, хотя и не внимали чтению священных книг, и не приносили жертв богине (очевидно, Иннана—Иштар, главной богине Вавилона). А вот он, страдалец, который чтит богов и богинь, брошен без помощи, оказался в пучине зла и страшно бедствует — следовательно, в мире нет справедливости:

Сызмальства следовал я воле божьей,
Простершись, с молитвой искал богиню.
[Но] я влек ярмо бесприбыльной службы...

В ответ на такие рассуждения страдальца его друг провозглашает, что пути и дела богов непостижимы.

Примерно в такой же последовательности сменяют друг друга доводы Иова и его друзей. Сначала друзья пытаются уверить Иова в том, что всё в мире постижимо умом и тот, кто действительно чтит Бога, благоденствует. Но после того, как Иов на своем примере, да и на многих других, опровергает их речи, они начинают утверждать, что «пути Господни неисповедимы», что нет прямой связи между благочестивым поведением и наградой, а потому и говорить об этом не следует. Иов же продолжает добиваться истины и все-таки страстно жаждет узнать, почему он так жестоко мучается.

Подобное происходит и со страдальцем из Вавилона. Друг говорит ему:

Пальма, роскоши древо, мой брат драгоценный,
Исполненный мудрости золотой самородок.
Ты ведь стоишь на земле, [а] замыслы бога далече.

Этими словами друг пытается утешить страдальца, указывая на его несомненные достоинства, но одновременно утверждая, что тот ошибается, стараясь установить прямую связь между поведением человека и воздаянием свыше: ведь «замыслы бога далече» — они непостижимы. Обратим внимание, что еще недавно они представлялись другу вполне постижимыми:

[Кто ритуалы свершает] — от тяжких трудов
избавлен.

Но именно данный тезис и опровергает страдалец: согласно его опыту, подобное воззрение не объясняет той реальности, которую

мы наблюдаем. Однако общение двух вавилонян не выходит за пределы взаимной благожелательности и прямо-таки уснащено различными комплиментами. Так, страдалец говорит другу:

Разум твой — северный ветер,
дуновенье, приятное людям.

Прочитав эти слова, мы представляем себе жаркую страну, опаленную засушливым южным ветром, несущим песок, в то время как северный ветер, напротив, приносит приятную прохладу. Так воспринимает страдалец речи друга, направленные на восстановление его душевного спокойствия. Итак, эти двое беседуют между собой куда почтительнее, чем Иов со своими друзьями. Иов гораздо более непримиримо отвечает пришедшим к нему утешителям — наверное, не только потому, что он переживает более тяжкие муки, чем вавилонский страдалец, но и в связи с общей направленностью его жизни на праведность, а души — на поиски Бога и общение с Ним. Вавилонянину легче подбирать слова для комплиментов в адрес друга:

Избранный друг мой, совет твой прекрасен.
Одно [только] слово тебе я добавлю:
Дорогой успеха идут те, кто не ищет бога,
Ослабли и захирели молившиеся богине.
Сызмальства следовал я воле божьей,
Простершись, с молитвой искал богиню.
[Но] я влек ярмо бесприбыльной службы, —
Бог положил вместо роскоши бедность;
Дурак впереди меня, урод [меня] выше, —
Плуты вознеслись, а я унижен.

И далее страдалец переходит от несчастий собственной жизни к широким обобщениям: справедливости нет нигде, повсюду торжествует зло:

Демону бог не закрыл дороги.
<...>
...Превозносят дела важного,
[хотя] он изведаль убийство,
Унижают малого, что зла не делал.
Утверждают дурного, кому мерзость — [как правда].
Гонят праведного, что чтил волю бога.
Наполняют золотом ларец злодея,
Выгребают из закромов жалкого пищу.

Укрепляют сильного, что с грехом дружен,
Губят слабого, немощного топчут.

Иов тоже переходит от собственных страданий к социальным обобщениям, прозрениям, касающимся всей истории человечества, и говорит, что благоденствуют нечестивые, возвышаются забывшие Бога, что они грабят праведных, унижают сироту и вдову, отбирают последнее у бедняка (Иов. 21, 7–34; 24, 1–14).

В вавилонской поэме друг страдальца вновь и вновь ссылается на то, что замыслы богов для людей непостижимы:

Точно середина небес, мысли богов [далеко];
Слово [из] уст богини не понимают люди.
Верно понять [решенья богов заказано человеку],
Замыслы их для людей [недоступны].

Но со стороны страдальца множатся обличения, они становятся буквально разящими, и его друг постепенно замолкает, уже не находя аргументов. Вот пример такого яркого, афористичного обличения:

Без бога мошенник владеет богатством...

Чем же заканчивается поэма? Молитвой. Ни к какому другому исходу ни страдалец, ни его друг не приходят. Страдалец говорит:

Головы не подъямлю, в землю смотрю я:
Точно раб, не молюсь я в собрании равных.
Боги, что бросили меня, да подадут [мне] помощь,
Богиня, что [бежала], да возымеет милость.
Пастырь, солнце людей, как бог, упасет [человеков]!

Возможно, именно к вавилонской поэме с гораздо большим основанием, чем к Книге Иова, можно отнести подозрения тех критиков, которые утверждают, что подобные произведения подвергались допискам, дополнениям, изменениям. Какие-то благочестивые жрецы действительно могли приписать страдальцу слова смирения и покорности, следующие за открытым и непримиримым бунтом. Ясно, что вавилонским жрецам было не очень приятно слышать или читать, как обличают богов, как утверждают, что они не приходят на помощь к людям, и поэтому в уста страдальца в конце поэмы они вложили столь кроткую и смиренную молитву.

Подчеркнем, что эпоха, в которую сложился сюжет данного произведения, — это первая половина II тысячелетия до н. э., т. е. время, когда жил Иов.¹

...Другое, очень высокого художественного достоинства, произведение было создано в Египте, тоже во II тысячелетии до н. э., во времена смуты и иноземного нашествия (между эпохами Среднего и Нового царств), когда эта страна испытывала величайшие трудности: начались восстания, мятежи, и поколеблены были основы существования всего народа, в особенности же знатных египтян. Это знаменитое произведение названо в переводе Веры Потаповой «Спор разочарованного со своей душой»².

«Разочарованный», очевидно, бывший ранее человеком знатным и богатым, потерял всё, был «вышвырнут из дома своего», как он сам говорит, и стал ненавистен и презрен в глазах людей, подобно Иову и вавилонскому страдальцу. Начинается его жалоба так (притом беседует он не с другом и не с божеством, а с самим собой, со своей душой):

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как птичий помет
В летний полдень, когда пылает небо.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как рыбы отбросы
После ловли, под небом раскаленным.

Здесь мы переносимся в Египет и видим жаркую долину Нила и отбросы — рыбы кости и чешую, которые гниют под солнцем и издают зловоние. Такое же отвращение вызывает у окружающих имя «разочарованного».

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как навет непристойный
На отрока, чистого сердцем.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, словно город-изменник,
Что задумал от царства отложиться.

¹ Сама «Вавилонская теодицея» записана (или сочинена?) жрецом Эсагилкиниуббимом в начале XI века до н. э., однако существуют ее прототипы (часто текстуально близкие) на шумерском и аккадском языках, созданные в первой половине II тысячелетия до н. э.

² См.: *Лирика Древнего Египта*. — М.: Художественная литература, 1965.

Несомненно, в жалобе отразился жизненный опыт ее автора. Вероятно, он был гоним, преследуем и лишился всего. Сквозь призму собственной судьбы автор рассматривает общественные отношения, выразительные приметы своего времени. Лик эпохи проступает сквозь обстоятельства его жизни.

Подобное мы находим и у Иова. Очень часто он утверждает, что нельзя доверяться друзьям, ближним, все предали его, все отступили, все его возненавидели (Иов. 6, 15–27; 19, 13–19; 30, 1–12). То же говорит и египтянин:

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели.

Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый.

Кому мне открыться сегодня?
Раздолье насильнику,
Вывелись добрые люди.

Последние строки этой жалобы как бы ставят точки над «i», изображая уже не отдельную судьбу, но черты целой эпохи:

Кому мне открыться сегодня?
Бремя беды на плечах,
И нет душевного друга.

Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю,
Нет ему ни конца, ни края.

Так от частных обвинений и жалоб, связанных с его собственной участью, автор переходит к панораме всеобщего бедствия, охватившего в ту пору Египет.

Жалобы египтянина связаны с мыслью о смерти. В Книге Иова мы находим слова о том, что смерть желанна всем, кто тяжело страдает; там даже говорится, что есть люди, которые

...Вырыли бы ее охотнее, нежели клад,
Обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли
гроб... (Иов. 3, 21–22)

Смерть, которой большинство людей страшится, для мучительно бедствующих является настоящим сокровищем. И примерно в таком же духе, даже в похожих выражениях, рассуждает о смерти египтянин:

Мне смерть представляется ныне
Исцелением больного,
Исходом из плена страданья.

Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сидением в тени паруса, полного ветром.

Действительно, в жаркой Нильской долине, особенно летом, нет большего блаженства, чем плыть под парусом на весельном корабле и наслаждаться освежающим ветром.

Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьянения.

<...>

Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

Приведенные слова являются, может быть, первой записью тех гностических воззрений, которые получили развитие именно на земле Египта еще в дохристианскую эпоху и содержат ту мысль, что жизнь земная на самом деле есть смерть, а смерть есть жизнь. В позднейшей греческой передаче этой мысли имеет место игра слов: «сома» («тело») есть «сэма» («могила»). Бессмертная душа, будучи уловлена в земные сети, находится как бы в могиле: она заключена в тело, как в гроб или темницу. А потому исход души из тела есть возвращение в высший мир, полное радости и счастья.

Последнее, о чем «разочарованный» сообщает своей душе, — это обетование загробного блаженства; подобного нет в Книге Иова. Египетский страдалец, испивший полную чашу бед и мучений, вдруг духовно прозревает, начинает «воспринимать сигналы» из иного мира и утверждать, что смерть не только представляется ему чем-то блаженным, но таковой и является.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет живым божеством,
Творящим возмездье за зло.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в ладье солнечной плыть,
Изливая оттуда благодать, угодную храму.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в числе мудрецов, без помехи
Говорящих с божественным Ра.

Казалось бы, такие слова, описывающие радости загробной жизни, расходятся с содержанием Книги Иова; но при ближайшем рассмотрении и здесь обнаруживается некое сходство. В Книге Иова также есть определенный намек на подобное мировоззрение. Несмотря на то, что многие исследователи отвергают правомерность перевода, представленного в Синодальном тексте, всё же воспользуемся им:

А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит
из праха распадающуюся кожу мою сию,
И я во плоти моей узрю Бога.
Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его.
Истаивает сердце мое в груди моей! (*Иов. 19, 25–27*)

Сравним с оригиналом. В буквальном переводе начало текста звучит примерно так: «А я узнал: мой Избавитель жив, и последним над прахом Он восстанет. И после того, как эту мою кожу обдерут, из плоти моей я буду созерцать Бога». Как видим, в древнееврейском тексте явственно присутствует утверждение о бессмертии духа и посмертном Богообщении.

Они и вправду похожи — надежда «разочарованного» на беседы с божеством Ра и надежда Иова на непосредственное, лицом к лицу, общение с Богом после смерти («в последний день»).

Таким образом, между тремя упомянутыми произведениями — входящей в Священное Писание Книгой Иова, прекрасным творением Древнего Междуречья «Вавилонская теодицея» и египетской поэмой высокого звучания «Спор разочарованного со своей душой» — наблюдается немало общего. А главное — приведенные параллели с ясностью свидетельствуют, что Книга Иова вполне могла быть создана в первой половине II тысячелетия до н. э., по-

сколько она входит в круг литературы того времени о невинных страдальцах.

Чем же так привлекательна Книга Иова для людей самых разных регионов, народов и культур, как живших в древности, так и читающих ее в наши дни? Не только тем, что она поднимает важнейшие вопросы бытия; и не только тем, что ее автор старается ответить на эти вопросы очень многогранно, без конфессиональной узости, без шор на глазах, что он с величайшей смелостью дает простор любым порывам мысли, любым решениям, нередко высказывая взаимно несовместимые точки зрения. Есть в мире и другие книги, обладающие подобными качествами: это, например, произведения древнегреческой философии, религиозные трактаты и поэмы древней Индии и т. д. Книга Иова отличается от всех них тем, что в ней острее, важнейшие для человека вопросы поставлены и ответы на них востребованы «на краю бездны» — на тонкой границе между бытием и небытием, благочестием и кощунством, на грани самой физической возможности диалога; вопросы задаются непосредственно перед лицом смерти и таких страданий, которые способны лишить человека самого дара мышления.

Если мы сравним трагический диалог Иова и его друзей с теми беседами, которые велись греческими или индийскими мудрецами, иногда, быть может, относительно того же самого круга вопросов, то увидим огромную, вопиющую разницу. Вспомним беседы между греческими мыслителями — скажем, между Платоном и его последователями. Где они проходили? На лоне природы, среди прекрасных зданий, в спокойной, радостной обстановке. Собственно, так и должны вестись философские беседы. И греческие мудрецы немало сделали, чтобы создать подобную атмосферу для своих встреч. Точно так же, собираясь на берегу Ганга или Инда, беседовали между собой индийские мудрецы: от всего отрешась, сидели они на траве, возжигали благовонные курения, вкушали жертвенную пищу, пили опьяняющий священный напиток — сому и рассуждали о жизни и смерти.

Как же проходит разговор на те же темы у Иова с его друзьями? Диалог ведется в крайне напряженной, трагичной обстановке, перед лицом невыносимых страданий величайшего мудреца, который не просто равен по духовному разумению своим собратьям, но и превосходит их. Друзья вынуждены взирать на его муки, от которых не могут его избавить. И эти муки являются живым и ярким опровержением всех их философских построений. Они

собрались не только с целью утешить своего собрата по мудрости, а может быть, и по власти (мы далее рассмотрим возможность того, что они также являются правителями целых стран или областей) — они собрались, чтобы постигать в беспросветной тьме человеческой жизни, в безнадежном мраке страданий глубочайшие тайны бытия.

Понятно, что в последние дни земного бытия, на границе жизни и смерти, для человека, если он сохраняет еще ясный разум, всё обостряется. Жизнь приобретает совсем иные вкус и цвет, другое звучание. Когда надеешься, что тебе предстоит прожить еще много дней и лет, то одним образом воспринимаешь действительность; если же сознаешь, что на днях — «всё», то жизнь воспринимается совсем иначе. Однако попытаемся представить себе, насколько тягостнее становится окружающая реальность над бездной страданий неодолимых, которые хуже смерти. Сам Иов причисляет себя к тем,

...Которые ждут смерти — и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад,

Обрадовались бы до восторга... (Иов. 3, 21–22)

Именно такую ситуацию создает автор Книги Иова для своих героев для того, чтобы в ней ярче и пронзительнее высветились важнейшие вопросы бытия.

Глава 2

ТРАГЕДИЯ ИОВА.

«УКАЖИТЕ, В ЧЕМ Я ПОГРЕШИЛ»

Сопоставление сохранившихся произведений древневосточной литературы о страдающем праведнике с Книгой Иова показывает, что ни одно из них не содержит таких глубоких концепций, таких необычайных проникновений в сущность бытия, в проблему взаимоотношений человека с Богом, как Книга Иова. В этих произведениях лишь констатируется тот факт, что человек был праведен, непорочен перед своими божествами — и вдруг подвергся жестоким страданиям. И вот он беседует с другом или же с собственной душой, пытаясь выяснить причину произошедшего.

И только Книга Иова затрагивает очень многое, выходящее за пределы бытовых и даже метафизических представлений обычного человека; ее повествования и диспуты приоткрывают истинные причины страданий праведных, а вместе с тем, парадоксальным образом — истинные основы самого мироздания. Оказывается, одно с другим очень тесно связано.

Мы помним, что Иов был беспорочен и чист во всех деяниях, что он соблюдал Закон и заповеди в том виде, в котором они были явлены человечеству еще до Синайского законодательства (т. е. законы сынов Ноевых). Известно, что через Авраама и Исаака их потомкам эдомлянам (к которым принадлежал Иов), как и израильтянам, были даны еще и дополнительные постановления и заповеди. В частности, Иовом в какой-то форме соблюдалась заповедь о Субботе. Так, о его семерых сыновьях говорится:

Сыновья его сходились, делая пиры каждый в своем доме в свой день...

Когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал *за ними* и освящал их и, вставая рано утром, возносил всеожжения по числу всех их. Ибо говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем... (Иов. 1, 4–5)

Как видим, сыновья Иова поочередно в течение недели устраивали пиры, а в седьмой день Иов приносил жертвы за всех них. Иными словами, в субботу он совершал обряд поклонения Всевышнему и просил Его простить грехи своих близких.

Нам известно, что Иов глубоко почитал Бога. Вот, быть может, наиболее значимые слова этого праведника:

...Да будет имя Господне благословенно! (*Иов. 1, 21*)

Таким образом, он не только почитал Всевышнего, но и знал Его имя, которое было возведено патриархам, а впоследствии — Моисею и всему народу Израиля (непроизносимое четырехбуквенное имя, Тетраграмматон, которое в Синодальном переводе почти всегда передается как «Господь»).

Иов, как мы сказали, совершал Всевышнему жертвоприношения. Он воспитывал детей в страхе Божьем:

...Может быть, сыновья мои согрешили... (*Иов. 1, 5*)

Значит, и дети его имели представление об истинном служении Богу, поскольку были в этом наставлены отцом. Иов оказывал помощь всем нуждающимся, что предписано заповедями Создателя:

Вот, ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал,
Падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. (*Иов. 4, 3–4*)

— т. е. как колеблющихся в вере, так и материально нуждающихся Иов поддерживал, он как бы «выпрямлял» их жизнь и ставил их на ноги.

Есть множество и других свидетельств его праведности и непорочности.

Почему же и в связи с чем такой праведный и возвышенный муж подвергся ужасным страданиям? Вдруг разрывается перед нами завеса обыденности, описание земных дел, и мы переносимся — подобно тому, как это происходит, скажем, во сне — в совсем иной мир, в иное измерение бытия, и оказываемся не более и не менее как перед престолом Самого Создателя.

Начинается знаменитое повествование о том, как в день, когда приходили сыны Божьи дать отчет Отцу своему, Всевышнему, «между ними» (**בְּתוֹכָם** *«бетохам»*), т. е. «среди них», «как один из них») явился и некто, называемый **שָׂטָן** *«ša-satán»*, — сатана. «Сатан» означает «противоборствующий», «противоречащий» —

тот, кто мешает свершиться чему-то (от глагола שׂוּשׁ «*satan*» — «противодействовать»). Кому же противоборствует этот дух и какой властью он обладает?

Из всего повествования Книги Иова мы видим, что он, в противоположность распространенному заблуждению, не имеет ни малейшей самостоятельной власти. Он не есть независимо действующая сила, которая стремится нарушить гармонию бытия, противостоя благому как таковому или же, тем более, Самому Создателю. Только в дуалистических теологиях, космологиях и метафизических системах, главным образом восходящим к маздеистской (зороастрийской) религии, утверждается, что во вселенной между двумя равновеликими началами — светлым, благим, и мрачным, злым, — постоянно происходит борьба, отражающаяся на всех мировых процессах. К учению маздеизма восходят представления тех гностиков, которые приписывают мировое благо одному источнику, а мировое зло — иному и таким образом вводят, помимо единого Создателя, другое божество, во всё Ему противоположное.

В Библии подобного дуализма нет: «сатан» появляется как один из духов — «сынов Божьих», подвластных Отцу. Он предстает Богу и дает Ему отчет. Всевышний его спрашивает: «Откуда ты пришел?», и он отвечает: «Я ходил по земле и обошел ее» (Иов. 1, 7). Видимо, он выполнял какое-то поручение и рассказывает, насколько успешны были его усилия. Итак, «сатан» подотчетен Богу — он ни в коем случае не восстает против Всевышнего и не замышляет ниспровергнуть весь строй мироздания. И Бог дает ему очередное задание, как бы подстрекая к последующим действиям:

...Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. (Иов. 1, 8)

И тут же «сатан» включается в диалог со Всевышним и говорит:

...Разве даром богобоязнен Иов?

Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и всё, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле;

Но прости руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя? (Иов. 1, 9–11)

В древнееврейском оригинале сказано не «...благословит ли он Тебя?», а более резко: «...разве не проклянет Тебя в лицо?»

Правда, здесь применен глагол **רָבַח** «*барáx*», означающий «благословлять», но почти повсюду в Библии, когда говорится о Всевышнем и об отрицательном отношении к Нему человека, вместо слова «проклинать» эвфемистически используется глагол «благословлять».

Иова постигает первое страшнейшее испытание: похищаются его стада, а на его детей, когда они пируют у старшего брата, обрушивается дом, и все они погибают. В один день обрушиваются на Иова эти беды — вестники страшных событий следуют друг за другом. И тут повествование прерывается, чтобы перейти к описанию реакции Иова. Когда подобное случается с праведником, что он делает? —

Тогда Иов встал, и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою, и пал на землю, и поклонился... (*Иов. 1, 20*)

Человек может упасть на землю от беды, от бессилия; но Иов пал на землю не так. Он пал, чтобы поклониться Всевышнему, Который послал ему столь тяжкие испытания. И сказал Иов:

...Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. (*Иов. 1, 21*)

Есть ли в приведенных словах ропот, обида, жалоба? Нет, только констатация факта: всё, что было мне дано, исходило от Всевышнего. Забрать это — Его суверенное право, я ни на что претендовать не могу, жаловаться мне не на что. Если Царь сперва поручил мне некую должность, а потом сместил с нее, то я остался при том, что имел прежде. Раньше я только благодарил Царя, а теперь не смею предъявлять никаких претензий, ибо всё принадлежит Ему.

Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! (*Иов. 1, 21*)

Никаких жалоб, ни малейшего протеста против безграничной власти Бога! И повествователь далее резюмирует:

Во всём этом не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге. (*Иов. 1, 22*)

Затем настал срок второго испытания. Сатана опять предстает перед Богом, и в ответ на Его обличение: ты, мол, обвинял человека, который и теперь чист, и ничего скверного не сделал, —

искуситель приводит такой довод: самое тяжелое испытание Иову еще не пришлось перенести. Далее приводится пословица, бытовавшая на Древнем Востоке:

...Кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек всё, что есть у него... (Иов. 2, 4)

И в соответствии с этим изречением сатана предлагает до конца проверить верность и непоколебимость Иова:

...Но прости руку Твою и коснись кости его и плоти его... (Иов. 2, 5)

«Кожа за кожу» — что это значит? Когда речь идет о «коже», т. е. о чем-то поверхностном, возможна торговля; если же дело касается проникновения «под кожу», т. е. затрагивает нечто жизненно важное для человека, то он готов поступиться очень многим, дабы избежать потери. Тем более пойдет он на всё, чтобы сохранить саму жизнь. Такова логика искусителя...

Мы видим, что он вторично предлагает Богу «простереть руку Свою» на Иова и «коснуться» этого праведника, т. е. поразить его бедами. И действительно — Бог «простер руку», и Его «рукой» оказался в данном случае сам же злой дух. Итак, Всевышний повелевает им, как Своею «рукой»...

Отошел сатана от Бога и поразил Иова, как сказано, «проказою лютою», т. е. какой-то страшной кожной болезнью, связанной с перерождением кожи, нарывами от головы до ног (вспомним только что звучавшее «кожу за кожу»...). И Иов с той минуты не имел покоя ни физического, ни духовного. Далее говорится, что он не мог сомкнуть глаз ни днем, ни ночью, не мог проглотить кусок пищи и выпить глоток воды без ужасающих мук, и адские страдания стали его повсечасным уделом. Всё это случилось в довершение потери детей, утраты имущества, лишения царской власти...

Как же отозвался Иов на череду неописуемых бедствий? Он оставался непорочным, что следует из слов жены:

И сказала ему жена его: ты всё еще тверд в непорочности твоей! похули Бога — и умри. (Иов. 2, 9)

Жена Иова верит, что если кто-либо пожелает ниспровергнуть весь мировой порядок, обратив проклятие на самого Творца, то он будет мгновенно сокрушен вышней силой. Однако Иов не соглашается ее слушать:

Но он сказал ей: ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всём этом не согрешил Иов устами своими. (Иов. 2, 10)

Он и после второго, страшнейшего, испытания не поколебался в вере. Он не обвинил ни в чем Бога, не воспротивился Ему, не стал возражать против тех способов управления вселенной, которыми пользуется Всевышний.

Спрашивается: почему же библейские критики постоянно называют Иова бунтовщиком, мятежником, бросающим в лицо Всевышнему всевозможные обвинения? Ведь ничего подобного приписать ему нельзя. И даже после того, как друзья своими обвинениями спровоцировали Иова на его знаменитые речи, он всё же оставался твердым в своем уповании и с величайшим терпением переносил посылаемые ему страдания.

Древнееврейское слово שָׂטָן (*ša-satán*), «сатана», имеет числовое значение 364. Из этого древние мудрецы вывели следующее: злой дух имеет власть испытывать человека в течение 364 дней солнечного года. Значит, есть какой-то один день, в который сатана лишен такой власти. Какой же день имеется в виду? Одни мудрецы утверждали, что это День Очищения, Йом-Киппур (Лев. 23, 27–32), в который кающемуся человеку прощаются грехи; другие же полагали, что это любой день, в который человек остается верен Богу и не дает себя сбить с пути. Вот именно такой день и переживал Иов. Он противостоял злему духу и не дал тому осуществиться свой замысел — заставить праведника отступить от Бога.

...Но вот к Иову приходят друзья — великие мудрецы, которые горят желанием утешить страдальца. Надо думать, что, находясь в дружбе со столь глубокими мыслителями своего времени, сам будучи мудрейшим человеком, Иов вел с ними какие-то философские разговоры и раньше. Иначе что же это за мудрецы, если прежде они не касались таких тем, как Бог, управление миром, воздаяние праведным и нечестивцам? Безусловно, названные темы в своих беседах они затрагивали. Вот почему разговор, который возникает между Иовом и его друзьями в трагической, страшной ситуации страданий праведника, воспринимается как продолжение их прежних бесед, возобновленных в виде страстного диспута в ужасных и, казалось бы, неисправимых новых обстоятельствах.

Теперь вся прежняя система ценностей Иова, которая основывалась на вере в справедливость Божью, в то, что Бог воздаст каждому по делам его, вдруг обернулась для него заблуждением, призраком, химерой. Центральный, самый главный и надежный

столп его мировоззрения рухнул — и закачалось всё здание, и обрушилось со страшной силой. То, во что верил Иов, на что он уповал, к чему стремился, что возглашал, проповедовал, осуществлял, — разбилось вдребезги, поскольку оказалось, что из мира изгнана справедливость. Вот главное, над чем, собственно, Иов и стал напряженно размышлять, вот та проблема, к разрешению которой он устремился всеми еще сохранившимися силами ума и души.

С приходом друзей, которые, выступив первоначально в роли утешителей, быстро стали обличителями, обвинителями Иова в некой на ходу изобретаемой ими греховности, — в процессе бесед с ними пробуждаются все внутренние силы Иова и направляются к цели, именуемой теодицеей — оправданием Бога. Иов неоднократно провозглашает это целью своих речей, в общем виде формулируемой примерно так: «Несмотря на адские муки, постигшие меня, праведного человека, я буду оправдывать Бога, а не обвинять Его». Речи Иова можно было бы назвать, вводя новый термин, зоедицеей. По-гречески ζωή <δζοή> — «жизнь». Зоедицея — «оправдание жизни», утверждение необходимости ее сохранения несмотря ни на что и нахождение для нее цели и смысла в любых, в том числе непереносимых, условиях. И хотя, казалось бы, уже прозвучали слова Иова о том, что он предпочел бы жизни смерть, вырыл бы ее, как клад, и обрадовался бы ей:

На что дан страдальцу свет, и жизнь — огорченным душою,

Которые ждут смерти — и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад... (Иов. 3, 20–21)

— несмотря на это, он приложит все усилия, чтобы оправдать и Создателя, и жизнь на земле. Дальнейшее повествование как раз и будет посвящено в основном попытке Иова сохранить и оправдать всё, что он создавал в течение своей жизни сердцем, душой и разумом; оправдать перед лицом мудрых друзей, наблюдающих за тем, как рушится его вера в праведное воздаяние...

С чего начинает Иов свою речь? Вот приходят к нему друзья, они издают крик скорби, узрев его издали, — настолько он изменился, настолько стал не похож на прежнего, прекрасного видом, почтенного старца, каким они привыкли его лицезреть. Кожа прилипла к его костям, почернело лицо, он страшен обликом, согбен, отоцал, бессильно сидит на земле. И друзья тоже садятся на землю, они подбрасывают с земли прах, посыпают головы пеплом, словно бы уподобляясь несчастному страдальцу, и семь дней молчат рядом с ним. Таково их соучастие в мучениях друга; и они

ждут, чтобы он начал говорить первым, дабы своими речами не нарушить преждевременно его печальных размышлений и не показаться неучтивыми перед лицом его невыносимых мук.

И вот через семь дней Иов отверзает уста. Вспомним, как жена сказала ему: «Похули [точнее, „прокляни”] Бога — и умри» (2, 9), а он ответил: «Ты говоришь, как одна из безумных...» (2, 10). Но теперь некое проклятие всё же извергается из уст Иова. Однако относится оно, конечно, не к Создателю:

После того открыл Иов уста свои — и проклял день свой. (*Иов. 3, 1*)

То, что Иов пытается сделать прежде всего, — это отвести от Бога какие бы то ни было обвинения в случившемся. Он начинает обвинять в происшедшем с ним судьбу, природу, естественный ход явлений и событий, как будто бы Бог здесь совершенно ни при чем. Это первая речь Иова:

И начал Иов, и сказал:

Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! (*Иов. 3, 2–3*)

Так что же проклял Иов? «День свой» — это день рождения или зачатия, в который человек становится причастным к земному миру; день, когда душа входит в соприкосновение с веществом формирующегося тела и начинает получать (зачатие) или уже получает (рождение) физическое обличье — свое «земное облачение».

День тот да будет тьмою; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! (*Иов. 3, 4*)

Согласно этим словам, не Бог, а именно день, в который Иов родился, виноват в том, что произошло. Имеется в виду предначертание рока: так уж звезды были расположены, так было предназначено, а Бог «да не взыщет свыше» сей день... То есть Бог сокрыт, поэтому к Нему не может быть никаких претензий — во всём виноват «день»! Речь идет о концепции Бога трансцендентного, настолько удаленного от вещественного мира, что последний управляется своим от века данным законом (судя по всему, астрологическим, подразумевающим чередование «счастливых» и «несчастливых» дней). Поэтому Бог непосредственной ответственности за происходящее на земле не несет. И такой концепции Иов придерживается вполне намеренно — с целью теодицеи.

Чем же кончается его первая речь? —

...Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне.

Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье.
(Иов. 3, 25–26)

«Постигло», по-древнееврейски נָכַח *«ва-йаво́»*, буквально «пришло», — глагол, указывающий на «самостоятельный» приход событий», как бы без воли свыше («так уж случилось»), и с такими утверждениями выступает первоначально Иов.

И тогда в ответ на его речь отверзает уста Елифаз, видимо, старший по возрасту из друзей, и начинает обвинять Иова.

Подробнее речи Елифаза и других мудрецов мы рассмотрим позже, а сейчас поговорим лишь о реакции на эти речи самого Иова. «Да, — раздаются обвинения из уст Елифаза, — ты, наверное, страшно согрешил и скрываешь свой грех; совершил нечто ужасное — так покайся!» И вот Иов, уязвленный до глубины души подобным обвинением, начинает вслух обращаться к Богу. С друзьями он теперь говорит совсем по-другому, чем ранее, обнаруживая перед ними свои истинные взгляды на вещи. «Да, — отвечает он, — Бог послал мне страдания, но они имеют совершенно не тот смысл, о котором вы думаете; мои страдания иного рода, чем вы привыкли себе представлять».

Проследим за развитием этой темы: как Иов обращается к Богу с жалобой на свои муки и как взывает к Нему, чтобы Он вывел, «как свет», правду Иова и показал мудрецам, что совсем иные причины привели его к бедствиям, нежели какие-то легко опознаваемые грехи.

Итак, сначала Иов, напомним, совершенно смиряется с приговором свыше, принимая его как нечто само собой разумеющееся:

...Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!

<...>

...Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? (Иов. 1, 21 – 2, 10)

И при этом дважды подчеркивается, что ни в чем «...не согрешил Иов устами своими» (2, 10; ср.: 1, 22).

Когда же собрались мудрецы и праведник был вынужден вести с ними диалог, он обязан был что-то сказать в подтверждение или опровержение своих прежних рассуждений о том, что праведность всегда награждается, а нечестие наказывается. Ведь Иов — великий

мыслитель, проникающий сердцем глубины мироздания, созерцающий душой величие Божье, и он должен был перед лицом своих друзей высказать глубокие мысли о сущности, причине и цели страданий — даже и тогда, когда сам безутешно страдал.

И, как мы видели, первой его реакцией была попытка «отстранить» Бога от всего случившегося: во всём день виноват, ночь виновата; проклят тот день, проклята та ночь: «Зачем не закрыла эта ночь утробу матери моей, чтоб я вышел из нее, зачем я не был поглощен тьмой!» А Бог здесь ни при чем. Но когда Елифаз коснулся участия Бога в судьбе Иова и стал утверждать: «Бог тебя наказал, и, несомненно, ты несешь кару за свои поступки», — вот тогда уже Иов уклониться от обсуждения этой темы не смог. Он привел множество разных доводов и наконец обратился к Богу, чтобы Тот явил его правду и невинность и поведал, в чем причина его ужасных страданий.

Значит, суть всего обсуждаемого — не в жалобах, не в том, что Иов не в силах вынести наказание, а в необходимости оправдать деяния Всевышнего в мире, необходимости в страшных условиях крушения и разрушения привычного внешнего и внутреннего мира сохранить то, что еще можно сохранить, и создать свою теологию. Иов совершает героическую попытку обрести такую мудрость, которая объяснила бы деяния Бога и позволила утвердить учение о жизни на новых основах.

После того, как Елифаз заканчивает обвинительную речь, вновь раздается голос Иова, упрекающего друзей в том, что в тяжелейших обстоятельствах они не пришли к нему на помощь, не поддержали, не утешили, а, наоборот, бросили ему в лицо грозные обвинения в греховности. Своими обвинениями друзья как бы перечеркивают его уникальный опыт, заграждая те пути, которые должен одолеть Иов, чтобы глубже познать бытие Божье и сущность жизни. Друзья как бы заранее отрицают саму возможность ответа, который необходимо найти Иову, и пытаются дать всему, что происходит с ним, графаретные, обыденные объяснения.

И вот Иов жалуется:

К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю. (*Иов. 6, 14*)

В данном случае «друг» — это Елифаз, который бросает в лицо Иову обвинения в нечестии. В ответ Иов как бы неявно обличает Елифаза, говоря, что, мол, нет в тебе страха Божьего, — иначе как ты смог решиться на подобное обвинение?

Противопоставляя ожидаемое им поведение «братьев по мудрости» их реальным поступкам, праведник продолжает:

Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи...
(Иов. 6, 15)

Иов сравнивает своих друзей с ручьями в жарких странах, которые текут лишь в зимнее время, а летом высыхают. Люди надеются напиться из этих ручьев и не знают, что они уже испарились. Так же и верность, преданность и любовь друзей Иова исчезли, как только его постигло зло.

Так и вы теперь ничто: увидели страшное и испугались.

Говорил ли я: дайте мне, или от достатка вашего заплатите за меня;

И избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня? (Иов. 6, 21–23)

Действительно, говорил ли подобное Иов? Просил ли он избавления от руки врага, т. е. сатаны? Нет, он принял бедствие со стоической верностью и постоянством — безропотно перенес всё, что обрушилось на него. Он ни разу не возопил: «Боже, избавь меня от этого!» — мы не слышим из уст его подобных слов. А разве умолял Иов друзей: «...избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня», и просил ли он какой-либо помощи, кроме, может быть, молчаливого сострадания?

Научите меня, и я замолчу; укажите, в чем я погрешил.

Как сильны слова правды! Но что доказывают обличения ваши?

Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши.

Вы нападаете на сироту и роете яму другу вашему. (Иов. 6, 24–27)

Да, друзья «рыли яму» Иову своими словами, они его словно бы намеренно заставляли отречься от самой попытки зоедицеи — отстаивания жизни перед лицом подступившей бездны, хаоса и небытия, от утверждения величия Бога перед лицом несправедливости. Друзья как бы принуждали Иова признать, что ему, Божьему строителю, теперь не на чем больше строить...

Но Иов не сдается. Он сознает, что у него особые цели в этом мире, особое призвание, уникальные возможности для служения Богу в тех отчаянных условиях, в которых он оказался. Не зря

в Книге Иезекииля говорится, что Иов — один из величайших заступников перед Богом, каких только имеет человечество. Там сказано следующее:

...Если бы какая земля согрешила предо Мною, вероломно отступив от Меня, и Я простер на нее руку Мою, и истребил в ней хлебную опору, и послал на нее голод, и стал губить на ней людей и скот;

И если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, — то они праведностью своею спасли бы только свои души, говорит Господь Бог. (*Иез. 14, 13–14*)

Из данного отрывка с очевидностью следует, что в других ситуациях перечисленные великие праведники спасали не только свои души. Вспомним: Даниил молился за царя вавилонского, за персидских царей, он спас магов вавилонских, которым грозила казнь, если они не расскажут царю Навуходоносору его сон (Дан. 2). Ной спас не только себя, но и всю свою семью, все виды животных — саму жизнь на земле. Выходит, что если Иов упоминается в данном контексте, то и он многих спасал. Он, например, неоднократно приносил жертвы за своих детей, чтобы им были прощены грехи; он впоследствии принес жертвы за своих друзей, и им грех также простился (42, 8–9). Он, будучи правителем, спасал страдальцев и сирот, бедствующих и беспомощных (29, 12–16). Значит, Иов также был великим заступником за людей.

И как раз заступничество за человечество, то оправдание жизни на земле, в котором и состояло призвание Иова, противоположно по своей направленности козням сатаны. Как мы уже говорили, цель этого падшего ангела — противостоять человечеству (Иез. 18, 13–16; Быт. 3, 1–7). Он, по преданию, издревле утверждал, что творить человека на земле не следовало бы: что человек падет и не встанет, и напрасно, мол, Бог его создал... Всей своей деятельностью сатана провоцирует человека на падение, дабы доказать перед Богом истинность своих первоначальных утверждений (Откр. 12, 7–12), чтобы перед лицом Божиим вновь и вновь утверждать: «Напрасно Ты сотворил человека. Видишь, человек не оправдывает своей миссии». И для отражения подобных действий и обвинений сатаны Иов должен защитить ни больше ни меньше как саму идею земной жизни, идею существования человечества...

Почему, собственно, сатана уговаривает Бога испытать именно Иова, а не кого-нибудь другого? Потому что Иов — самый праведный. Уж если самый беспорочный человек на земле, лишившись

жизненных благ, проклянет Творца, то этим он не только обесмыслит всю свою предшествующую жизнь, но и поставит под сомнение само право человека существовать на земле, — ведь человек при своем сотворении был призван стать правителем земли, осуществляющим на ней волю Божию (Быт. 1, 28). Таким образом, «праведник-отступник» подтвердит мнение сатаны, что человек — притом даже наилучший, самый праведный — при страдании забывает всё возвышенное и уподобляется животному. Однако животное, страдая, не проклинает Творца, ибо оно Его не осознает, а только чувствует. Если же это сделает наделенный разумом человек, и притом праведнейший в своем поколении, он падет ниже животного, как бы отринет весь строй мироздания, обесмыслит всё! Тогда искустителю можно будет наглядно аргументировать свой постоянный тезис: «Да, человек напрасно создан; нет ни одного праведника, ради которого следовало бы создать Адама и поддерживать этот нечестивый род, населяющий землю».

Значит, на Иова возлагается колоссальная по значимости миссия: перед лицом компрометации самой идеи существования человека поддержать ее, обосновать, утвердить и отстоять в глазах Создателя!..

В одном из псалмов Давид произносит удивительные слова, обращенные к Богу:

Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там
Ты. (Пс. 138, 8)

Если вдуматься, Давид говорит о том, что даже в аду, где душу постигают несказанные и неисчислимые муки, — даже и там незримо присутствует Всевышний, и человек может Его искать и найти, если взыщет всем сердцем. «...Сойду ли в преисподнюю — и там Ты» — в этом стихе воплощен, может быть, весь опыт Иова. Он должен был в условиях настоящего ада, после крушения самих основ своей жизни найти Бога, утвердить Его суверенную, царскую власть — и прославить Его, несмотря ни на что!

Надо отметить, что Иов в течение предшествующей жизни познал на опыте многие свойства (атрибуты) Бога, о которых он теперь повествует друзьям, и притом делает это настолько поэтично, сильно, философски обоснованно, что во всей мировой литературе мы встретим не так уж много столь возвышенных высказываний о Боге. А ведь они раздаются из уст человека, находящегося словно бы в преисподней: «...сойду ли в преисподнюю — и там Ты»...

Какие же именно атрибуты Бога познал Иов? Прежде всего — всеведение и всемогущество. Иов твердо помнит и проповедует даже в самой «адской бездне» своих страданий, что Бог премудр и всемогущ, и от этой веры ни разу, нигде и никогда не отрекается:

Премудр сердцем и могущ силою; кто восставал против Него — и оставался в покое?

<...>

Но и то скрывал Ты в сердце Своем, — знаю, что это было у Тебя, —

Что если я согрешу, Ты заметишь и не оставишь греха моего без наказания. (*Иов. 9, 4 — 10, 14*)

Значит, Бог еще и справедлив, говорит Иов, Он наказывает грешников заслуженно.

Иов утверждает, что Бог един, и нет никого, подобного Ему (атрибут единства Божьего):

Он один распростирает небеса и ходит по высотам моря...
(*Иов. 9, 8*)

Небеса — это космос, вселенная в целом, и ясно, что Тот, Кто сотворил небеса, сотворил и землю. Он «распростирает небеса», Он один есть Творец — второго нет. Единство Божье очень хорошо известно Иову. Творец не только распростер, но, обратим внимание, «...распростирает [глагол в настоящем времени!] небеса и ходит...» — значит, Бог поддерживает всё сотворенное каждый миг; оно зависит только от Него. «...Ходит по высотам моря...» — в этом образе содержится представление об активном воздействии Всевышнего на физические процессы, проявляемом «над» сотворенным миром (вода, «море» — традиционный символ вещества). Здесь подчеркнут атрибут Божественного творчества.

Бог — великий чудотворец, Он всевидящ:

Преисподняя обнажена пред Ним, и нет покрывала Авaddonу.

Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем. (*Иов. 26, 6–7*)

— Земля висит в космосе, поддерживаемая только силой Божьей, и это одно из величайших Его чудес.

Черту провел над поверхностью воды, до границ света со тьмою. (*Иов. 26, 10*)

— т. е. Он единственный Творец, который сотворил свет и тьму; эти слова Иова отрицают дуалистическое мировосприятие.

От духа Его — великолепие неба; рука Его образовала быстрого скорпиона. (*Иов. 26, 13*)

— от величайшего творения («великолепия неба») и до малого создания («быстрого скорпиона») всё свидетельствует о совершенстве Божественного замысла. Даже «ничтожное», на наш взгляд, существо, тем не менее, по-своему совершенно и указывает на величие своего Создателя. Кроме того, «великолепие неба» пробуждает наиболее возвышенные размышления, а вид ядовитого скорпиона вызывает страх и отвращение; однако и в том, и в другом воплотилась недоступная для человеческого осмысления мощь Божественного творчества.

Даже в Священном Писании нечасто можем мы найти такие величественные слова: «От духа Его — великолепие неба...» При этом Иов осознает, что знает о Боге ничтожно мало:

Вот, это части путей Его; и как мало мы слышали о Нем! (*Иов. 26, 14*)

Он знает, что Бог невидим:

Вот, Он пройдет предо мною — и не увижу Его; пронесется — и не замечу Его. (*Иов. 9, 11*)

Он вновь и вновь говорит о Боге как о Творце в высшей степени премудром:

Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом, — и Ты губишь меня? (*Иов. 10, 8*)

— т. е. совершенство человека есть плод деяния Божьего, явленного в духовном, душевном и физическом совершенстве Его творения.

Наконец, Иов неоднократно заявляет, что он не только знает, но и постоянно чувствует, что Бог вездесущ; куда он ни обратится, Бог всюду, хотя Он и недоступен физическому восприятию:

Но вот, я иду вперед — и нет Его, назад — и не нахожу Его;

Делает ли Он что на левой стороне, я не вижу; скрывается ли на правой, не усматриваю. (*Иов. 23, 8–9*)

Бог всё совершает, Он повсюду скрывается, всюду находится, но невидим, и человек не может воспринимать Его своими чувствами — разве что некоей особой духовной интуицией, которая и позволила Иову произнести приведенные выше слова.

Таким образом, восприятию Иова доступен целый ряд атрибутов Божьих, из которых можно составить целый катехизис, позволяющий отчасти понять, каков же Бог. Иов ни на миг не отрекается ни от своего знания Бога, ни от своей веры:

Нога моя твердо держится стези Его; пути Его я хранил и не уклонялся. (*Иов. 23, 11*)

Несмотря на все испытания, Иов верен пути Божьему. Но что же случилось теперь с мировоззрением Иова, со всей великолепной, законченной картиной бытия, в истинности которой он прежде не сомневался? Оказалось, что в мире нет справедливости, потому что беспорочный праведник страдает как никто другой, он буквально низвергнут в ад. Об этом сказано так:

Лишь только я вспомню, — содрогаюсь, и трепет объемлет тело мое.

Почему незаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? (*Иов. 21, 6–7*)

— и дальше идет подробное изложение концепции, состоящей в том, что незаконных Бог хранит, а праведников убивает и наказывает. Затем говорится:

Почему не сокрыты от Вседержителя времена, и знающие Его не видят дней Его? (*Иов. 24, 1*)

Под «днями Его» подразумеваются дни проявления Божьей справедливости, которую Иов перестал наблюдать на земле:

Межи передвигают, угоняют стада и пасут у себя.

У сирот уводят осла, у вдовы берут в залог вола;

Бедных сталкивают с дороги, все уничтоженные земли принуждены скрываться. (*Иов. 24, 2–4*)

Только ли о себе говорит Иов? Только ли на свои несчастья жалуется? Нет, в данном случае он вообще не имеет их в виду. Но перед его взором, в его страшных страданиях, предстала во всём своем ужасе всеобщая несправедливость: повсюду бедные и сироты угнетаемы, а злодеи благоденствуют, и Бог не защищает

слабых. Именно на это Иов обращает теперь взгляд своей души. Как и должно благородному и праведному мужу, он забывает о себе и думает об общих проблемах, о бедствиях всего человечества, которые стали теперь доступны внутреннему зрению Иова, обостренному страданием.

Что остается делать Иову, чтобы сокрушить доводы сатаны, т. е. доказать свою преданность Богу и утвердить смысл и ценность жизни перед лицом всего происшедшего, не уподобиться животному, не обесмыслить само бытие из-за своих страшных мук и потерь? Ему остается одно из двух. Первая возможность: принять Бога и созданный Им мир — но без атрибута справедливости. Признать: «Да, не существует справедливости, я ошибался. Такого атрибута у Создателя нет. Однако это совсем не значит, что я отрицаю Его власть или оспариваю Его волю: я буду Ему служить несмотря на то, что атрибут справедливости оказался надуманным, изобретенным людьми. Бог — суверенный Господин вселенной, у Него свои пути управления миром, и справедливости Он не соблюдает. Но это не отменяет Его прочих атрибутов: величия, всеведения, всемогущества; того, что Он вездесущ и невидим — всё это сохраняется. Несмотря ни на что, я буду Ему служить». В следующем утверждении Иовом своей веры подобное чувство выражено, может быть, с наибольшей силой:

Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только
отстоять пути мои пред лицом Его! (*Иов. 13, 15*)

— «Он убивает меня без вины, но тем не менее я надеюсь, я верю Ему, я люблю Его и признаю Его величие. Да, мир может быть принят без атрибута справедливости, и вера в Бога может быть сохранена».

Для нас подобный ход мыслей чрезвычайно странен и необычен. Но Иов теперь думает именно так. Он по-прежнему любит Бога, верен Ему и говорит: «Если Ты не соблюдаешь справедливости, я всё равно верю; Ты убиваешь меня, а я надеюсь на Тебя». Иов продолжает надеяться, что Бог всё же ответит ему. С другой стороны, мы уже говорили про подход к событиям, явленный в первой речи Иова (глава 3), когда он обвиняет день, обвиняет ночь, обвиняет судьбу, но не Бога, приписывая вину в случившемся творениям, но не Творцу.

Однако друзья своими обвинениями, вопросами и утверждениями подводят Иова к тому, что подобное невозможно: как же принять, что существуют все те атрибуты Бога, о которых мы говори-

ли, но нет справедливости? Это не представимо. Подобный вопрос был поставлен еще праотцем Авраамом, когда он молился за Содом и Гоморру:

...Судия всей земли поступит ли неправосудно? (*Быт. 18, 25*)

«Если Богу свойственны упомянутые великие атрибуты, то Ему, несомненно, должен быть свойствен и атрибут справедливости, — как бы говорят в один голос друзья Иова, — только мы не всегда понимаем, как он проявляется».

Итак, перед Иовом открылась вторая возможность оправдать деяния Божьи. Первая, как мы сказали, — это принять Бога и мир без справедливости, признать, что дом мироздания может устоять, хотя бы его центральный столп и рухнул, — он стоит, поддерживаемый иными столпами, т. е. всеми прочими великими атрибутами Божьими. А другая возможность, к использованию которой как бы подталкивают Иова речи друзей, — неотступно искать и умолять Бога, призывать Его на суд, вести с Ним тяжбу, доколе не обретется, не обнаружится в мире справедливость — существующая в действительности, но сокрытая ныне. Ее следует допытываться, требовать, взыскивать и не отступать. Справедливость должна быть! При всех остальных совершенствах Создателя ее просто не может не быть. Бог всесовершенен в Своих деяниях — и, значит, справедлив. Вот к чему приходит Иов, и все остальные его речи на этом сосредоточены и к этому сводятся.

Опыт Иова открывает новые, неизведанные до того глубины и Божественной, и природной, и человеческой реальности. Его опыт постоянно актуален, ибо на земле, до самого наступления мессинской эпохи всеобщего исправления, постоянно творится много страшного и, на первый взгляд, несправедливого.

В связи со сказанным пришло время задуматься над самой этимологией имени Иова: почему его так зовут? Подавляющее большинство исследователей говорят, что это имя происходит от древнееврейского глагола אִיב *ai'áv* — «враждовать»: אֹיֵב *oi'ev* — «враг». Соответственно, אִיב *ai'ov*, «Иов», — «враждующий» или, скорее, «тот, с кем враждуют» (в пассивном залоге), «враждуемый» (хотя по-русски так не говорят), «подвергшийся вражде». Со стороны кого? Конечно, не Бога — со стороны сатаны, который воюет против величайшего праведника, хочет сбросить его с достигнутой им духовной высоты, заставить похулить Творца и тем самым низвести само величие человека как носителя образа Божия с горних мест в бездну — чтобы подтвердить свою уверен-

ность в том, что, мол, напрасно создан человек, ни на что хорошее он не способен.

Итак, Иов «враждуем» — подвергается нападкам сатаны, и пафос обвинителя мы уже сформулировали: человек создан напрасно, ведь даже самый праведный в сложных условиях окажется предателем, который способен из-за каких-то временных, преходящих событий и обстоятельств похулить вечного Творца, отречься от Него. Получается, что Иов защищает благородство человека, смысл жизни и занимается самой подлинной теодицеей — оправданием Бога. Иов проявляет верность, а не предательство. Он не обесмысливает, а утверждает свою прежнюю веру — в условиях самых критических.

В чем же это выражается? В числе прочего также и в том, что он даже свои горькие жалобы, безутешные сетования облекает в высокопоэтическую форму, высказывает глубокие философские мысли. Он не вопит, подобно животному, но творит, притом в высшем смысле творчества, создает в тяжелейших условиях жизни, на пороге гибели поэму великолепнейшего звучания, которую станут читать и изучать в течение целых тысячелетий, и уже одним этим оправдывает смысл существования человека. Ведь он объемлет мыслью и облекает в слово всё, что происходит с ним, занимается рассуждением и исследованием вопреки своим страданиям.

Действительно, никто, даже радуясь жизни, никогда не говорил о Боге так, как Иов — изнутри своих тяжелейших страданий. Например:

Премудр сердцем и могущ силою; кто восставал против Него
и оставался в покое?

Он передвигает горы, и не узнают их: Он превращает их
в гнев Своем;

Сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат;

Скажет солнцу — и не взойдет, и на звезды налагает печать.

(Иов. 9, 4–7)

Как это возвышенно звучит — и как торжественно, прекрасно, необычайно постулирует Иов свою верность Создателю! —

И продолжал Иов возвышенную речь свою, и сказал:

Жив Бог, лишивший *меня* суда, и Вседержитель, огорчивший
душу мою...

...Доколе еще дыхание мое во мне и дух Божий в ноздрях
моих,

Не скажут уста мои неправды и язык мой не произнесет лжи!
(Иов. 27, 1–6)

Несмотря ни на что, он верен Богу, верен заповеди, верен той правде, которую представляет и защищает перед всем миром на незримом Божественном суде...

Иов дает замечательную по образности картину премудрости Божьей:

Но где премудрость обретается? и где место разума?
Не знает человек цены ее, и она не обретается на земле живых.
Бездна говорит: не во мне она; и море говорит: не у меня.
(Иов. 28, 12–14)

Бездна и море — это образ материи. По мысли Иова, вещество без Духа Божьего не способно явить какую-либо премудрость, оно хаотично, подобно бездне. И один только Дух Божий полнит премудростью творимый им мир. И дальше Иов говорит, что Бог бесконечно премудр, доказывая это примерами разумного устройства вселенной, которое объясняется тем, что Творец для совершения всякого дела призывает премудрость:

Бог знает путь ее, и Он ведает место ее.
Ибо Он прозирает до концов земли и видит подо всем небом.
Когда Он ветру полагал вес и располагал воду по мере,
Когда назначал устав дождю и путь — для молнии громоносной,
Тогда Он видел ее и явил ее, приготовил ее и еще испытал ее... (Иов. 28, 23–27)

Раз Бог «видел, явил и приготовил» ее, значит Бог выше премудрости, Он есть ее источник.

О чем же говорит страдалец? Каков смысл его доводов в контексте теодицеи? Когда человеку больно, он жалуется, когда ему очень больно, он начинает кричать. Если у него погибли все дети, вся будущность его рухнула — к чему тогда слова? Если он еще и поруган, отвержен, лишен чести, низвержен с престола, повергнут во прах — о чем он может говорить в подобном состоянии? Но Иов вновь и вновь говорит о Боге, о Его славе, о Его величии. И в этом — слава Иова, и этим он посрамляет сатану.

Сутью прежней жизни праведника были Закон и заповеди в том виде, как он их знал и исполнял. Но если не стало нравственного

смысла жизни, если нет воздаяния и никакого «этического фундамента» бытия, если нет справедливости, если праведнику воздается как нечестивцу, то что остается ему для придания жизни смысла? На что опереться праведнику, если «разрушены основания» (Пс. 10, 3)? На мысли, выводы, рассуждения. Он остается человеком. И более чем на 35 веков ранее хрестоматийного «Я мыслю — значит, я существую» Иов говорит иначе, но намного сильнее: «Я рассуждаю, следовательно, я человек; я славлю Бога, следовательно, я человек; я и в неисцелимом страдании своем остаюсь возвышенно, поэтически мыслящим, философски рассуждающим существом; следовательно, сатана посрамлен, и имело смысл создавать человека, коль скоро он даже в таких условиях верен себе и воздает славу своему Творцу». Как сказали бы древние греки, это философия; как сказали бы древние израильтяне, это «хохма́» — истинная мудрость.

Итак, Иов желает более всего и в первую очередь не избавления (да и возможно ли оно, с обыденной точки зрения, после потери всего потомства и крушения всех надежд?), он желает познания — даже в таких невероятно тяжелых условиях...

О, если бы благоволил Бог сокрушить меня, простер руку Свою — и сразил меня!

Это было бы еще отрадою мне, и я крепился бы в моей беспощадной болезни, ибо я не отвергся изречений Святого. (*Иов. 6, 9–10*)

Из приведенных слов Иова следует, что он отнюдь не отрекся от Бога и Его заповедей в своих мучениях.

Постараемся вслушаться внимательнее в речения Иова, чтобы понять, что для него дороже и важнее: избавление от мучений — или истина, познание путей Божьих и подтверждение Его справедливости.

Говорил ли я: дайте мне или от достатка вашего заплатите за меня —

И избавьте меня от руки врага и от руки мучителей выкупите меня? (*Иов. 6, 22–23*)

Нет, не говорил подобного Иов, не на собственное избавление от мук были направлены все его усилия.

Невинен я; не хочу знать души моей, презираю жизнь мою. (*Иов. 9, 21*)

Иов заботится не о том, что станет с его душой (жизнью), что с ней происходит сейчас — он презирает подобные вопросы. Ему нужно одно: понять, осознать, вместить разумом то, что с ним случилось. «Невинен я» — вот что для него важно на фоне всех испытаний и терзаний. А из этого утверждения логически вытекает и вопрос о причине собственных страданий, который, в свою очередь, неотделим от поиска в мире справедливости для оправдания деяний Бога...

Как известно, Иов оказался праведнее своих друзей (Иов. 42, 7–8). Они приводят очень красивые аргументы, утверждая, что Иов виновен, что он должен отыскать свой грех, исповедать его — и тем самым они всё то неисследованное, никем еще не испытанное, уникальное, что на собственном опыте постигает Иов и благодаря чему он пролагает новый путь человечеству, сводят к заведомо известному — тому, что уже тысячу раз сказано и проповедано. Тем самым они обесмысливают его неповторимый путь, значение собственных открытий праведника, его теодицею и зоодицею — оправдание Бога и оправдание жизни. И сам Иов так об этом говорит своим друзьям:

Сколько знаете вы, знаю и я: не ниже я вас.

Но я к Вседержителю хотел бы говорить и желал бы состязаться с Богом. (Иов. 13, 2–3)

А цель этого «состязания» — воссоздать, восстановить и укрепить тот самый «столп», который в сознании Иова рухнул и распался, столп справедливости; а это может сделать только Бог, открыв Иову скрытый смысл происходящего.

И вот Иов обращается к друзьям со встречными обвинениями в неискренности:

А вы сплетчики лжи; все вы бесполезные врачи.

О, если бы вы только молчали! это было бы *вменено* вам в мудрость. (Иов. 13, 4–5)

Так охарактеризовал Иов речи своих друзей, потому что все они не касаются самой сути проблемы, над которой он бьется.

Посмешщем стал я для друга своего, я, который взывал к Богу, и которому Он отвечал, посмешщем — *человек* праведный, непорочный. (Иов. 12, 4)

Этими словами Иов утверждает, что он подлинный пророк: ведь он взывал к Богу, а Бог отвечал ему — с кем происходит по-

добное? Согласно и духу, и букве библейского учения — только с пророком (Втор. 18, 18–22; Ис. 58, 9). И вот теперь, зная, что он пророк, друзья всё же обвиняют его. Иов говорит о своем опыте как об общезначимом, как о том ведении, которое он впервые принес в мир, как о том пламени, что теперь возгорится и вовек не погаснет. В следующем стихе Иов совершенно точно выражает смысл своей миссии и тайную цель своих страданий:

Так презрен по мыслям сидящего в покое факел, приготовленный для спотыкающихся ногами. (*Иов. 12, 5*)

Друзья Иова в каком-то смысле, говоря библейским языком, «сидят [более точный перевод: «застыли»] на дрожжах своих» (Соф. 1, 12). Они живут спокойно, правят своими областями, руки их не коснулись, и со своей высоты, как им кажется (а на самом деле глубоко снизу), они созерцают подвиг Иова. «Сидящему в покое» факел не нужен; но тому, кто во тьме ночной собирается пройти неизведанную местность, факел совершенно необходим. Такой «факел» зажег Иов, чтобы осветить своим великим духовным опытом пути человечества, лежащие во тьме среди страшных угроз и опасностей. И этот «факел» до сего дня горит и дает надежду измученным, упование отчаявшимся — всем, кто, как им кажется, безо всякой вины ввергнут в бездну страшнейших мучений. И поэтому апостол Иаков говорит:

В пример злострадания и долготерпения возьмите, братья мои, пророков, которые говорили именем Господним.

Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец *оного* от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен. (*Иак. 5, 10–11*)

Итак, духовный героизм Иова — пример всем поколениям и всем векам...

Глава 3

МИСТИК ЕЛИФАЗ.

«ТИХОЕ ВЕЯНИЕ – И Я СЛЫШУ ГОЛОС»

Надо заметить, что Книга Иова отличается особенной философской полифонией — в ней формулируются и сосуществуют различные концепции бытия. И если друзья Иова в конечном счете оказываются пред лицом Господним не настолько правы, как Иов, то это не значит, что они совсем не правы и не говорят ни слова истины. В чем-то важном все они, конечно, ошибаются; но зато в учении каждого из них затрагиваются важные, сущностные пласты духовной реальности. Обычно исследователи говорят о фрагментарности изречений как друзей Иова, так и его собственных, о том, что нельзя выстроить целостные учения, исходя из высказываний каждого из них. Но это не так. Утверждающие подобное недостаточно пристально всматриваются в текст, часто забывая, что на Древнем Востоке глубокие концепции выражались очень лаконично, буквально в нескольких словах, потому что эти «несколько слов» апеллировали к таким граням сознания, таким религиозным, мифологическим, бытовым и другим представлениям, которые уже издавна были глубоко укоренены в мышлении жителей данной эпохи и данного региона. «Несколько слов», произнесенных мудрецом, подобно камешку, брошенному в воду, способствовали возникновению у слушателей множества «концентрических кругов» ассоциаций. Слово, сказанное мудрецом древности, падало на подготовленную почву традиционного мышления — и приносило обильные плоды...

Перейдем теперь к рассмотрению обличений, высказываемых праведнику его друзьями. Первый из них — старейшина Елифаз. Это благородный старец, скорее всего предводитель идумейского племени, поскольку имя «Елифаз» впервые было дано первенцу Исава—Едома (Быт. 36, 10). Надо думать, что прежние философ-

ские беседы Иова с Елифазом велись в условиях куда более спокойных...

Само имя **עֲלִיפָז** «Элифаз» означает «Бог мой — чистое золото». Возможно, уже в самом имени содержится намек на такую сторону учения этого древнего философа, как концепция о «служении Богу из корысти». «Бог — это золото», т. е. служение Богу в конце концов обязательно вознаграждается, оно должно совершаться из выгоды, ради того воздаяния, на которое может рассчитывать человек.

Подобная мысль парадоксальным образом опровергается опытом Иова, по крайней мере на ранней стадии его разговора с Елифазом. Собственно, что такое опыт Иова? Это опыт человека, который пошел дальше знаменитой концепции о необходимости бескорыстного служения Богу. «Служите не как те рабы, которые надеются на вознаграждение, а как те, которые на вознаграждение не надеются». Так соответствующая концепция была впоследствии сформулирована мудрецом раннеталмудической эпохи Антигоном из Сохо (*Пиркей Авот 1, 3*). Но Иов идет дальше. Он служит не только без вознаграждения, он служит несмотря на страшные страдания, из которых не видно исхода.

Итак, Елифаз вступает с ним в спор. И, надо сказать, он по своему выдающийся теолог, он излагает собственную глубокую концепцию смысла жизни, но пред лицом настоящей истины и неизведанного пути бытия, который Иов пролагает в страшных муках, Елифаз оказывается не прав.

Речь Елифаза содержится в четырех главах Книги Иова. Это главы 4–5 (первая речь Елифаза), 15 (вторая речь Елифаза) и 22 (третья речь Елифаза). Как строится повествование? Иов первый начинает разговор с друзьями, собравшимися вокруг него. Мы увидели, что сначала он пытается как бы отрицать непосредственное участие Всевышнего в сложившейся трагической ситуации, дабы не обвинить Создателя в своих страданиях, в крушении всего, на что он, казалось бы, имел право надеяться вследствие своей праведности. Но Елифаз, однако, намеренно провокационно вынуждает его отвести главное обвинение: ничто не происходит без Бога и вне Божьей воли, и поэтому Иов совершенно не прав, ускользая, уклоняясь от главной темы размышлений — от темы воздаяния Божьего; он, мол, нарочно переводит разговор на другие темы, замалчивая суть дела.

Елифазу, видящему перед собой в лице Иова одновременно мученика и праведника, трудно сразу обрушиться на него со своими

обличениями. Елифаз начинает обвинять Иова очень мягко. Он сначала «рассыпается в комплиментах», он вспоминает, сколь многое свершил Иов своею праведностью, скольким людям он помог — таково начало 4-й главы, первой речи Елифаза:

И отвечал Елифаз феманитянин, и сказал:

Если попытаемся мы сказать к тебе слово — не тяжело ли будет тебе? Впрочем, кто может возбранить слову! (Иов. 4, 1–2)

— т. е. в начале своей речи Елифаз саму необходимость обращения к Иову уже ставит под сомнение. Не оскорбит ли его речь друга, не обидит ли, не умножит ли его мук? Но — как бы заключает Елифаз — мы вынуждены вести беседу и в этих условиях, потому что вне общения мы не сможем прийти к общим выводам. Ведь слово духовно, и оно имеет силу охватить любую ситуацию, вобрать ее в себя и осветить своим внутренним светом.

Вот, ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал,
Падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. *(Иов. 4, 3–4)*

Елифаз хорошо помнит и знает, скольким людям и физически, и морально помог Иов в прежние годы, когда процветал.

А теперь дошло до тебя — и ты изнемог; коснулось тебя — и ты упал духом. *(Иов. 4, 5)*

В этих словах утешения уже скрыт упрек. Значит, сам ты не готов выдержать то наказание, тот гнев, которые на тебя обрушились. Но почему же пришли они на тебя? И далее Елифаз переходит к прямым обвинениям. Они с особой силой — гораздо большей, нежели здесь, — звучат во второй речи Елифаза:

Да ты отложил и страх, и за малость считаешь речь к Богу. *(Иов. 15, 4)*

Такие слова произносятся в ответ на высказывания Иова о его невиновности и о том, что действительность совсем не такова, какой ее себе представляет Елифаз.

Нечестие твое настроило так уста твои, и ты избрал язык лукавых.

Тебя обвиняют уста твои, а не я, и твой язык говорит против тебя. *(Иов. 15, 5–6)*

Здесь уже слышны гнев, раздражение, прямое обвинение. Кульминации они достигают в третьей речи Елифаза, где он прямо и недвусмысленно обвиняет Иова в страшных грехах, которые тот якобы скрытно совершал и за которые пришло воздаяние. Елифаз, правда, высказывается в сослагательном наклонении, но тем не менее даже такое «предположительное» обвинение звучит очень сильно и жестоко:

Верно, злоба твоя велика, и беззакониям твоим нет конца.

Верно, ты брал залогом от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду.

Утомленному жаждою не подавал воды напиться и голодному отказывал в хлебе;

А человеку сильному ты *давал* землю, и сановитый селился на ней. (*Иов. 22, 5–8*)

Более 3500 лет назад беззаконие совершалось примерно так же, как и сейчас: сильные умножали богатство и власть, а слабые лишались последнего имущества. В таком злоупотреблении властью обвиняет Елифаз своего друга, который был, как мы помним, правителем:

Вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками.

За то вокруг тебя петли, и возмутил тебя неожиданный ужас,

Или тьма, в которой ты ничего не видишь, и множество вод покрыло тебя. (*Иов. 22, 9–11*)

Не только ужас, по словам Елифаза, объял Иова за его якобы страшные беззакония, но и тьма помрачила ему очи, и он не видит смысла своих страданий, не видит, что они — прямое воздаяние свыше, не хочет обратиться с покаянием к Богу, а лишь продолжает говорить о своей невиновности и еще смеет вызывать Всевышнего на суд, просит Его «предстать пред людьми», чтобы поведать, в чем вина Иова... В словах Елифаза проявилось его подлинное, возможно, ранее скрываемое отношение к другу.

В чем же суть философской концепции Елифаза, в чем смысл его учения — необыкновенного для древнего мира и, как мы стараемся показать далее, имеющего немало последователей и продолжателей в последующих веках?

Самый нижний слой, первая ступень этого учения — знаменитый закон воздаяния. Разумеется, он встречается не только у Елифаза; он изложен или обозначен в других книгах Библии, в древнеиндийских ведах, в зороастрийском учении, да и, в конце кон-

цов, во всех развитых древних религиозных, философских и мифологических системах, в том числе у египтян и китайцев. Эта концепция гласит, что все дела человека вызывают воздаяние, и всё, что он делает, возвращается к нему самому. Раз Иов страдает, значит он заставлял страдать других; раз он бедствует, значит из-за него бедствовали люди. Очень лаконично и выразительно данная концепция представлена в Библии — в Книге пророка Авдия:

Ибо близок день Господень на все народы: как ты поступал, так поступлено будет и с тобою; воздаяние твое обратится на голову твою. (*Авд. 1, 15*)

Как же излагает закон воздаяния Елифаз? В первой своей речи он высказывает следующую мысль:

Как я видал, то оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его... (*Иов. 4, 8*)

Чему уподоблено здесь воздаяние? Тому урожаю, который неизбежно получает человек от посеянного им:

...Что посеет человек, то и пожнет... (*Гал. 6, 7*)

«Оравшие нечестие», т. е. распахивавшие поле беззакония и сеявшие на нем зло, его же и пожнут, потому что зло непременно принесет свой урожай, и виновные в его распространении будут вкушать «хлеб» злого воздаяния. И если здесь воздаяние сопоставляется с трудом крестьянина и выражено в терминах земледелия, то в другом месте Елифаз излагает то же учение в иных образах, связанных уже с биологическим циклом человека — его зачатием и рождением:

Так опустеет дом нечестивого, и огонь пожрет шатры мздоимства.
Он зачал зло — и родил ложь, и утроба его prepares обман. (*Иов. 15, 34–35*)

Что зачато, то и рождается, и дитя наследует черты своих родителей. «...Зачал зло — и родил ложь...» Воздаяние незримо готовится нечестивцу, подобно тому как плод незримо созревает в утробе: «...и утроба его prepares обман». Сходную мысль мы находим в Псалтири:

Вот, *нечестивый* зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь;

Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил...
(Пс. 7, 15–16)

Но если данное положение философии Елифаза и не отличается оригинальностью, то за ним следуют рассуждения гораздо более самобытные, подобных которым мы не встречаем ни в Библии, ни в иных писаниях Древнего Востока. Эти рассуждения содержатся в первой речи Елифаза:

Как я видал, то оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его;
От дуновения Божия погибают и от духа гнева Его исчезают.
Рев льва и голос рыкающего *умолкает*, и зубы скимнов сокрушаются;
Могучий лев погибает без добычи, и дети львицы рассеиваются.
(Иов. 4, 8–11)

Что касается последнего уподобления, то вполне понятно, кто уподоблен льву, кто — львице и кто — детенышам льва. Это нечестивый со своим семейством. Воздаяние преследует не только его самого, но и жену, детей и весь род — всех тех, кто соучаствовал в преступлениях, не останавливал преступника или даже его поощрял. «Зубы скимнов» (т. е. молодых львов), зубы преступников, — сокрушаются, т. е. исчезает их сила и перестает быть слышен их голос.

Более загадочна первая часть приведенного изречения Елифаза, гласящая, что нечестивые «...от дуновения Божия погибают и от духа гнева Его исчезают». Здесь употреблено древнееврейское слово *רוּחַ* *«руах»* — «дух». Но мы знаем, что Дух Божий участвовал в сотворении мира:

Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — всё воинство их... (Пс. 32, 6)

Через Дух Святой, Дух Божий всё сотворено и всё поддерживается и сохраняется, как сказано:

...Пошлешь Дух Твой — создаются [творения], и Ты обновляешь лицо земли. (Пс. 103, 30)

Итак, Дух Божий — основа всего бытия, скрытая сущность творения, то, чем мы живем и существуем, это сила, поддерживающая создания и неорганические, и живые, и, тем более, разумные. Но тот же Дух Божий, как говорит здесь Елифаз, становится «духом гнева», т. е. исполняется гневом и служит погибели нечес-

тивных. Как же это происходит? Дух как бы разжигается (в оригинале употреблено слово $\eta\kappa$ *«аф»* — «гнев», «разгоряченность»; глагол $\pi\epsilon\kappa$ *«афа́»*, того же корня, означает «печь», «испекать»), наполняется жаром, раскаляется и обрушивает свой огненный гнев на нечестивых. Дух словно бы превращается в вихрь гнева — тот же самый Дух Божий, умиротворяющий, несущий благо, всё поддерживающий, всё живящий, становится гневом Божиим.

Чем же вызывается такое превращение? Нарушением строя творения, разрушительным брожением человеческой мысли, воли и чувства, переходящим в злые поступки. Когда нечестивый преступает границы заповедей, запретов, нарушает гармонию в обществе и природе, он тем самым как бы влияет на Божий Дух, поскольку человеческий дух экзистенциально коренится в своем Источнике — Духе Святом. Одна и та же пламенная сила духа может стать светоносной силой любви — и всепожирающим пожаром злой страсти. Если происходит последнее, тогда и Дух Божий ответным действием «преступает границы» гармонии — и обрушивается на самого нечестивого, разрушая основы его жизни.

Следовательно, философская концепция Елифаза говорит о глубокой связи человеческого духа с Духом Божиим, об их взаимном влиянии. Когда дух человека не подчиняется Духу Божьему, восстает против него, нарушает заповеди, начинает разрушать творение, убивать людей, уничтожать природу, то Дух Божий в ответ и как бы в подражание ему тоже становится «хаотично действующим» — и разрушает жизнь этого нечестивца, но только его и его семейства. Далее хаос, вызванный Духом, не распространяется. У всех же, кто покорен Духу и заповедям Божиим, сохраняются покой и гармония. Это — еще одна часть учения Елифаза, как бы следующая ступень осознания им закона причинности, действующего в нравственной сфере.

Но Елифаз идет далее, утверждая, что его построения, его метафизические воззрения не являются следствием лишь собственных размышлений. Он ссылается на ниспосланное ему откровение Божье, непосредственное и прямое:

И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него. (*Иов. 4, 12*)

Слово Божье прозвучало так, что Елифаз его воспринял. Мы можем быть уверены, речь идет о событии невыдуманном: почтенный старец, облеченный властью, наделенный мудростью, находясь рядом со страдающим другом, может говорить лишь чистую

правду. Значит, какой-то вид пророческого наития, духовного экстаза Елифаз испытал, и слово Божье действительно к нему «принеслось». Но он воспринял только «нечто от него», потому что слово это столь глубоко и всеобъемлюще, что человек не может осмыслить его целиком. Что-то, некую часть способны уловить наши ум и сердце от «принесшегося слова»...

Однако же Бог предстает в концепции Елифаза очень страшным, ужасающим, грозным. Почему? Да потому, что человек грешен и ничтожен, и в таком состоянии он может воспринять только грозную, суровую сторону открывающейся ему Божественности. Он не в состоянии еще оценить милость Божью, да и не достоин ее. Ему Бог открывается как страшный, грозящий, карающий...

Далее Елифаз описывает, при каких обстоятельствах явилось ему откровение. Произошло это

Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей... (Иов. 4, 13)

Интересно: когда «сон находит», человек обычно уже не размышляет — он отдается сну, живет в нем. Когда же человек «размышляет о ночных видениях»? Это происходит чаще всего между сном и явью, когда дневное сознание уже пробуждается, но сон еще не забылся. Именно таково, по свидетельству духовидцев разных времен и народов, то состояние, в котором обычно приходит откровение. Между сном и пробуждением человеческий дух еще не охвачен земной явью, т. е. не «отделен стеной» от Всевышнего, но и сном уже не полонен. Вот в такие промежутки жизни, среди «размышлений о ночных видениях», и вливается в наше сознание свет откровения. Как же подобное происходило с Елифазом, какими переживаниями сопровождалось? —

Объял меня ужас и трепет потряс все кости мои. (Иов. 4, 14)

Обычно здоровый человек свои кости не чувствует. Но «потрясение костей» — это самое глубокое, страшное переживание (ср.: «...исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены...» — Пс. 6, 3).

И дух прошел надо мною; дыбом стали волосы на мне. (Иов. 4, 15)

Тот самый Дух Божий, Который создал мир, Который поддерживает гармонию во вселенной и Который, как мы сказали, обрушивает жаркий вихрь на нечестивых, обращая их жизнь в хаос, — Он и «прошел» над Елифазом.

Он стал, но я не распознал вида его — только облик был пред глазами моими; тихое веяние — и я слышу голос... (Иов. 4, 16)

Не сказано, что Елифаз узрел человеческий облик, но просто «облик» (פְּנִימָה *тэмуна́*) — буквально «картина», «плоскостное изображение»). Таким образом, речь идет о некоей высочайшей Сущности, которая невидима в деталях и воспринимается только в общем — пусть каким-то «шестым» или даже «шестидесятым» чувством... И Елифаз говорит об этом как о познании высшей реальности, возбудившей в нем ужас. Ясно описать данное явление и уподобить чему-то знакомому невозможно: «...только облик был пред глазами моими; тихое веяние — и я слышу голос...»

Сходным образом Бог явился пророку Или: сначала прошли сильный ветер, землетрясение и огонь, т. е. явления весьма устрашающие; и лишь потом, в «веянии тихого ветра», заговорил с пророком Господь (III Цар. 19, 11–13). Так и здесь Дух, сперва предупредив грозными и страшными знаменами о Своем явлении, затем предстает в умиротворенном, кротком образе — том, в котором Он и поддерживает бытие Вселенной.

...И я слышу голос:

Человек праведнее ли Бога? и муж чище ли Творца своего?

Вот, Он и слугам Своим не доверяет и в ангелах Своих усматривает недостатки;

Тем более — в обитающих в храминах из брения, которых основание прах, которые истребляются скорее моли.

Между утром и вечером они распадаются; не увидишь, как они вовсе исчезнут.

Не погибают ли с ними и достоинства их? Они умирают, не достигнув мудрости. (Иов. 4, 16–21)

Непонятно, пресекается ли на этом месте речь Духа или же она продолжается в начале следующей главы. Говорит ли далее сам Елифаз, обращаясь к Иову, или же он по-прежнему пересказывает прямую речь явившегося ему Духа Божьего? Так или иначе, именно здесь, в конце 4-й главы, передается самая суть, сердцевина философского учения Елифаза. В чем же она состоит?

Если обратиться к древнееврейскому оригиналу, то между 18-м и 19-м стихами наблюдается неразрывная связь (они соединены частицей ׀ *af*), указывающей на продолжение основной мысли предыдущего стиха в последующем). Таким образом, получается, что «обитающие в храминах из брения» (ст. 19) — это одна из разновидностей ангелов, упомянутых в стихе 18. Приведем упомянутое место еще раз:

Вот, Он и слугам Своим не доверяет и в ангелах Своих усматривает недостаток;

Тем более — в обитающих в храминах из брения... (Иов. 4, 18–19)

Мы знаем, что древние выражались очень лаконично, и каждое их слово, тем более каждый поэтический образ, открывает целый мир. Кто же обитает в «храминах из брения»? Ангелы Божьи, что непосредственно следует из древнееврейского текста. Бог «усматривает недостатки» в ангелах, а тем более в тех из них, которые обитают в «храминах из брения». И вот здесь-то глубокая, оригинальная философская позиция Елифаза находит наиболее ясное выражение.

Древнееврейское слово מַלְאָךְ *«маль'ах»*, как и древнегреческое αγγελος *«ангелос»*, означает просто «посланник». Так что можно было бы подумать, что речь идет о посланниках вообще, ведь посланники Божьи — это и пророки, и духовные учителя, и т. п. Но при внимательном исследовании выясняется: речь идет всё же о созданиях небесных, постоянно обитающих в вышнем мире, что ясно следует из параллельного места, — эта сторона в концепции Елифаза так важна, что описывается дважды. —

Что такое человек, чтоб быть ему чистым и чтобы рожденному женщиною быть праведным?

Вот, Он и святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его;

Тем больше нечист и растлен человек, пьющий беззаконие, как воду. (Иов. 15, 14–16)

Из приведенного параллельного места следует, что те, кому «не доверяет» Бог, являются מְשִׁימִים *«кедошим»* — «святыми», и живут они в небесах. То, что ангелы называются «кедошим», повторяется во многих местах Писания: «...да благословляют Тебя святые Твои...» (Пс. 144, 10), «И услышал я одного святого говорящего...» (Дан. 8, 13) — в обоих стихах явно имеются в виду ангелы. При сопоставлении Иов. 4, 18–19 с Иов. 15, 14–16 выясняется, что Бог не доверяет именно святым ангелам, обитающим на небе, но еще более — ангелам, живущим в «храминах из брения». На первый взгляд, это очень странно и непонятно. Попробуем разобраться, о чем здесь идет речь.

В разбираемом месте речи Елифаза (4, 18) говорится, что существуют некие «недостатки», которые Всевышний усматривает в небесных ангелах. «Недостаток» — так переведено древнееврейское

слово הללה *«та́лалá»*. Глагол להלל *«гáлаль»* означает «наполняться светом», «блистать», «освещаться» и «прославлять». Но в то же время слово הללה *«та́лалá»* означает «тщеславие», «суета». В каком же смысле употребляется здесь это слово? Ангелы изображаются как существа, воспринимающие от Бога вышний свет, просвещаемые Им и как бы возвращающие Ему часть света в виде воздаваемой славы. Каждому ангелу Бог уделяет некий свет, облекающий его, подобно нимбу, ауре; и вот с помощью этого света ангел должен восхвалять Создателя. Мы помним, что образ этих хвалящих Бога ангелов (серафимов — у Исаии, херувимов — у Иезекииля) встречается в разных местах Библии. Например, серафимы взывают друг к другу, говоря:

...Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!
(Ис. 6, 3),

а херувимы возглашают:

...«Благословенна слава Господа от места своего!»... (Иез. 3, 12)

Однако некоторые ангелы совершают попытку как бы присвоить лучезарный свет, дарованный им свыше, и использовать его для собственного восхваления, а не для прославления Создателя. Как только такой «недостаток», т. е. искажение, «усматривается» в одном из ангелов, он низвергается из высшего мира на землю и поселяется в «храмине из брения», т. е. в человеческом теле. Таким образом высший дух становится живой душой человеческой. И Бог «в ангелах Своих усматривает недостатки: тем более — в обитающих в храминах из брения» — т. е. в тех ангелах, которые уже были низвержены с небес за свой грех — самовосхваление и стали людьми. И вот, живя в телах — «храминах из брения», духи должны изжить свой грех и вновь подняться к Богу. Для этого и существует человеческая жизнь с ее страданиями: для очищения духа, для того чтобы он мог снова, изжив свой грех, войти в хор славящих Бога существ.

Согласно общеизвестному преданию, один из ангелов, который именуется на латыни Люцифер, т. е. «светоносный» (что восходит к древнееврейскому בן שחר *«бен шахáр»*, «сын зари», — Ис. 14, 12), получая вышний свет от Бога, вначале прославлял за этот свет Всевышнего, а потом возгордился и стал прославлять самого себя, что и привело его к падению:

Ты находился в Едеме, в саду Божием...
Ты был помазанным херувимом...

...Доколе не нашлось в тебе беззакония.

...И ты согрешил; и Я низвергнул тебя, как нечистого, с горы Божией...

От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою... (*Иез. 28, 13–17*)

Вот это и есть состояние, переданное словом תַּלְתַּל *«taḥalal»*, — тот «недостаток», который Бог усматривает в ангелах.

Что же впоследствии происходит, согласно учению Елифаза, с падшими ангелами, о которых говорится и в Ветхом, и в Новом Завете, и в апокрифах? Например, в Послании апостола Иуды о них сказано так:

И ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня. (*Иуд. 1, 6*)

Елифаз утверждает, что те ангелы, которые отпали от Бога, увлекшись земной жизнью, т. е. «сыны Божьи», описанные в Книге Бытия (6, 2–5), получили земные тела и стали жить в вещественном мире в «храминах из брения» (в др.-евр. оригинале Иов. 4, 19 — מַטְי־בַּחַיָּ *«batéy-xómer»*, буквально «дома из глины»). Так описываются физические тела людей (Быт. 2, 7), словно бы «слепленные» из глины, смешанной с водой, «фундамент» (יְסוֹד *«ýesód»* — «основание») которых — прах, т. е. они подчинены законам материального существования, неизбежно влекущим их тела к распаду. И Елифаз говорит, что согрешившие ангелы лишаются своего небесного сана, посылаются на землю и рождаются людьми — очевидно, для того, чтобы они получили возможность восстановить утраченное, вновь обретая в течение земной жизни утраченный горный свет. Именно с данной точки зрения рассматривается проблема земных страданий Елифазом. Повествует он об этом следующим образом:

Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда;

Но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх. (*Иов. 5, 6–7*)

Перед нами еще одна составляющая его глубокого философско-теологического учения. Но, может быть, сказанное Елифазом следует воспринимать просто как поэтический образ? Однако древние поэтические образы, к какой бы культуре они ни принадлежали — древнеегипетской, древнеиндийской или иной, а уж тем более

образы библейские, — содержат глубокие философские обобщения, за каждым из них скрываются цельные мировоззренческие системы. «...Не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда...» — эти слова опровергают утверждения Иова о «проклятом дне», «проклятой ночи», в которые он зачат и родился. Не «прах» и «земля», т. е. не материя и физические условия бытия рождают страдание.

Некоторые философы, в том числе древнегреческие, считали, что поскольку тело бrenно, то бессмертный дух, соединяясь с ним, подвергается страданию «по вине» тела. Страдание рассматривалось этими философами как случайность, результат сочетания разных обстоятельств, при которых духу становится «тесно» в теле, поскольку оно болеет и разрушается. Но Елифаз подчеркивает, что «...не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда...», т. е. страдания человека имеют первопричину не случайную и не физическую, а чисто духовную — они происходят по воле Божьей. Зачем же Бог подвергает дух человеческий страданиям в земной жизни, в теле? А вот зачем: «...человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх».

Синодальный перевод не передает здесь всей глубины оригинала, да и трудно ее полностью передать. Вот перевод буквальный: «...Адам для страдания будет рожден, чтобы сыны Решефа возвысили полет». Казалось бы, странные слова. Адам, т. е. человек, созданный из אָדָמָה *адамá* — красной глины (вспомним «обитающих в храминах из брения»), для страдания будет рожден, чтобы некие «сыны Решефа» смогли выше взлететь... А кто же такой Решеф? Это имя встречается на глиняных табличках Древней Месопотамии. Так именуется одушевленная сущность стихии огня, бессмертный дух, начало огненное и разумное одновременно. В Книге Иова именем «Решеф» наречен «огненный источник» человеческого духа. Тем самым, «сынами Решефа» названы имеющие огненную природу бессмертные человеческие духи. Заметим, что в Библии неоднократно сообщается о соприродности духа стихии огня, например:

Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими —
огонь пылающий. (Пс. 103, 4)

Так вот, дух человека помещается в тело — «храмину из брения» — за то, что он в горнем мире не выполнял своего предназначения, «не соблюдал своей стражи», имея ангельскую природу. И теперь, обитая в теле, он подвергается искушениям, испытани-

ям и страданиям именно для того, чтобы «сыны Решефа», т. е. «огненные» разумные сущности, человеческие духи, смогли после земной жизни «возвысить полет» — вновь стать ангелами, вернуться туда, откуда они ниспали. В переводе мы читаем: «...как искры, чтобы устремляться вверх». В какой-то степени смысл здесь передан, потому что искры — это «сыны пламени», как бы «порождения» костра, и летят они вверх. Раскрывая образ, использованный Елифазом, сформулируем подробнее его мысль: тело — как бы топливо для огня, плотская сущность, которая страдает в костре, а искры, исходящие из огня и устремляющиеся ввысь — духовные элементы человеческой природы. Вот так страдает человек — одновременно и «бывший», и «потенциальный» ангел, чтобы потом взлететь, вернуться к своему источнику.

Именно поэтому немного ранее, в начале 5-й главы, содержатся такие слова Елифаза, обращенные к Иову:

Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты? (*Иов. 5, 1*)

Здесь утверждается, что святые Иову не помогут, к кому бы из них он ни обратился. Конечно, тут не имеется в виду позднейшая христианская концепция молитв-обращений к святым: тогда такая еще не существовала. Под «святыми» опять же понимаются ангелы — именно о них Елифаз говорил: «Вот, Он и святым Своим не доверяет...» (15, 15). А призывать ангелов на помощь или просить их заступничества Иов не может — потому что, по мысли Елифаза, они с трудом блюдут собственную чистоту, боятся пасть, опасаются оказаться в состоянии *תָּלַל* *ṭalál* — «недостатка», присвоив себе ту хвалу, которую должны воздавать Творцу. Боятся они, что этот «недостаток» Бог «усмотрит», и они сами будут низвергнуты в «храмины из брения», сами воплотятся в мире людей... Поэтому, как бы говорит Елифаз, им не до тебя, Иов, и они не обратят никакого внимания на твою мольбу.

В дальнейшем, рассматривая речи второго друга Иова, Елиуя, мы увидим, что у него совсем иное мнение об участии ангелов в человеческой жизни: если, мол, есть у человека хотя бы единственный ангел-ходатай, который заступится за него, то такой человек будет спасен. А Елифаз отрицает любое ангельское вмешательство в «тяжбу» человека с Богом. Он говорит:

Взывай, если есть отвечающий тебе. И к кому из святых обратишься ты?

Так глупца убивает гневливость, и несмысленного губит раздражительность. (*Иов. 5, 1–2*)

Вот, мол, Иов, отчего ты так страдаешь, — как бы говорит Елифаз, — ты, несмотря на свою мудрость, оказался глупым и гневливым; ты не имеешь истинного представления о сути жизни, о том, для чего дух, находясь в теле, претерпевает мучения. Ты не принимаешь мою концепцию страданий, не согласен с ней, а только она-то и может объяснить всё, что происходит в жизни, — и, в том числе, с тобой самим. Поскольку же ангелы, ниспавшие в «храмины из брения», испытываются в нашем мире посредством страданий, то ясно, что те из них, которые встали на путь исправления, т. е. в своей земной, человеческой, жизни воздают Богу хвалу, — те преуспевают и благоденствуют. А вот те, которые, став людьми, еще далее отступают от Бога, впадают в еще большее беззаконие, — те страдают. Значит, твои страдания — совершенно явный знак того, что ты неугоден Богу; они свидетельствуют, что ты еще более удалился от Него. О какой же своей праведности и чистоте ты можешь после этого говорить?

Сходные теологические концепции создавались и в более поздние эпохи; далее мы скажем о них подробнее, но сперва прочитаем слова Елифаза, призванные подтвердить его точку зрения:

Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай...

<...>

В шести бедах спасет тебя, и в седьмой не коснется тебя зло.

<...>

И узнаешь, что шатер твой в безопасности, и будешь смотреть за домом твоим, и не согрешишь.

И увидишь, что семя твоё многочисленно, и отрасли твои, как трава на земле.

Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время.

Вот, что мы дознали; так оно и есть: выслушай это и заметь для себя. (*Иов. 5, 17–27*)

Итак, утверждает Елифаз, если бы ты, Иов, шел истинно праведным путем, то что бы служило тому подтверждением? То, что шатер (т. е. дом твой) был бы в безопасности, семя твоё (т. е. потомство) было бы многочисленно. А теперь — ты низвержен с престола, лишился своего дома (дворца), дети твои погибли, и ты совсем не так «входишь во гроб», как это свойственно праведни-

кам, которые отходят из нашего мира, «как укладываются снопы пшеницы в свое время», т. е. мирно, спокойно и в состоянии духовной зрелости. Например, сказано об Аврааме, что умер он «в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью» (Быт. 25, 8). А ты, Иов, страдаешь и бедствуешь в последние свои годы — значит, ты страшно виноват!

Такая концепция — что угодные Богу, творящие Его волю всегда благоденствуют, а нарушающие Его законы и заповеди бедствуют, — в разные века формулировалась вновь и вновь. Особенно громкого, всемирного звучания она достигла в учении Кальвина, видного проповедника и политического лидера эпохи Реформации. Он учил, что Бог заранее и безоговорочно одних предопределил к вечным мукам, а других — к спасению. Причем предопределение к спасению якобы проявляется в успешности практической деятельности человека, в его материальном процветании. Вот почему кальвинизм послужил мощным стимулом развития капитализма: очень многие протестанты-кальвинисты занялись бизнесом, чтобы доказать себе и другим, что они угодны Богу. В то же время, согласно Кальвину, тот, кто бедствует, нищенствует, голодает, тем самым свидетельствует, что предопределен к осуждению. (Легко прослеживается влияние доктрины предопределения в ее кальвинистском понимании на ряд направлений современного протестантизма. Надо заметить, что эта доктрина коренным образом противоречит евангельскому взгляду на соотношение богатства и благочестия — вспомним, например, притчу о богаче и Лазаре из Лук. 16.)

Так вот, из стройной, казалось бы, концепции Елифаза следует, что Иов кругом виноват. Стараясь доказать свою правоту, Елифаз отрицает, что страдания Иова сами по себе могут иметь какой-либо смысл. Несмотря на красоту и своего рода доказательность его учения, этот друг Иова предлагает упрощенное, и потому неверное, толкование взаимосвязи добра и зла. Вот что говорит Елифаз:

Нечестивый мучит себя во все дни свои, и число лет закрыто от притеснителя... (Иов. 15, 20)

Это — внутренний аспект Елифазовой концепции воздаяния. Воздаяние нечестивому бывает не только через внешние события, но прежде всего — в его внутреннем мире. «Нечестивый мучит себя...» — он измучен не только и не столько внешними обстоятельствами, сколько собственной неудовлетворенной духовной потребностью; измучена и всё сильнее страдает его душа, пришедшая на

землю для очищения, но еще более себя оскверняющая. «...И число лет закрыто...» — под «числом лет» имеется в виду полнота жизненного срока, в течение которого человек мог бы спасти свою душу и достичь духовной высоты, но вот — он умирает раньше, и определенного ему изначально «числа лет» не достигает.

...Звук ужасов в ушах его; среди мира идет на него губитель.
(Иов. 15, 21)

Нечестивый постоянно чего-то боится («звук ужасов») и даже «среди мира», т. е. при, казалось бы, внешней безопасности никогда не бывает спокоен, удовлетворен жизнью, благодарен Богу, ибо всё время находится в страхе.

Он не надеется спастись от тьмы; видит пред собою меч. (Иов. 15, 22)

— потому что совесть говорит преступнику о близящемся воздаянии. И уже напоследок, после всех внутренних предупреждений, тяжелых состояний, депрессий он впадает в крайнюю бедность — в жизни злодея совершается воздаяние внешнее:

Он скитается за куском хлеба повсюду; знает, что уже готов, в руках у него — день тьмы. (Иов. 15, 23)

— жизнь, полная лишений и тревог, сводящаяся к удовлетворению простейших физических потребностей («скитается за куском хлеба»), сопряжена с неверием в будущее спасение: для нечестивца день смерти — это «день тьмы», в которую он будет изгнан.

Устрашают его нужда и теснота; одолевают его, как царь, приготовившийся к битве... (Иов. 15, 24)

Если царь вступает в битву, он посылает одни отряды за другими, за кавалерией — пеших воинов и не перестает сражаться, пока не одолеет врага. Так и бедствия ополчаются против нечестивца беспрестанно; это мы наблюдаем, например, в древнегреческих трагедиях: преступники окружены эриниями — богинями мщения, которые постоянно их преследуют...

...За то, что он простирал против Бога руку свою и противился Вседержителю,

Устремлялся против Него с *гордою* выею, под толстыми щитами своими;

Потому что он покрыл лицо свое жиром своим и обложил туком лядвеи свои. (Иов. 15, 25–27)

«Жир», «тук» — в библейской символике знак того, что человек «отгородился» от Создателя некоей завесой непроницаемой самости, «защитным слоем» непробиваемого себялюбия, противления Богу. Будучи пресыщен, «разжирев», человек забывает о воздаянии, о милости и строгости Божьей. В Песни Моисея про это говорится:

И утучнел Израиль, и стал упрямым; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего. *(Втор. 32, 15)*

Когда человек пресыщен, его неблагодарность может проявляться особенно ярко, и порой он осмеливается дерзко говорить против Самого Создателя.

...И Елифаз продолжает описывать последствия деяний нечестивца:

Не пребудет он богатым, и не уцелеет имущество его, и не распрострется по земле приобретение его.

Не уйдет от тьмы; отрасли его иссушит пламя и дуновением уст своих увлечет его. *(Иов. 15, 29–30)*

Значит, «отрасли» нечестивого, его дети, погибнут — их охватит пламя небесной кары; имущество его будет уничтожено. Кажется бы, вполне правильное рассуждение — так нередко и бывает с нечестивыми. Но ведь против кого направлено (в скрытом виде) сказанное здесь? Против Иова! Это у него рухнуло благополучие, исчезло имущество, погибли дети; это он терзаем изнутри и снаружи — как поиском ответов на сложнейшие вопросы бытия, так и неизбывными муками. Таким образом, все речи Елифаза направлены против Иова; и справедливые, красивые, правильные утверждения мудреца становятся сугубой неправдой в тех обстоятельствах, когда он свою, по сути истинную, концепцию пытается распространить на явления, которые в ее рамки не вмещаются; когда правильно, но односторонне понятое им он пытается представить всеобщим, всеобъемлющим. Именно таковы изъяны концепции Елифаза...

Глава 4

УЧЕНИЕ ЕЛИФАЗА.

«В АНГЕЛАХ СВОИХ УСМАТРИВАЕТ НЕДОСТАТКИ»

Попробуем мысленно перенестись в то далекое прошлое, когда еще жили на свете шумеры, когда царствовали египетские фараоны, когда еще существовали государство Эбла в Сирии и Верхней Месопотамии и другие страны, жители которых говорили на языках, близких к библейскому ивриту.

Мы окинем взглядом этот величественный, непривычный и странный для нас мир — и увидим небольшую группу удрученных горем и страданием людей, сидящих на земле и посыпающих головы пеплом, а в центре их круга — некоего человека, который нам покажется, говоря современным языком, похожим на узника нацистского концлагеря. Его кожа прилипла к костям, он не может проглотить кусок пищи, дети его погибли, и вся жизнь его рухнула — мы помним, как его зовут, кем он был и кем стал.

И среди говорящих с ним заметим почтенного шейха, князя по имени Елифаз, который с высоты своего величия, своей безгрешности, праведности обличает этого человека и объясняет ему — очень авторитетно и точно, — в чем тот виноват и за что на него обрушились столь страшные беды.

В лице Елифаза мы встречаемся с человеком библейских времен, который открывает нам заветные убеждения своей души, объясняет, во что он верит, каково его мировоззрение.

Дело в том, что большинство библейских героев — особенно ранних, эпохи патриархов, — выступают перед нами как люди скорее эмоциональные, нежели интеллектуальные. Нам бы очень хотелось представить себе, как мыслят о вселенной, скажем, праотец Авраам или его внуки — Иаков и Исав, но мы не находим в Писании развернутой системы мировидения, которая была бы им свойственна. Что не мешало им, впрочем, очень глубоко вы-

сказываться о ряде событий и явлений мира, как материальных, так и духовных.

Но вот перед нами Елифаз — счастливый случай заглянуть как бы внутрь мыслящей души человека ранних библейских времен. И заглянув туда, мы вдруг обнаруживаем, что мышление его отнюдь не фрагментарно, не мозаично, не является повторением каких-то затверженных общих мест и изречений древней мудрости, которые у всех на устах и «навязли в зубах», но что ему свойственно поразительно цельное мировидение, что это человек, который на всё может ответить по-своему, всё объяснить и обо всём рассказать.

Мы имели уже возможность окинуть взглядом картину мира, которая сложилась в душе и сердце Елифаза, и теперь должны дополнить сказанное о ней. Сразу заметим, что Елифаз, как и его друзья-мудрецы, пришедшие к Иову, не понимает, что духовная реальность в своем многообразии не может быть точно отражена и даже целиком охвачена рациональным мышлением. Он считает, что может объяснить всё, что причины и следствия всего происходящего в мире ему ясны. А ведь это в принципе невозможно — точно так же, как нельзя трехмерный предмет адекватно воспроизвести на плоскости. Нельзя создать законченную систему бытия с помощью ограниченного человеческого разума. И здесь — одна из центральных составляющих спора Елифаза с Иовом: Иов как раз утверждает, что этого нельзя сделать, а Елифаз не только уверен, что можно всё объять обычным человеческим сознанием, объяснить рационально, но и «показывает на деле», как это достигается.

Что же получается: виднейший мудрец своего времени, предшественник не только древнегреческих, но и многих древневосточных философов Елифаз создает некую тщетную, суетную философскую систему? Быть того не может! Степень истинности системы поверяется тем, с чем ее сравнивают. Когда мы сопоставляем учение Елифаза с системами древних материалистов, «доэпикурейских эпикурейцев» и агностиков, то оно оказывается более истинным, чем любая из них; когда же мы сравниваем его с системой мировидения Иова, оно оказывается полуправдой.

Где же говорится о тех самых древних агностиках или «доэпикурейских эпикурейцах», с которыми мы сравнили систему Елифаза? А в его собственных речах. Вот Елифаз обращается к Иову с очередным упреком:

Не превыше ли небес Бог? посмотри вверх на звезды, как они высоко!

И ты говоришь: что знает Бог? может ли Он судить сквозь мрак?

Облака — завеса Его, так что Он не видит, а ходит *только* по небесному кругу.

Неужели ты держишься пути древних, по которому шли люди беззаконные... (Иов. 22, 12–15)

Елифаз, как видим, приписывает Иову какую-то систему мышления, которую тот отнюдь не разделяет: мы не находим, чтобы Иов утверждал нечто подобное. Но Елифазу, с его чисто логическим, педантичным, мышлением важно вместить речи Иова в какую-то схему, «посадить» их пусть в золоченую, но «клетку», «поставить на полочку»; ему нужно определить, что Иов относится якобы к таким-то мыслителям — конкретнее, к материалистам или деистам, отрицающим Божественное вмешательство в нынешнюю жизнь и, в лучшем случае, допускающим Его участие в первоначальном Творении, после которого Бог больше не властвует над течением событий.

Ложно приписывает Елифаз подобные воззрения Иову. Но на самом деле такая точка зрения уже существовала, раз о ней сказано в столь древней библейской книге. «...Что знает Бог? может ли Он судить сквозь мрак?» — т. е. между Создателем и созданным Им миром якобы существует некий «мрак». Похожее положение содержит, скажем, шумеро-вавилонская мировоззренческая система: здесь верховные боги обитают над «наивысшим небом», они отделены от земного мира, или мира материального, многими небесами, расположенными ступенчато; и, мало того, между «наивысшим небом» и обителями богов существует толща «мрака», сквозь который верховные боги часто не замечают того, что происходит на земле. И далее: «Облака — завеса Его...» — т. е. между Богом и миром существует завеса не только «со стороны мира», так что мы не воспринимаем Его, Незримого, но и со стороны Бога — Он не вникает в наши дела; мало того, «...Он не видит, а ходит *только* по небесному кругу», т. е. Сам подчинен некоему циклическому закону.

Если более точно перевести последние слова с древнееврейского, получится иной смысл: «...и круг небес расхаживает». Не «Он ходит по кругу», как в Синодальном переводе, а «круг небес» движется сам. То есть «закрутив» созданные миры, заставив вращаться небеса, Бог «устранился», поручив всё сотворенное его

собственной участи, обрекая его постоянно воспроизводить первоначально заданное движение. Изложив такую действую точку зрения, которую сам не разделяет, а приписывает Иову, Елифаз добавляет:

Неужели ты держишься пути древних, по которому шли люди
беззаконные,

Которые преждевременно были истреблены, когда вода разлилась под основание их? (*Иов. 22, 15–16*)

Вероятнее всего, здесь говорится о всемирном потопе, потому что беззаконное древнейшее человечество истреблено было именно потопом; но, возможно, тут отражены воспоминания о какой-то другой страшной древней катастрофе, например той, при которой, как говорит предание, разошлись материки («...во дни его земля разделена...» — Быт. 10, 25). Во всяком случае, под «основание их» (древних людей), т. е. под ту твердыню, на которой они строили свою жизнь и воздвигали свое мировоззрение, «разлилась вода» — и всё смыла. Древние люди, оказывается, согласно следовали некой «доктрине беззакония». В древнееврейском тексте здесь употреблено выражение אַרְךָ אֹלָם *óрах о́лам*: אַרְךָ *óрах* — это «путь», а слово אֹלָם *о́лам* имеет значения «вечный» и «вселенная». Иначе можно перевести так: «путь мира», или «путь вселенной». Так, следовательно, называлась соответствующая система взглядов древнейших философов — атеистов или «дейстов», которые утверждали, что вселенная идет своим, некогда указанным ей путем и с него не сходит — изменить ничего нельзя, чудес нет, никакого сверхъестественного вмешательства быть не может. И Елифаз упрекает Иова в том, что он якобы склоняется к этому древнему учению.

Как же, с точки зрения эмоционального восприятия, относились древние мыслители-«праэпикурейцы» к Богу? Если интеллектуально они отрицали Его вмешательство в бытие мира, то относились ли они к Нему с каким-либо сердечным чувством, были ли их души хоть в какой-то степени повернуты, обращены к Нему? —

Они говорили Богу: отойди от нас! и что сделает им Вседержитель? (*Иов. 22, 17*)

Выходит, они, несмотря на то, что умом склонялись к мнению о невмешательстве Бога в события мира и их собственной жизни, душой всё же чувствовали, что это совсем не так. Они ощущали,

что Он присутствует повсюду, наполняет всё — и противились Ему. «Они говорили Богу: отойди от нас!..» Если человек убежден, что Бог не вмешивается в его дела и не присутствует в этом мире, зачем же обращаться ко Всевышнему с такими резкими и дерзкими словами? «Отойди!» — но ведь Его якобы и так здесь нет! Но человек — существо не единое, а, как утверждает гностический апокриф «Евангелие от Филиппа», «разорванное в своей основе». Душа мыслит одним образом, сердце — другим, ум — третьим; и, отрицая вмешательство Всевышнего в дела своей жизни, человек тем не менее чувствует Его присутствие. И какой-то частью своей души — ощущающей на себе взгляд Бога, но противящейся — нечестивец говорит Богу: «Отойди от меня!»...

Итак, древние философы-деисты восклицали: «Отойди от нас! и что сделает им Вседержитель?» Здесь мы встречаем библейский оборот речи, в котором обращение во втором лице («отойди») тотчас сменяется указанием на третье лицо («что [Он] сделает»). Тут подразумевается связка: «...*И как бы говорили: мол,* что сделает им Вседержитель?» Из этих слов следует, что сторонники описанного учения были уверены в «бессилии» Бога вмешаться в их жизнь.

А Он наполнял дома их добром. Но совет нечестивых будь далек от меня!

Видели праведники — и радовались, и непорочный смеялся им:

Враг наш истреблен, а оставшееся после них пожрал огонь.

(Иов. 22, 18–20)

Тут уже в проповеди Елифаза речь идет о других древних катастрофах — может быть, о сокрушении Содома и Гоморры или иных виновных пред Богом городов, потому что если прежде сказано об уничтожении нечестиво мысливших водой, то теперь уже — огнем. И снова, согласно Елифазу, Дух Божий, гармонично устрояющий мир, как только встречается с попытками человека покуситься на установленный свыше миропорядок, Сам становится разрушительным по отношению к такому человеку, повергая его, согрешившего, во прах.

По сравнению с воззрениями описанных здесь мыслителей-нечестивцев, устранявших Бога из собственной жизни (а мы понимаем, что вместе с тем они отрицали и всякий нравственный закон: ведь ему основа и гарантия — Бог), учение Елифаза прекрасно. Он утверждает, что Бог — Творец всего сущего, что Он — Промыслитель, что Его провидение руководит всеми существами,

что благодаря своей нравственной, полной веры жизни человек получает награду — и всё это есть истина. Если положить на одну чашу весов мировоззрение древних беззаконников, а на другую — философскую систему Елифаза, то, конечно, она сразу перевесит. Но если на одну чашу тех же весов положить мировоззрение Иова, а на другой — оставить систему Елифаза, то вторая окажется легче легкого. Потому что по сравнению с новым, высшим, путем Иова — путем преданности Богу несмотря на страдания, несмотря на «несправедливость» и вопреки всем видимым знакам Божьего неблаговоления, — учение Елифаза, ищущего, можно сказать, корысть от своей праведности, не выдерживает испытания на прочность.

Казалось бы, всё понимает Елифаз, у него всё закончено, всё согласованно... Но Иов, который, очевидно, не первый раз беседует с Елифазом и знает его точку зрения, отвечает на утверждения своего друга совершенно неожиданным образом. Иов полностью открыт воле Божьей, у него нет законченной системы мировоззрения, нет и желания вместить непознанное в заведомо известное — желания, столь присущего Елифазу, и поэтому Иов настаивает на непостижимости не только Бога, но и Его путей, Его творения и Его промысла. Что же отвечает Иов на слова Елифаза? —

Выслушайте же рассуждения мои и вникните в возражение уст моих.

Надлежало ли вам ради Бога говорить неправду и для Него говорить ложь? (*Иов. 13, 6–7*)

— т. е. разве дано вам право укладывать непонятое, непознанное вами в прокрустово ложе собственных построений и пытаться всесторонне объяснить то, что исследовать человеческими силами невозможно?

Хорошо ли будет, когда Он испытает вас? Обманете ли Его, как обманывают человека?

Строго накажет Он вас, хотя вы и скрытно лицемерите. (*Иов. 13, 9–10*)

Высказав эту угрозу, Иов далее произносит слова, которые призваны встревожить Елифаза:

Неужели величие Его не устрашает вас, и страх Его не нападает на вас? (*Иов. 13, 11*)

Убоявшись всеведения и всемогущества Творца, Елифаз должен был бы как в душе, так и в своей теории оставить место для непознанного и непонятого, а не стараться объяснить всё. Но сама попытка всё объяснить, всё доказать и изложить другим подводит Елифаза к следующему шагу. Он, якобы осмыслив всё в мироздании, принимает также и муки Иова за нечто заурядное и объясняет их, со своей точки зрения, очень просто: нечестивостью самого Иова. И такой вывод с необходимостью следует из самой концепции воздаяния, которую формулирует Елифаз и которая не терпит никаких возражений и поправок. Напомним его слова:

Как я видал, то оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его... (*Иов. 4, 8*)

Мы уже говорили, что воздаяние Елифаз уподобляет результатам труда земледельца: что человек посеет, то и пожнет. Если он «орал», т. е. вспахивал, нечестие и сеял грех, то он и пожинает соответствующие плоды. А следовательно, верно, по его мнению, и обратное: если человека постигли тяжкие мучения, то они суть плоды его злых дел.

И Елифаз готов полностью принять этот безусловно нравственный мир, сулящий столь прямолинейное воздаяние со стороны Творца. Но зададим такой вопрос: а что получится, если убрать воздаяние из системы Елифаза? Восхвалит ли он Бога? Согласится ли вообще с существованием мироздания, если из него изъять ту самую абсолютную и быстро проявляющуюся справедливость, в существовании которой он уверен и на которой так настаивает?

Иов же, в отличие от Елифаза, как мы сказали, готов принять мир и без справедливости. Он может согласиться с величием Бога, Который справедливости не проявляет или ее скрывает. И он готов развивать свою теодицею (оправдание Бога) и зоедицею (оправдание жизни) несмотря на то, что рухнули основы его прежнего мировоззрения. Мы видим, что Иов не просит о смягчении своих страданий, не молит избавить его, проявить к нему милосердие свыше в ответ на любовь, которой он пылает к Богу. Потому он и спрашивает своих друзей:

Говорил ли я: дайте мне, или от достатка вашего заплатите за меня... (*Иов. 6, 22*)

— т. е. обращался ли я к вам с просьбой чем-то мне помочь? —

...И избавьте меня от руки врага, и от руки мучителей выкупите меня? *(Иов. 6, 23)*

Иов и об этом никого не просит. А кто враги его? Враги его — смерть, унесшая детей; страшные страдания, болезни, скорби, которыми он объят; насмешки и издевательства всех окружающих, которые считают его неисправимым грешником... А он ведь не просит никого — подчеркнем, даже Самого Бога! — избавить его от руки мучителей и врагов; но вот о чем он действительно просит:

Научите меня — и я замолчу; укажите, в чем я погрешил. *(Иов. 6, 24)*

Он просит только об одном: восстановить правду, показать ему, в чем он виноват, и объяснить ему, как может Бог всесовершенный, всемогущий, сотворивший столь прекрасный и гармоничный мир, быть лишенным того атрибута, о котором Иов вопрошает, — атрибута справедливости. Как может воздать Он совершенному праведнику адскими муками?

Елифаз, построив в своем «премудром» самомнении столь законченную систему осмысления бытия, принадлежит, как уже говорилось, к тем, кто служит Богу из корысти. В чем же явная корысть, извлекаемая из служения, согласно Елифазу? —

...Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют.

В шести бедах спасет тебя, и в седьмой не коснется тебя зло.

Во время голода избавит тебя от смерти, и на войне — от руки меча. *(Иов. 5, 18–20)*

Да, говорит Елифаз, следует служить Создателю, хотя Он и наказывает, хотя Он — грозный взыскующий Судия; но ведь зато Он же и перевязывает раны, Он же и исцеляет. И стоит претерпеть Его наказание, чтобы исправиться, — но не ради любви к Богу, а именно потому, что после этого ты будешь одарен всевозможными благами: Он и от голода избавит, и на войне спасет от меча, и тебя вообще не коснется никакое зло.

И увидишь, что семя твое многочисленно и отрасли твои, как трава на земле. *(Иов. 5, 25)*

Значит, и в потомстве своем будет благословен тот, кто перенес ниспосланное наказание, смирился и исправил свои пути...

Но Иов в возможность «получить компенсацию» не верит: как может Бог возратить ему детей, которые умерли, когда на них обрушился дом? Как может вернуться к нему прежнее почитание со стороны народа, когда он, бывший много лет правителем, обесславлен и осмеян всеми — даже маленькие мальчики бросают в него камни, проходя мимо? Всё это невозможно, прошлое невозвратимо, поэтому Бог, «причинив рану», согласно взглядам Иова, уже не уврачует ее и не перевяжет. И, однако, Иов остается верным Всевышнему и сохраняет человеческое достоинство и упование.

Мы сказали о явном, земном воздаянии, согласно Елифазу; каково же воздаяние грядущее, окончательное, ныне сокрытое?

Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда;

Но человек рождается на страдание, *как* искры, чтобы устремляться вверх. (Иов. 5, 6–7)

Мы уже упоминали, что, по учению Елифаза, муки и страдания происходят не от «земли», не от «праха». То есть порождены они не материей, не случайными обстоятельствами жизни. Они посылаются Богом; человек «рождается на страдание», т. е. провиденциально посылается на землю, чтобы страдать, дабы «искры» его души «устремлялись вверх». Именно для того, чтобы человеческим душам возвратиться в первоначальное состояние, вновь оказаться в горнем мире, из которого они ниспали, им приходится претерпевать страдание. Значит, из переносимых страданий можно извлечь еще большую пользу, ведь они позволяют не только обретать всевозможные блага, иметь много детей, быть спасенным на войне, насыщенным при голоде, но и обеспечивают самое главное — возможность для души вновь стать духом и возвратиться в славящий Бога ангельский хор. Итак, существует двойная польза, к которой стремится богобоязненный Елифаз, — как на земле, так и в мире будущем.

Что же противопоставляет этому взгляду Иов? Его позиция может быть отчасти выражена стихом из другой библейской книги, написанной гораздо позже, а именно из Песни Песней царя Соломона:

...Ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. (Песн. П. 8, 6)

«...Крепка, как смерть, любовь...» — такова любовь Иова к Богу. И все слова, обращаемые им к своему Создателю, суть выра-

жение именно любви, а не жалобы или недовольства, выражение преданности, свидетельство абсолютного раскрытия навстречу Творцу несмотря на всё, что произошло с Иовом. И сам Иов говорит об этом так:

Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред лицом Его! (*Иов. 13, 15*)

«...Крепка, как смерть, любовь...» — ради любимых люди идут на смерть. И праведник так утверждает пред ликом смерти свою основанную на любви веру: вот, Он убивает меня, но я буду уповать на Него — на Того, Кто убивает и не оставляет, казалось бы, уже никакой надежды.

Значит, Иов хочет даже при отсутствии нравственного смысла привнести этот смысл в мироздание, и именно такова его задача, такова его высокая миссия. Нет справедливости, не существует высшей нравственности; но Иов, умирая, будучи безвинно поражаем карами, хочет и настаивает, тем не менее, на том, чтобы дана была ему возможность свой путь оправдать — путь жизни, целиком основанный на бескомпромиссной нравственности, — и перед лицом совсем иных, жестоких, законов утвердить этот путь и отстоять.

К данному стремлению Иова, к его философии генетически восходят очень важные для всего человечества религиозно-философские системы, развившиеся спустя столетия, а порой и тысячелетия. Прежде всего упомянем истинное, верное своему первоначальному смыслу христианское учение, т. е. учение тех христиан, которые служили и служат Богу не ради рая, не ради вечного блаженства, но из чистой любви, подражая самому Иисусу. Их служение выражается в готовности разделить с Иисусом его великую жертву — подобно ему, отдать жизнь ради спасения других. Если говорить об иудаизме, то и в талмудических текстах есть изречения, отражающие именно такой взгляд на смысл служения Богу. Мы уже приводили одно из них, содержащееся в трактате «Пиркей Авот». Особое выражение эта сторона учения Иова нашла в суфизме — том течении ислама, которое призывает к высшей, экстатической, любви к Аллаху несмотря ни на что; к любви, преодолевающей любые страдания и лишения. Суфийские поэты и мыслители разных веков говорили, обращаясь к Богу: «Не нужен нам Твой рай и не страшен нам Твой ад, но мы жаждем лишь близости к Тебе, наш Творец!» Такое — могучее и неудержимое — стремление души к своему Источнику совершенно бескорыст-

но, и речь идет не просто о слиянии души с Богом, о возвращении к Нему, но именно о необыкновенной, страстной любви ко Всевышнему, которая всё преодолевает. Ее образом стал в суфийской поэзии мотылек, летящий на пламя свечи и сгорающий в нем. Мотылек исчезает в пламени, но даже не чувствует этого, потому что он стремится к свету из чистой любви.

...Каковы же результаты философского состязания Елифаза с Иовом? У Елифаза, как следствие его рассуждений, правильных с точки зрения противостояния деистам и атеистам, но ложных применительно к спору с Иовом, рождается осуждение праведника. Сначала, как мы помним, осуждение достаточно мягкое и ласковое (потому что он видит муки своего друга), а потом — совершенно бескомпромиссное, потому что если Иов прав, если его страдания происходят не от его грехов, если он не по справедливости наказан Богом, то рушится вся теория Елифаза: значит, нет в мире справедливого воздаяния; без него же Елифаз не может существовать, не может принять мира, не может принять Бога. Создатель без справедливости ему как бы не нужен, потому что в жизни не оказывается никакого смысла. Для Елифаза не является достаточным тот факт, что вселенная по-своему совершенна, что в ней столько красоты и мудрости: если нет праведного воздаяния, то всё зыбко и тщетно. И вот Елифаз, в очередной раз услышав из уст Иова утверждения о его невиновности, обрушивается на него с ужасными и, можно даже сказать, кощунственными по отношению к праведнику обвинениями:

Верно, злоба твоя велика, и беззакониям твоим нет конца.
(Иов. 22, 5)

Это говорит человек старый, давно знающий Иова, которому прекрасно известно, что перед ним — праведник, не делавший никакого зла. В те времена люди вообще жили гораздо более открыто и на виду у всех. Они могли достаточно свободно, почти в любое время посещать шатры или дома друг друга, видеть, чем занимается хозяин. Если кто-нибудь обижал слугу или служанку, об этом становилось известно всем вокруг. Как сказал о себе библейский пророк Самуил, обращаясь к народу:

...Я же ходил пред вами от юности моей и до сего дня... (1 Цар. 12, 2)

И тем не менее Елифаз преступает в своей речи все границы этики, дабы отстоять собственную правоту.

Верно, ты брал залоги от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду.

Утомленному жаждою не подавал воды напиться и голодному отказывал в хлебе;

А человеку сильному ты *давал* землю, и сановитый селился на ней.

Вдов ты отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками. (*Иов. 22, 6–9*)

Так обвиняет Иова человек, который хорошо осведомлен о том, что дом Иова всегда был открыт для бедных, нуждающихся, обиженных. И Иов сам напоминает: вы знаете, друзья мои, что я всегда бедному давал хлеб, жаждущего поил, неимущего одевал, сироте помогал... Но всё перечисленное ожесточенный Елифаз игнорирует. И затем, приведя свои бессильные и весьма резкие, даже злобные «аргументы», заключает:

За то вокруг тебя петли, и возмутил тебя неожиданный ужас... (*Иов. 22, 10*)

Иов действительно словно бы из одной «петли» (ловушки) попадает в другую: здесь — крах, там — разрушение; здесь — всё потеряно, там — гибнут члены семьи; такой ряд событий не может быть случайным, тут всё одно к одному: петля за петлей, капкан за капканом...

...Или тьма, в которой ты ничего не видишь, и множество вод покрыло тебя. (*Иов. 22, 11*)

— т. е., продолжает Елифаз, ты совершил непростительные грехи и, отказываясь теперь от моей, Елифазовой, теории, объясняющей смысл наказаний, по собственному желанию как бы покрываешь себя глубокой тьмой или водной толщей и ничего не видишь; все твои возражения — ложь и глупость, потому что не может быть, чтобы моя, такая совершенная и выверенная, теория оказалась бездейственной, не могущей ответить на самые значимые вопросы.

Однако Иов согласен быть в полнейшем, окончательном смысле «бескорыстным праведником»; он согласен даже, что воздаяние может постигать человека «наоборот»: чем более он праведен, тем больше терпит мучений. Такова любовь Иова, не ждущая взаимности, не надеющаяся на Божье милосердие и тем не менее к Нему направляемая.

Мы уже сказали, что в учении всех трех мировых монотеистических религий присутствуют очень мощные в этическом, культурном и философском смысле концепции, которые как бы опираются на мировоззренческую позицию Иова. И всё же во многих случаях в ряде конфессий, и по сей день находящихся в состоянии духовного младенчества, обучают служению корыстному: ты должен исполнять заповеди, ты должен быть человеком нравственным, помогать ближним — но почему? Да потому, что ты попадешь за это в рай, потому что и в земной жизни тебя минуют многие беды, если ты будешь служить Богу. Наконец, существует, увы, и крайняя форма фанатического эгоизма, основанного на глубоко вьевшейся в сознание идее корыстного служения Богу, — например «шахидство» в современном исламе, когда человек готов пожертвовать многочисленными чужими жизнями для обретения райского блаженства (следует отметить, что, по мнению самих таких «шахидов», убитые ими отправляются прямо в ад, не имея уже возможности покаяться!).

Служение из корысти в той или иной форме проповедуется постоянно, несмотря на то, что даже в обычной жизни большинства людей встречается немало бескорыстия, а в обществе есть достаточно институтов, которые учат абсолютной самоотдаче. Вспомним, что человек способен порой всем пожертвовать ради ближних (прежде всего членов своей семьи), а иногда — и ради «дальних». Вспомним, что, например, армия, какой бы она ни была и что бы ни защищала в нашем несовершенном мире, все-таки опирается на людей солидарных, объединенных общей идеей, готовых отдать — и нередко отдающих — свою жизнь не ради какого-либо воздаяния на земле или на небе, а ради отечества и друг за друга. Значит, подобное бескорыстие всё же нередко встречается! И получается, что в упомянутых конфессиях даже проповедники еще не доросли до тех, казалось бы, простых начал человеческой нравственности — бескорыстия и самоотдачи, — которые проявляются в жизни всех народов. Именно поэтому, в частности, влияние таких закоснелых религиозных сообществ неуклонно падает: люди ищут чего-то более глубокого, потому что нравственная интуиция человечества уже начинает перерастать младенческие постулаты о вознаграждении.

Что же получается: выстроив свою «безупречную» концепцию, Елифаз переходит к жестокому обвинению праведника и в конце концов в скрытом виде — к обвинению Создателя! А Иов на своем

«духовном посту», на страже истины, объятый адскими муками, продолжает оправдывать Бога.

...Итак, мы рассмотрели спор двух людей, противостояние двух систем мышления в Книге Иова. И в качестве резюме скажем следующее. Книга Иова, как и другие библейские книги, требует очень тщательного, вдумчивого, весьма подробного чтения. Каждый ее стих содержит в себе большую образно-смысловую глубину. За каждым изречением в Книге Иова стоит глубокий опыт древних человеческих душ, которые задолго до нас прошли по земному миру, странному и непонятному в их эпоху не менее, чем в нашу, и извлекли свои выводы из жизненных событий. И, конечно, без этого многогранного духовного опыта неполна не только всемирная литература, одним из первых великих образцов которой является сама Книга Иова, но и наша собственная жизнь. Ведь в любую эпоху существует много такого, что заставляет обращаться к образам и выводам, вопросам и ответам Книги Иова...

Глава 5

ТРАДИЦИОНАЛИСТ ВИЛДАД. «СПРОСИ У ПРЕЖНИХ РОДОВ»

Второй из тех, кто вступил в спор с Иовом, пытаясь опровергнуть его взгляды и доказать, что он грешен и недостойн вопрошать Бога, — это Вилдад Савхейнин, по-древнееврейски בלדד השחי *Бильда́д ша-Шухи́*. «Шуах» — это племя в Аравии (Быт. 25, 2), которое упоминается также в древних хрониках Ближнего Востока. Но это название имеет и символический смысл: глагол שׁוּחַ *шӯах*, от которого оно образовано, означает «опускаться», «нагибаться», а также «смиряться [перед Богом]». То есть человек, носящий прозвище Шухи, проповедует смирение и кротость, полное приятие Божьих заповедей и осуждает всякий мятеж, всякое восстание против них. А имя его, בלדד *Бильда́д*, образовано из двух семитских (древнеарамейских) корней.

Первый корень соответствует одному из имен высшего божества: «Бэл» (в Синодальном переводе «Вил» — см. Ис. 46, 1; Иер. 50, 2). Оно получается как сокращение от «Баа́ль». Именем же «Баа́ль», означающим «Господин», «Владыка», иногда называется Сам Всевышний. Например, Он традиционно именуется в иудаизме בעל הרקמים *Баа́ль ша-рахамим* — «Обладатель милости». Значит, «Биль» — это «Владыка», «Господь».

Второй корень, דד *дад* (или *дод*), означает «возлюбленный».

Таким образом, «Вилдад» — это «возлюбленный Владыкой», или: «Владыка любит», «Господь [проявляет] любовь». Исследуя глубокое философское учение, которое провозглашается Вилдадом, мы поймем, почему он носит такое имя и как оно связано с его мировоззрением.

Речи Вилдада изложены в 8, 18 и 25-й главах Книги Иова. Самое первое утверждение, с которым выступает Вилдад, опровергая «мятежные», «исполненные бунта и дерзости», с точки зрения

всех друзей Иова, речи страдальца, состоит в том, что Бог справедлив (собственно, с того же начинается и Елифаз):

Неужели Бог извращает суд и Вседержитель превращает правду?

(Иов. 8, 3)

Справедливость Божественного суда — настолько общее место, неоспоримое положение всех религиозных учений, что говорится здесь о нем как о чем-то само собой разумеющемся: мол, неужели ты, Иов, станешь утверждать нечто иное? Бог праведен, Он воздаст человеку по его делам. Вилдад подчеркивает и личную ответственность каждого перед Божьим судом. Например, у Иова погибли все сыновья и дочери, но многими это воспринималось как воздаяние за вину их отца, как самая тяжкая кара, обрушившаяся на самого Иова за его якобы нечестие. Подобную точку зрения Вилдад опровергает; в отличие от Елифаза, который многократно подчеркивал, что дети погибают у нечестивых, Вилдад говорит следующее:

Если сыновья твои согрешили пред Ним, то Он и предал их в руку беззакония их.

Если же ты взыщешь Бога и помолишься Вседержителю,

И если ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей. *(Иов. 8, 4–6)*

Значит, с точки зрения Вилдада, сыновья умерли за то, что сами они согрешили, а не за грех Иова; и пусть, мол, Иов не думает, что за его беззакония погибли дети, пусть не берет на себя излишней ответственности, не возлагает на себя невыносимой вины. «...Сыновья... согрешили...» и «...Он... предал их в руку беззакония их» — таким образом, само беззаконие становится сетью, из которой виновный уже не может выпутаться. То есть если пути человека направляются к нечестию, то на этих путях человек и падает, и погибает от собственных своих дел. В другом месте речей Вилдада сходная мысль выражена иначе:

Да, свет у беззаконного потухнет, и не останется искры от огня его. *(Иов. 18, 5)*

— т. е. «свет», с помощью которого человек видит путь своей жизни (будь то свет рационального познания или интуиции), у беззаконного потухает: он начинает блуждать во тьме, оказывается в ловушках и тенетах, захватывается сетью собственных грехов

и таким образом погибает. В то же время человек, следующий истине, верный правде, видит над своими путями свет и во свете ходит. Еще более ясно это высказано далее:

Сократятся шаги могущества его, и низложит его собственный замысел его... (Иов. 18, 7),

— так говорит Вилдад о нечестивом. То есть «собственный замысел» грешника, осуществив который, он надеялся возрасти, стать более славным и могущественным, — этот самый замысел оказывается причиной гибели. Бог готовит падение грешнику на его же путях, и орудием для такого крушения избирает его собственные замыслы. Вспомним, что в Священном Писании подобные сюжеты встречаются неоднократно. Яркий пример тому — история Амана в Книге Есфирь, который замышляет погубить всех иудеев в персидском царстве, а в результате, сам того не сознавая, каждым своим шагом, каждым своим делом готовит себе гибель. Итак, нечестивого губят собственные замыслы...

Вилдад утверждает, что грехи ведут к смерти того, кто их замышляет и творит. Но в чем же заключается сама сущность греха? Главный грех, по Вилдаду, — это забвение Всевышнего, отказ от Богопознания. «Познание» означает в данном случае «единение»: библейский глагол «познавать», יָדָע *ʾyadá* (родственный санскритскому «вѣда», древнерусскому «вѣдати»), указывает на тесное внутреннее единение познающего и познаваемого. По отношению к Богу и человеку этот глагол означает следование человеческой воли воле Создателя. Итак, отказ «познавать» Бога, отказ осуществлять действие по глаголу יָדָע *ʾyadá* по отношению ко Всевышнему — это отказ от следования Его воле, нежелание шествовать Его путями. О забвении Бога у Вилдада говорится:

Таковы пути всех забывающих Бога, и надежда лицемера погибнет... (Иов. 8, 13)

И вновь о том, что сущность всякого греха есть нежелание познать Бога, говорится в другом месте:

Таковы жилища беззаконного, и таково место *того, кто* не знает Бога. (Иов. 18, 21)

— точнее, «не познавшего Бога»: $\text{לֹא יָדָע אֱלֹהִים}$ *lo-ʾyadá ʾĕl*. При недостаточно вдумчивом чтении этого стиха может показаться, что вина человека в том, что он просто «не знает»; но как следует из

всего Писания, с незнающего взыскивается гораздо меньше, чем с познавшего. В Евангелии как бы суммируется всё, что сказано на данную тему в Ветхом Завете:

Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много;

А который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше... (Лук. 12, 47–48)

Значит, под караемым беззаконником, который «не знал» Бога, понимается не хотящий Его познать, не желающий углубляться в истину и действовать в соответствии с ней. Но в чем же истина заключается, каким образом она проявляется на земле и как можно познать Бога?

Истина, по учению Вилдада, заключена только и исключительно в традиции, в предании. Главное, а возможно, и единственное средство познания Бога — это традиция, поэтому следование ей — порука благословения свыше на всех путях. Вот как излагает свое учение «философ-традиционалист» Вилдад:

Ибо спроси у прежних родов и вникни в наблюдения отцов их;

А мы — вчерашние и ничего не знаем, потому что наши дни на земле тень.

Вот, они научат тебя, скажут тебе и от сердца своего произнесут слова... (Иов. 8, 8–10)

Об истине, о правильном пути нужно спросить у прежних родов, у давних поколений — и «они научат тебя». В Синодальном переводе здесь стоит множественное число («у прежних родов»); в оригинале — единственное число: *דור רישון* «*dor rishon*» — буквально «первое поколение». Что же такое «первый род», или «первое поколение»? Это поколение детей Адама и Евы, потому что Адам и Ева сами не являются «поколением», так как они сотворены Богом; а вот родившиеся у них дети представляют собой уже первое поколение. И буквально стих 8 переводится с оригинала так: «Ибо спроси у первого поколения и уразумей увиденное отцами их...» Таким образом, речь идет, в собирательном смысле, о самых первых жителях земли — поколениях, непосредственно следующих за Адамом.

Следовательно, истина на земле, по Вилдаду Савхейнину, передается преемственно от Адама и его детей — и до настоящего времени. Никакого небесного, нового или вновь открывающегося источника познания этот философ не признает, он почитает только

традицию. Здесь мы должны подчеркнуть, что согласно древнейшему библейскому воззрению сами Адам и Ева пережили некое духовное помрачение и, будучи изгнаны за грехопадение из Едемского сада, не могли донести до своих потомков предание, дарованное им в раю, в совершенно чистом виде: оно уже было отчасти затемнено самим их состоянием. Но Вилдад о грехопадении не вспоминает, для него оно как бы не существует. И тем более отсутствует в его мировоззрении то положение, которое развивает Елифаз: о том, что душа предсуществовала телу, будучи ангелом по естеству, а затем ниспала свыше, отказавшись воздать славу Богу, и теперь здесь, на земле, за это наказана. Хотя падение, нисхождение души Вилдад и признает, но рассматривает совсем иначе: оно носит, как и у Елифаза, индивидуальный характер, однако ниспадает человек не из ангельского состояния в человеческое, а из человеческого — в животное. Вот слова Вилдада:

...Обдумайте — и потом будем говорить.

Зачем считаться нам за животных и быть униженными в собственных глазах ваших? (*Иов. 18, 2–3*)

Разберемся в сказанном подробнее. Когда человек становится похожим на животное, т. е. ведет скотский образ жизни, то он унижается в собственных глазах. Чем же возвышается человек над животным? «...Обдумайте — и потом будем говорить. Зачем считаться нам за животных?..» Животные не мыслят. Значит, именно разум («обдумайте»), выражающийся в речи («потом будем говорить»), притом держащийся живой, святой, чистой традиции, переданной от Адама и других праотцев, отличает человека от животного. Таким образом, падение имеет духовный характер, оно есть низведение жизни с человеческого уровня на животный, и человек наказывается свыше уже самим этим падением, а также дополнительно — за него.

Непосредственно истина была сообщена, по учению Вилдада Савхеянина, только первому поколению. Потом она преемственно передавалась из рода в род до настоящего времени, и те, кто держится ее, — благословенны. Единственная возможность спастись на земле, избегнув всех кар и наказаний, а после смерти удостоиться блаженного бытия — это держаться названной святой традиции, дошедшей до наших дней: она одна истинна и никогда не искажалась; отступающие от нее уничтожаются, а держащиеся ее пребывают в мире и покое.

Правда, в интерпретируемых нами словах Вилдада содержится возможность и иного понимания. Ведь о тех самых отцах, к которым следует обратиться за разъяснением предания, сказано как о живых собеседниках:

Вот они научат тебя, скажут тебе и от сердца своего произнесут слова... (Иов. 8, 10)

Не правда ли, странно? Ведь предки жили много поколений назад; как они могут произнести слова «от сердца», обращаясь к потомку, который их вопрошает? Скорее всего, они оставили свои поучения в каких-то писаниях — в книгах, применительно же к древневосточной реальности, о которой мы говорим, — на глиняных табличках или в надписях на камне; а может быть, позаботились о том, чтобы обеспечить передачу учения в устном виде. Но ведь здесь говорится о вопрошании как о непосредственном, личном общении с ними! «Вот, они научат тебя, скажут тебе...» — скажут не вообще потомкам, а тебе лично, притом «...и от сердца своего...» — а это уже чисто эмоциональное общение! — «...произнесут слова...». Следовательно, в учении Вилдада можно усмотреть начатки учения о прямом общении потомков со своими предками: духи предков могут явиться и «произнести слова» с целью «научить тебя».

Следовательно, если мы говорим, что Вилдад Савхейнин не признает никакой возможности нового откровения свыше, то это не абсолютный приговор: некое откровение может быть, но не от Бога, а от духов, обитающих в горнем мире, от древних предков. А как же библейский запрет: «...не должен находиться у тебя... вызывающий духов... и вопрошающий мертвых...» (Втор. 18, 10–11)? Очевидно, Вилдад не имеет в виду, что духов предков следует произвольно вызывать, но что они сами могут явиться (скажем, во сне), дабы помочь своим потомкам добрым советом.

...Так почему же имя Вилдад переводится как «возлюбленный Владыкой»? Да потому, что он крепко держится за ту чистую традицию, которая восходит к Адаму, и следует ей. Отступление от традиции рассматривается им как отступление от Бога и, следовательно, как отпадение от корня, от источника жизни:

...Поднимается ли тростник без влаги? растет ли камыш без воды?

Еще он в свежести своей и не срезан, а прежде всякой травы засыхает.

Таковы пути всех забывающих Бога, и надежда лицемера погибнет... *(Иов. 8, 11–13)*

С чем сравнивает Вилдад отступление от Бога и забвение Его? С засыханием тростника или камыша — тех растений, которые могут расти только близ воды, обильно орошаемые и напоемые ею.

Гораздо позже, спустя тысячелетия, в суфийской поэзии сходная мысль будет выражена несколько иным образом: человек, отступивший от Аллаха, забывший Его, сравнивается с ветвью, отсеченной от дерева. Эта ветвь, лежащая возле ствола, думает, что она будет жить вечно, что источник жизни в ней самой, но связи со стволом уже нет, и она, засыхая, постепенно начинает понимать, что отделена от источника жизни.

Можно подобное сравнение усмотреть и в более ранней — евангельской — традиции. Иисус говорит ученикам:

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой — виноградарь.

<...>

Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь... *(Иоан. 15, 1–6)*

Значит, питание от Божественного Источника, прямая связь с ним — это жизнь, а отсечение от Него — смерть, хотя и не мгновенная и не сразу ощущаемая. Самое древнее выражение подобного философского воззрения мы встречаем именно у Вилдада.

Бог — это источник, сердцевина, основа, начало жизни каждого из нас: если мы от Него отвращаемся, Его забываем, то уподобляемся растениям, нуждающимся в воде, но лишенным ее. Божественная сила, энергия, Его Дух, которым живится дух человеческий, в таком случае отступают от нас, и мы тогда потенциально мертвы, а в смысле духовном — мертвы уже сейчас.

Другое изображение нечестивого содержится в следующих словах Вилдада:

...Упование его подсечено, и уверенность его — дом паука.

Обопрется о дом свой — и не устоит; ухватится за него — и не удержится. *(Иов. 8, 14–15)*

В Библии вера в Бога, исполнение Его заповедей неоднократно уподобляются камню, на котором человек возводит свой дом. Вспомним, например, слова Иисуса:

...Всякого, кто слушает слова мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне...
(Матф. 7, 24)

При потоках и бурях устоит дом, основанный на каменном фундаменте. Здесь, у Вилдада, мы находим сходный образ: дом, построенный на камне, т. е. основанный на учении Божьем, на верности Ему, противопоставляется «дому паука». А что такое «дом паука»? Это паутина; стоит пальцем шевельнуть — она порвется, и паук упадет: «Обопрется о дом свой — и не устоит; ухватится за него — и не удержится». Но сам паук не рвет паутину, для него она достаточно прочна, разрушают ее посторонние силы. Так и тот, кто не основал свою физическую жизнь на метафизической реальности Божественного Присутствия, как бы висит, подобно пауку, между небом и землей, не имея никакой опоры, потому что всё держится милостью Божьей; а отрицая эту милость, человек подсекает основы собственного бытия. И извне приходит к нему наказание, «разрывающее» его жизненные надежды, которые сравниваются с паутиной...

Имеется и еще один образ, который использует Вилдад для описания отступника от Бога:

Зеленеет он пред солнцем, за сад простираются ветви его;

В кучу *каменной* вплетаются корни его, между камнями врезаются.

Но когда вырвут его с места его, оно откажется от него: «Я не видало тебя!» (Иов. 8, 16–18)

Здесь «место» человека в мире (т. е. и пространственно-временные координаты, и все обстоятельства жизни, включая социальное окружение) одушевляется, олицетворяется, «умеет говорить». Место, из которого человек вырван и выкинут Богом, как бы отказывается от того, кто в нем ранее присутствовал, и заявляет: «Я не видало тебя!» Человек недостойн пребывать в мире, если он не воздает хвалу Тому, Кто его в этот мир поместил. А кто же замещает исторгнутого? —

...Из земли вырастают другие. (Иов. 8, 19)

Нечестивец подобен растению, вырванному Богом и вышвырнутому Им как сорняк, потому что оказался духовно бесплодным; он заменяется «другими», которые, может быть, принесут ожи-

даемый духовный плод в свое время и будут верны Садовнику, их насадившему.

Таким образом, у Виллада человек нечестивый уподобляется то тростнику и камышу, лишенным влаги; то пауку, который «ни на чем» строит свой дом; то растению, выдернутому из земли...

Вернемся к уже прочитанным стихам:

...Когда же положите вы конец таким речам? обдумайте, и потом будем говорить.

Зачем считаться нам за животных и быть униженными в собственных глазах ваших? (Иов. 18, 2–3)

Теперь попробуем «вопросить» древнего мыслителя об источнике самого нечестия. Что же именно, с его точки зрения, должен предпринять человек, чтобы не упасть со своей человеческой высоты и не превратиться в животное: в этой жизни — образно, а в грядущей — буквально?

«Обдумайте...» — говорит Синодальный перевод. В древнееврейском же тексте стоит *תבין* *tavínu* — «уразумейте», «поймите». Что-то человек должен уразуметь, чтобы не уподобиться животному. О чем идет речь? О том, чтобы исследовать что-то собственным разумом, познать причины бытия? Из сказанного выше вытекает, что нет: в контексте учения Виллада говорится о традиции, и только о ней. «Уразумейте...» — что? — очевидно, именно традицию, предание предков. И если вы будете этому преемственно передаваемому учению верны, тогда станете непоколебимы и займете подобающее вам человеческое место под солнцем. Значит, действие по глаголу «уразумейте» противопоставляется в контексте учения Виллада поведению «не познавшего Бога» (Иов. 18, 21), т. е. не пожелавшего Его познать.

И нечестивцев за их отказ «познать Бога» (ср. приводимые пророками речи таких людей: «...устраните от глаз наших Святого Израилева» — Ис. 30, 11; «Мы сами себе господа; мы уже не придем к Тебе» — Иер. 2, 31) постигают страшные кары, которые, пожалуй, у Виллада, по сравнению с другими друзьями Иова, описаны наиболее картинно. Начинается наказание нечестивца, делающего себя недостойным человеческого звания, с внутренних терзаний его души:

О ты, раздирающий душу твою в гневе твоём!... (Иов. 18, 4)

Беззаконник вечно недоволен своим положением, потому что только праведник спокоен, мирен, а человек неправедный, отхо-

дящий от истины, гневается, сетует на всё, совершающееся вокруг. Здесь, конечно, содержится прямой намек на положение Иова: Иов всё время жалуется, Иов стенает, Иов требует чего-то... А если бы ты, мол, Иов, был праведен, как бы подчеркивает Вилдад, то и сейчас был бы спокоен и мирен несмотря ни на что.

Однако резкими, жестокими словами, подобно Елифазу, Вилдад Иова не обличает. Он не говорит, что Иов у кого-то что-то похитил, оставил сироту и вдову без суда, убил кого-либо и прочее; таких обвинений у Вилдада нет. Тем не менее намеки на греховность Иова в его речи всё же присутствуют:

О ты, раздирающий душу твою в гнев твоём! Неужели для тебя опустеть земле и скале сдвинуться с места своего? (Иов. 18, 4)

Но разве Иов хотел, чтобы земля опустела, а скалы сдвинулись с места? Нет, он просит только, чтобы Господь ему явил истинную причину страданий, показал те пути управления миром, на которых чистого, совершенного праведника постигло столь страшное наказание. Значит, слова Вилдада обращены в действительности вовсе не к Иову, а к тем, кто желает опустошения земли, ко всем подлинным нечестивцам. «Неужели для тебя опустеть земле...»? Чтобы лучше понять эти слова, задумаемся: когда именно человек наиболее глубоко погружается в животное состояние? Очевидно, тогда, когда животное начало в нем начинает превалировать над духовным, подавлять его и утверждать над ним свою полную власть. И тогда человек становится абсолютным, полным эгоистом.

Всё, что мы знаем о праведниках, святых, пророках и апостолах, говорит об их чистейшем альтруизме. Они умирали, отдавая свою жизнь за других, они жили ради других, они любили ближних совершенно бескорыстной любовью. Противоположность этому — состояние нечестивца: он думает только о себе. Предел же нечестия обозначен пророком Исаией в таких словах:

Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле. (Ис. 5, 8)

И еще более ярко о подобном состоянии сказал за много столетий до Исаии Вилдад: «Неужели для тебя опустеть земле...»? То есть имеется в виду такой нечестивец, который всю землю готов опустошить — лишь бы улучшить свое положение. И вот какое воздаяние постигает его:

...Свет у беззаконного потухнет, и не останется искры от огня его. (Иов. 18, 5)

О каком свете здесь говорится? Если исходить из контекста всего учения Вилдада, несомненно — о свете традиции, предания, распространяющемся со времен первых людей, Адама и Евы, и светящем всем поколениям людей. Но этот свет «гаснет» для тех, кто отходит от основ учения, от основ нравственности. Такие люди лишаются света — от него «не остается искры». Пока хоть искра святого предания теплится в сознании человека, в его семейных традициях, в сердцах его детей — еще остается надежда, что из нее разгорится духовное пламя. Но когда искра традиции гаснет, а никакого иного источника света нет (потому что Виллад отрицает прямое откровение свыше), когда человек навсегда поворачивается спиной к святым преданиям отцов, то надежды уже не остается. И тогда свыше ниспосылаются кары, сменяющие друг друга со страшной последовательностью:

...И не останется искры от огня его.

Померкнет свет в шатре его, и светильник его угаснет над ним. (Иов. 18, 5–6)

Какой же свет «померкнет»? Сначала, как мы видели, потухает еще теплившийся огонь в очаге предания, традиции; теперь же меркнет свет рационального познания, и человек, будучи лишен его, заблуждается разумом; меркнет свет интуиции, который часто спасает, выводит из страшных ситуаций, — а без него человек попадает во всевозможные беды; и, наконец, меркнет свет внешнего благополучия, сияние которого составляет радость жизни; и когда свет всех этих видов гаснет, человека обступает полная тьма (а в библейской метафорике тьма — это и страдание, и страх, и безнадежность).

Сократятся шаги могущества его, и низложит его собственный замысел его... (Иов. 18, 7)

Действительно, нечестивец считает самого себя потенциально очень могущественным, поскольку видит в себе источник собственной силы. Это и есть корень его нечестия — отрицание того факта, что Владыкой всех сил является Бог. В Торе есть такое предупреждение:

...И чтобы ты не сказал в сердце твоём: «Моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие»,

Но чтобы помнил Господа, Бога твоего, ибо Он дает тебе силу приобретать богатство... (Втор. 8, 17–18)

Поскольку же сам по себе, без Бога, человек сделать ничего не может, то считающий себя могущественным как раз и «сокращает шаги» свои на земле, т. е. уменьшает свои возможности. И собственный замысел «низлагает его»,

...Ибо он попадет в сеть своими ногами и по тенетам ходить будет. (Иов. 18, 8)

Иначе говоря, каждый шаг незаконно мыслящего человека опасен для него самого, на каждом шагу его ждут ловушки, капканы, созданные его же злыми делами.

Петля зацепит за ногу его, и грабитель уловит его.

Скрытно разложены по земле силки для него и западни на дороге. (Иов. 18, 9–10)

Так Бог улавливает его делами его же собственных рук. И когда он, попадая то в один силок, то в другой, наконец запутывается в сетях (а ведь зверь, для которого сеть расставлена, пытается из нее вырваться, запутывается еще больше), тогда к нему приближается уже полная погибель:

Со всех сторон будут страшить его ужасы и заставят его бросаться туда и сюда. (Иов. 18, 11)

— он теряет разум, утрачивает не только свой путь, но и самую возможность дальнейшего движения, и начинает метаться из стороны в сторону.

Истощится от голода сила его, и гибель готова — сбоку у него. (Иов. 18, 12)

«Сбоку» приходит нечто неожиданное, внезапное, воспринимаемое лишь боковым зрением: вдруг откуда-то со стороны врывается в жизнь человека что-то, готовое поглотить и уничтожить его, так что он не успевает ни опомниться, ни должным образом среагировать. Если он ранее был богат, то теперь, как здесь сказано, «истощится от голода». И далее следуют описания кар, которые готовятся для преступника в загробной жизни:

Съест члены тела его, съест члены его первенец смерти. (Иов. 18, 13)

Здесь в оригинале стоит название некоего демонического существа: כָּכּוֹר מוֹת *«бехор мавёт»* — «первенец смерти». До нас дошли описания древнейшей ближневосточной демонологии — в шумеро-аккадских, угаритских и некоторых других источниках. Согласно этим описаниям, у страшных карателей, «палачей» загробного мира, были свои наименования; в частности, существовало представление о «первенце (самом сильном, первородном сыне) смерти», который набрасывается на преступников и съедает их тела. Это поедание начинается еще при жизни: преступник заболевает какой-либо страшной болезнью, а потом, уже в преисподней, целиком достается в пищу ужасным духовным существам.

Изгнана будет из шатра его надежда его, и это низведет его к царю ужасов. (Иов. 18, 14)

Тут встречается имя еще одного злобного существа: מֶלֶךְ בְּלֵהוֹת *«мелех балаџот»* — «царь ужасов».

Мы видим, что, согласно Вилдаду, после смерти нечестивец ведет сознательную жизнь. Он не засыпает вечным сном, а, напротив того, испытывает какие-то непереносимые страдания, насылаемые «царем ужасов». Если בְּלֵהָ *«балаџа»* — «ужас», «смятение» — может постигнуть человека и при жизни, то «царь ужасов» (владыка их всех, насылающий кары на данную душу) поджидает грешника именно в аду, после смерти. Вспомним описания адских мук, сходные в различных религиозных традициях; здесь речь идет именно о таком загробном состоянии души.

Поселятся в шатре его, потому что он уже не его; жилище его посыпано будет серою. (Иов. 18, 15)

— т. е. и все земные дела такого человека придут в упадок, дом его перейдет к чужим и даже серою засыплют то место, где он прежде жил.

Снизу подсохнут корни его, и сверху увянут ветви его. (Иов. 18, 16)

Обычно под «ветвями» и «корнями» понимаются потомки и предки. Итак, злая молва постигнет его предков (а уважение к предкам, как мы знаем, — одна из главных заповедей; в Декалоге Моисея это Пятая заповедь: «Чти отца твоего и мать твою, дабы продлились дни твои на земле»). Бесчестие же предков — крайний позор, еще одна дополнительная кара для человека. Засохнут не только

«корни» преступника, но также и «ветви»: потомство его не будет долговечным. —

Память о нем исчезнет с земли, и имени его не будет на площади. (Иов. 18, 17)

На площадях (т. е. в местах публичных собраний) обычно происходил суд, там вспоминали знаменитых людей прошлого, чтили умерших и благословляли их души; но имя грешника исчезнет даже с площади, о нем и не вспомнят...

Изгонят его из света во тьму и сотрут его с лица земли.

Ни сына его, ни внука не будет в народе его, и никого не останется в жилищах его. (Иов. 18, 18–19)

Кроме личной кары в преисподней существует и «этическая» кара — недобрая память среди живущих. Эта вторая кара должна служить научению как современников, так и будущих поколений.

О дне его ужаснутся потомки... (Иов. 18, 20)

Имеются в виду потомки уже не его личные (см. выше), а вообще грядущие поколения.

...И современники [в оригинале קדמונים <кадмоним> — «предки»] будут объаты трепетом.

Таковы жилища беззаконного, и таково место того, кто не знает Бога. (Иов. 18, 20–21)

Как мы уже говорили, здесь подразумевается тот, кто отказывается Его познавать и не действует по Его воле. Даже предки такого человека будут трепетать в своих неземных обителях, терпя за него позор.

Таким образом, учение Вилдада очень сильно отличается от учения Елифаза, апеллируя преимущественно к традиции, к преданию. Именно такого рода апелляция становится краеугольным камнем многих, и притом самых разных, учений последующих времен, у различных народов, в различных религиях и традициях, прежде всего — в тех консервативных религиозных направлениях, которые, опираясь исключительно на традицию и абсолютизируя ее значение, отрицают возможность какого бы то ни было живого общения с Богом и непосредственного Его откровения человеческой душе.

Интересно понять, как относится автор Книги Иова (по преданию, напомним, это сам Моисей) к учению Вилдада. Содержится ли в этом учении, по его мнению, рациональное зерно и росток истины? На данный вопрос следует ответить утвердительно. В том, что говорит Вилдад (как, впрочем, и Елифаз), содержится определенная истина. Но это не значит, что подобным учением можно объять всю непостижимую для человека многомерность духовной реальности. Опять же, вина Вилдада в том, что его частная теория, его точка зрения претендуют на всеохватность.

...Некоторые образы и выражения, принадлежащие Вилдаду, вошли в религиозный обиход разных народов и традиций. Упомянем, например, такие его слова:

...Держава и страх у Него; Он творит мир на высотах Своих!
(Иов. 25, 2)

Представление о том, что Бог есть «Творящий мир на высотах своих», отражено как в иудейских, так и в различных христианских богослужебных текстах. Как же проинтерпретировать это высказывание? Его можно понять двояким образом: во-первых, Бог творит мир (עוֹשֵׂה שְׁלוֹמַי «осэ шалом») в блаженном бытии вышнего, горнего, мира, который противостоит царству того «царя ужасов», о котором мы только что говорили. Значит, душе человека предстоит, если она шла путем мирным, чистым, светлым (по Вилдаду, путем традиции), не оказаться у «царя ужасов», а вознестись в высший мир — царство под названием «Шалом», мир совершенства и полноты, т. е. в мир ангельский. Если, согласно Елифазу, душа уже была в названном высшем мире, откуда ниспала и куда должна возвратиться через обретение покорности Богу, то для Вилдада путь ввысь (без предыдущего ниспадения с неба) — результат верности традиции и сохранения в себе тех образа и подобия, которые запечатлел в человеке Бог: путь в небеса — это спасение от «скотского» состояния, от образа жизни животных.

Таково одно понимание слов: «...Он творит мир на высотах Своих». Второе же понимание непосредственно связано с жизнью земной: Бог Сам решает, кому послать мир на земле; Он «творит мир» и ниспосылает его тому, кто этого достоин.

В древнейшей месопотамской поэтической традиции различные этические начала, нравственные категории мыслятся в образах предметов или живых существ. Таковы истина, любовь, милость, ненависть, страх — всё это «создают» боги в виде неких «материально-духовных» объектов и посылают в дар или в наказание лю-

дям. И שָׁלוֹם *«шалом»*, мир, может рассматриваться так же: Бог его творит, а потом низводит с небес на Своих избранных. Кто же эти избранные? Верные традиции — те, кто поступает в согласии с учением Вилдада.

Далее Вилдад говорит (подобно Елифазу, и, как мы увидим далее, Софару, и самому Иову) о величии Бога, но делает это совершенно по-своему, оригинально и неповторимо. Особенно сильно величие Бога утверждается им в последней речи, изложенной в 25-й главе:

И как человеку быть правым пред Богом, и как быть чистым рожденному женщиною?

Вот даже луна — и та несветла, и звезды нечисты пред очами Его.

Тем менее человек, *который* есть червь, и сын человеческий, *который* есть моль. (Иов. 25, 4–6)

Последнее выражение мы, согласно взглядам самого Вилдада, не можем применить к каждому из живущих на земле. Вилдад не говорит, что человек вообще есть «червь» и «моль». Нет, Бог печется о человеке, Он позволяет ему пользоваться тем светом предания, который просвещает землю со времен первых поколений, так что не каждый человек — червь, и не каждый — моль. Но отступая от света предания, погружаясь во тьму своеволия, человек уподобляется животному, а отступая еще далее — червю и моли. Червь — существо ничтожное, на него легко наступить; а моль еще и вредна. Вот так же и нечестивый: сначала он становится бесполезным, никчемным, а потом — и врагом Самому Творцу и Его творениям. Моль поедает одежду, и поэтому ее уничтожают; так же и нечестивый вредит всей вселенной, наносит ей ущерб, почему Бог его и устраняет.

Таким образом, изменив священному преданию и перейдя все границы дозволенного отцами, человек вычеркивает себя из списка живых, и нет уже ему возврата. Разве что в самом начале своего отступления он покается и возвратится, пока еще искра традиции не угасла в его сердце.

Сравним также, как представляет себе «нечистоту» в небесном мире Вилдад, и как — Елифаз. Мы помним, что у Елифаза «Бог усматривает недостатки» не в луне и звездах, но в служителях своих — ангелах:

Вот, Он и слугам Своим не доверяет, и в ангелах Своих усматривает недостатки... (Иов. 4, 18)

У Вилдада же ангелы не упоминаются — лишь луна и звезды:

Вот даже луна, и та несветла, и звезды нечисты пред очами Его.

(Иов. 25, 5)

И это логично, потому что у Елифаза причина страданий — падение души из состояния ангельского в состояние человеческое; соответственно, основа его учения — откровение свыше: откуда человек пал (ранее будучи ангелом), оттуда (от Бога) к нему и приходит спасительная весть. У Вилдада основа нечестия — в падении человека до состояния скота, поэтому опора учения — в традиции, которая всегда пребывает на человеческом уровне; ведь в любом случае человек должен подняться до того уровня, с которого ниспал. И если он изгнан из ангельского мира, как у Елифаза, то для возвращения туда ему нужна ангельская весть, т. е. откровение; если же он лишился человеческого облика, дойдя до скотского состояния, то ему для возвращения нужна весть из человеческого мира, которая и сохраняется непрерывной передачей традиции: только держась ее, можно спастись.

...Мы видим, что каждый из двух друзей Иова — великих мудрецов древности — формулирует по-своему стройную, последовательную теорию бытия, иллюстрируя ее красивыми поэтическими образами; это — отличительная черта мудрецов Древнего Востока. Но оба их учения не объясняют причин страданий самого Иова...

Глава 6

РАЦИОНАЛИСТ СОФАР.

«ПРЕД ТОБОЮ – СОВЕРШЕННЫЙ В ПОЗНАНИЯХ»

Третий друг Иова также излагает пред ним свое учение, свою философскую концепцию. Его зовут צַפָּר הַנּוֹעַמָּה *Цофар ža-Нааматí*, в Синодальном переводе — Софар Наамитянин. Что же означает его имя? «Цофар» — это «лучистый», «рассветный», «встрепенувшийся», «бодрствующий». И, несомненно, имя, как и в предыдущих случаях, связано с мировоззрением человека. В отличие от Елифаза, который проповедует откровение, мистическое Богопознание, Софар восхваляет разум. В отличие от Вилдада, который превозносит традицию, идущую от предков, Софар опирается на мыслительные, логические способности самого человека. Именно разум, разгоняющий тьму неведения, подобен свету («лучистый», «рассветный»); вспомним, сколько раз в мировой поэзии восходящее солнце ассоциировалось с разумом, — например, у Пушкина:

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума...

И в то же время разум «бодрствует», он всё время пытается «встрепенуться», отбросить ложь, обрести истину, он очень активен; вот почему имя его «провозвестника» — Софар («встрепенувшийся», «бодрствующий»).

Голос Софара, в отличие от троекратно повторяющихся речей Елифаза и Вилдада, мы слышим лишь дважды: в главах 11-й и 20-й. Он говорит о необходимости жить наяву, не погружаясь в сон разума, который, по известному изречению Франсиско Гойи, «рождает чудовищ». Согласно Софару, человек всё время должен бодрствовать пред лицом Бога и собственными силами доискиваться истины.

По учению Софара, Бог познается разумом, хотя и не может быть познан до конца. И всякое зло, всякое нечестие и беззаконие, по мысли этого философа, происходят лишь оттого, что люди не напрягают всех сил разума для познания Божественной истины. Стоит им полностью опереться на собственный ум, задействовать все свои мыслительные способности — и они найдут истину и вследствие этого сразу станут праведными.

Начинается выступление Софара такими словами:

И отвечал Софар Наамитянин, и сказал:

Разве на множество слов нельзя дать ответа, и разве человек многоречивый прав? (*Иов. 11, 1–2*)

В чем он обвиняет Иова? В том, что тот пустословит, т. е. слишком много говорит без достаточно разумных на то оснований. Софар приписывает ему следующие слова:

Ты сказал: суждение мое верно, и чист я в очах Твоих. (*Иов. 11, 4*)

Но Иов, по смыслу всех его речей, никогда не опирается на собственные суждения, не провозглашает их истиной в последней инстанции или хотя бы мериллом правды. Он нигде не доказывает, что правильно мыслит логически («суждение мое верно») и что поэтому якобы чист в очах Божьих; всё это ему приписывает Софар, который в речах Иова видит лишь то, к чему всегда стремится сам. Когда человек нацелен, скажем, на логическое познание, он во всём ищет логики, в любой речи замечает только ее присутствие или отсутствие, не обращая внимания на эмоциональный заряд этой речи. Так и Софар: он видит в словах другого то, что ему наиболее близко — утверждение о преимуществе разума перед всем прочим. Коль скоро ему, Софару, свойственно говорить о безукоризненности собственной логики, о правильности своей концепции, подобное же он старается найти у Иова: «Ты сказал: суждение мое верно...» — но Иов такого не говорил. С колоссальным эмоциональным надрывом, с трагическим криком обращается Иов к Богу, умоляя возвестить, открыть ему истину Божественного суда — и прекрасно понимая при этом, что она выше человеческой логики. Софар как бы эмоционально глух (этакий чистый интеллект), он почти не чувствует (или меньше чувствует, чем другие два друга) мучения Иова, строя беседу с ним на основании чистой логики, интеллектуального исследования.

Чего же ожидает Софар от Бога? —

Но если бы Бог возглаголал, и отверз уста Свои к тебе,

И открыл тебе тайны премудрости, что тебе вдвое больше следовало бы понести! Итак, знай, что Бог для тебя некоторые из беззаконий твоих предал забвению. (*Иов. 11, 5–6*)

По мнению Софара, Иов еще мало страдает, дескать, на самом деле он заслужил еще большее наказание. Бог ему, однако, многое простил, многое изгладил из той книги, в которую вписываются грехи человека...

Итак, Бог открывает «тайны премудрости» — здесь Софар проговаривается, что он и от Бога не ожидает ничего иного, как только умножения его, Софара, мудрости, каких-то новых рациональных предписаний, которые дали бы ему возможность еще более разумно жить. И он обвиняет Иова в том, что тот якобы утверждает незыблемость и непорочность своих логических конструкций. В свете такого понимания им духовных исканий и усилий Иова становятся ясны и следующие слова Софара (очень важные, однако, и сами по себе, поскольку излагают библейскую концепцию непостижимости Бога):

Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя? (*Иов. 11, 7*)

В данном стихе говорится о такой задаче, таком стремлении, как «исследованием найти Бога» и «совершенно постигнуть» Его; Софар как интеллектуал задается этой целью всё время. Однако, будучи человеком глубоко верующим и поистине религиозно мыслящим, он, в отличие от своих дальних праправнуков — рационалистов эпохи Просвещения, утверждает всё же, что рациональное постижение не только Бога, но и его творений (например, небес, преисподней, земли и моря) в полной мере не осуществимо:

Он превыше небес — что можешь сделать? глубже преисподней — что можешь узнать?

Длиннее земли мера Его и шире моря. (*Иов. 11, 8–9*)

Вот каковы представления о Всевышнем, которые постулирует Софар, этот древний мыслитель-рационалист. Бог познается разумом, интеллектуально, но до конца не может быть постигнут, потому что «Он превыше небес», «глубже преисподней» (вспомним, что во всех мифологических системах древности вселенная

ограничивалась сверху небесами — непременно несколькими, а снизу — преисподней, состоящей также из нескольких «кругов»). Но Бог выше «верхней границы» мира и глубже его «нижней границы». И также «длиннее земли мера Его и шире моря» — т. е. превышает всё, что только можно было представить себе в древности. Таким образом, Бог абсолютно неантропоморфен, не ограничен вообще какой-либо формой, Ему не поставлен никакой предел, Он вездесущ и наполняет всю Вселенную. И единственное духовное препятствие для человека, основной корень его беззакония и нечестия в том, что он мало постигает Бога. Чем же более он продвигается на пути интеллектуального познания, тем более преуспевает и в праведности, и в жизни вообще, как мы увидим из дальнейшего.

Таким образом, вопрос «Можешь ли ты исследованием найти Бога?», который некоторые интерпретаторы рассматривают как указание на агностицизм Софара, на самом деле является признаком, наоборот, «гностического» подхода: Всевышнего, по его мнению, можно постигать, но до конца постичь нельзя.

Далее Софар говорит о том, что главное, основополагающее, качество Самого Бога — это обладание высшим разумом, всеобъемлющим интеллектом:

Ибо Он знает людей... (Иов. 11, 11)

Чем же занимается нечестивый, недостойный человек вместо настоящего познания Бога — вместо глубокого интеллектуального исследования, которое одно, согласно Софару, приносит спасение? Человек «мудрствует»:

Но пустой человек мудрствует, хотя человек рождается подобно дикому осленку. (Иов. 11, 12)

«Мудрствование», о котором здесь говорится, — это напрасное, бессмысленное времяпрепровождение, может быть, некое софистическое размышление, сбивающее человеческий разум с пути истинного. Спасительно лишь настоящее, углубленное, философское познание Бога, а «мудрствование» человека, который приходит в этот мир «подобно дикому осленку», т. е. совершенно неразумным и ненаставленным, и только через воспитание, через упражнения ума восходит к высотам познания (и прежде всего Богопознания), — такое «мудрствование» является величайшим беззаконием. Человек бесплодно «мудрствует» — а что ему нужно

действительно делать для своего блага? Соответственно, каким способом может и Иов спастись от всех своих страданий? —

Если ты управишь сердце твое и прострешь к Нему руки твои...

<...>

...То поднимешь незапятнанное лицо твое, и будешь тверд, и не будешь бояться. (Иов. 11, 13–15)

Чтобы не бояться (а Иову, мы знаем, отовсюду грозят ужасы), чтобы утвердиться (а Иов потерял надежду), чтобы «незапятнанным поднять лицо» (а по мнению Софара и его собратьев, друзей Иова, Иов крайне грешен и преступен, его сердце и душа запятнаны какими-то скрытыми грехами), — для того чтобы всё это свершилось, Иову нужно «управить сердце свое» и «простереть к Нему [т. е. к Богу] руки свои». «Управишь сердце» — по-древне-еврейски *לְבַח הַיְיָ* *ḥākhinóta libéxa*, что буквально означает «приготовишь свое сердце», «расположишь свое сердце». Как можно «управить», «приготовить», «расположить» сердце? Сердце, понимаемое в современных категориях, — это физический орган, или, в переносном смысле, источник эмоций; в библейском контексте, как мы знаем, сердце — источник не только чувства, но и мысли, разума (ср.: «...предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростию всё, что делается под небом...» — Еккл. 1, 13). Таким образом, «расположить» сердце, «приготовить» его значит привести в порядок свои мысли и представления, т. е. выстроить некоторую определенную теорию бытия и ее держаться. Сердце волнуется, мысли мешают одна другой оформиться и выразиться — их нужно просто правильно расположить, и тогда главная — интеллектуальная — задача жизни будет решена.

Французские рационалисты-просветители или атеисты современности сказали бы, что, действительно, следует разумно, логически мыслить — и этого достаточно. Но Софар рассуждает гораздо глубже, он на этом не останавливается; еще раз подчеркнем, что он мыслитель религиозный, и потому добавляет: «Если ты управишь сердце твое и прострешь к Нему руки твои...» Мало «управить сердце», т. е. правильно расположить мысли, надо еще обратиться к Богу — «простереть к Нему руки», взывая о помощи. Что это даст, к чему приведет? И если Бог вмешается в жизнь человека, то каким образом? Это произойдет не посредством чуда, как в теории Елифаза (т. е. не через прямое откровение свыше); не путем возвращения к традиции, как в учении Вилдада; но только

через особое просветление разума человека, чтобы дать ему самому возможность прийти к определенным логическим выводам. И что же тогда будет? —

Тогда забудешь горе: как о воде протекшей, будешь вспоминать о нем. *(Иов. 11, 16)*

— т. е. достаточно «управить сердце» и уповать на Бога, Который еще более поможет просветлиться уму, чтобы человек навсегда «забыл горе».

И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро. *(Иов. 11, 17)*

Этот стих вновь напоминает нам об имени самого говорящего: вспомним, что «Софар» — «просветитель», «лучистый», «озаряющий». «...Яснее полдня... просветлеешь...» — благодаря чему? Благодаря разуму, излучающему свет и изгоняющему тьму.

Таким образом, Софара можно назвать своего рода «просветителем», за тысячи лет предвосхитившим то учение, которое в XVIII веке стало в Европе господствующим, — рационализм. И единственное отличие Софара от позднейших рационалистов-атеистов состоит в том, что он все-таки помнит о Боге, он знает, что главный источник познания — именно Бог (впрочем, так же считали и многие рационалисты, признававшие Творца).

В той же главе сказано:

И будешь спокоен, ибо есть надежда; ты огражден — и можешь спать безопасно. *(Иов. 11, 18)*

Разум, таким образом, вносит в жизнь покой, надежность и безопасность. Как это похоже на утверждения гораздо более поздних философов, например Аристотеля: всё основано на разуме, истинный мудрец с помощью интеллектуального познания гармонично вписывает свою жизнь в мировое бытие! Такой мыслитель якобы ничего не боится, потому что знает истоки и причины всего, понимает посылки и следствия, и именно разум возвышает его над всем живущим, приближает к богам (а для Софара — к Богу единому) и дает ему жить совершенно спокойно — «спать безопасно».

Далее говорится:

Будешь лежать — и не будет устрашающего, и многие будут заискивать пред тобою... *(Иов. 11, 19)*

Мудрец ничего не страшится, говорили греческие философы, потому что он познал суть вещей. Он понял неизбежность болезней и смерти, поэтому ищет возможности избежать недугов и продлить жизнь; страх же ему не свойствен. Тем более он не страшится неведомого, потому что давно «всё познал»: и мир богов, и мир подземный, и мир людей — опасаться уже нечего, ведь страх вызывают явления непознанные, непонятные. Таким образом, истинный мудрец спать будет спокойно, а люди станут перед ним заискивать. Почему? Потому, что разум привлекает к рассудительному человеку уважение и приязнь окружающих, и они начинают в нем нуждаться — в его совете, в его руководстве. «Многие будут заискивать» — это не вполне точный перевод древнееврейских слов וְחִילוּ פָּנֶיךָ רַבִּים *«вэ-хилу панéха рабím»*. Буквально они означают «и будут умолять лицо твое многие», т. е. эти «многие» станут просить совета и помощи. Таким образом, разумный, логически мыслящий, твердый в познании человек сильнее богатыря; разум может оказать людям более важные и полезные услуги, нежели физическая сила.

В завершающем стихе первой речи Софара говорится:

...Глаза беззаконных истают, и убежище пропадет у них, и надежда их исчезнет. (*Иов. 11, 20*)

В чем же, в свете сказанного здесь, сущность беззакония? Беззаконник — это тот, кто не идет путем разума, кто ведет жизнь глупую, противоречащую законам Божиим, законам природы; тот, кто живет «наперекор» достигнутому человечеством познаниям. «Убежище пропадет у них» — у таких людей нет истинного «убежища» (а убежище — это место, в котором человек ощущает себя защищенным). В безопасности может себя чувствовать лишь человек, уверенный в том, что он на правильном пути, имеющий опору в собственном разуме. Но поскольку мысли беззаконника движутся беспорядочно, он не утверждает в истине — и для него нет «убежища». Повсюду ему мерещатся страхи, ему кажется, что все его преследуют, на каждом шагу его ожидают препоны, а в будущем для него нет надежды («и надежда их исчезнет»), потому что тот, кто не строит разумным образом свою жизнь и не упорядочивает свои мыслительные процессы сейчас, не имеет надежды сделать это когда-либо. Видимо, и выражение «глаза беззаконных истают» относится не столько к физическому зрению, сколько к возможности «зрения» внутреннего — того же интеллектуально-го познания.

Ибо Он знает людей лживых и видит беззаконие, и оставит ли его без внимания? (*Иов. 11, 11*)

То, что здесь переведено как «...и оставит ли его без внимания?», в оригинале выглядит так: וְלֹא יִטְבֹּן *«вэ-ло йитбонан»*, т. е. «и не уразумеет». Более правильный перевод, следовательно, такой: «...и видит [совершающего] беззаконие, который не уразумеет». Значит, «совершающий беззаконие» — это тот, кто не хочет разуместь, а главный корень беззакония — то, что человек не желает последовательно мыслить, рассуждать, постигать бытие, т. е. заниматься тем, для чего он, собственно, и рожден.

Следовательно, Софар не признает предшествующей ангельской жизни, из которой человек «ниспал» на землю, как учит Елифаз; не разделяет он и мнение Вилдада о том, что главное призвание человека — сохранять свою человеческую сущность, нравственное достоинство, не впадая в состояние животного. Софар говорит только об одном: что человек должен вести жизнь разумную, которая противостоит жизни безумной.

Во второй же речи, которая заключена в 20-й главе, Софар начинает обличать Иова так:

...Размышления мои побуждают меня отвечать, и я поспешаю выразить их. (*Иов. 20, 2*)

В отличие от двух друзей Иова, которые ссылаются на откровение или традицию, Софар вновь опирается исключительно на собственные размышления: он уверен в непогрешимости разума, в непогрешимости человеческой логики. Его «побуждают отвечать размышления», и далее он говорит:

Упрек, позорный для меня, выслушал я, и дух разумения моего ответит за меня. (*Иов. 20, 3*)

Иов всех троих друзей, его обличавших, ответно обличил в жестокости, в немилосердии, в том, что они «неправо мыслят» о Боге: во-первых, пытаясь втиснуть Его Божественные атрибуты в прокрустово ложе своих теорий, и, во-вторых, уничижая и обвиняя самого Иова. Софар считает позором такое обличение: его, беспорочно рассуждающего, совершенно безупречного в мышлении человека вдруг назвали грешником! И он отвечает: «...дух разумения моего ответит за меня». Что такое «дух разумения»? Буквально רוּחַ מִבִּינְתִי *«руах мибинатí»* — «дух от моего понимания». Мы уже сказали, что на разумении и логическом мышлении (свя-

занном с понятием בִּינָה «бинá» — «разум») Софар основывает всё. Надо сказать, что древнееврейское בִּינָה «бинá» восходит к глаголу בָּנָה «банá» — «строить»; а строящий, конструирующий разум — это не разум, получающий откровение свыше, а разум анализирующий и синтезирующий. Значит, под «духом моего понимания» подразумевается всеобъясняющая теория Софара, опираясь на которую он якобы может опровергнуть любые возражения Иова; как утверждает Софар, сам дух его теории, его учения спасителен.

Далее он переходит к обвинениям праведника, подобным тем, которые предъявляли уже и Елифаз, и Вилдад. Правда, он не говорит во втором лице: мол, ты такой-то, ты делал то-то, ты виноват в том-то — нет, он приводит в качестве примера многих нечестивцев, их грехи и преступления — и косвенно как бы отождествляет с ними Иова. Каждый из нас может вспомнить, что, имея дело с людьми, склонными к исключительно рациональному мышлению, мы редко бывали ими оскорблены. Им всегда, во все века свойственна определенная этика общения, они стремятся не высказывать прямые, грубые обвинения в адрес собеседника. Так же точно поступает и Софар:

Разве не знаешь ты, что от века, — с того времени, как поставлен человек на земле, —

Веселье беззаконных кратковременно и радость лицемера мгновенна? (Иов. 20, 4–5)

Он обращается к Иову («Разве не знаешь ты...»), не называя его прямо беззаконником и лицемером, но как бы давая ему понять, что Иов и сам таков. Так вот, Софар во второй речи как раз объясняет, кто такой беззаконник и в чем его отличительные черты. В числе прочих утверждений Софара о нечестивце есть и такое:

Змеиный яд он сосет; умертвит его язык ехидны. (Иов. 20, 16)

— т. е. беззаконник вбирает в себя неправые представления о мире, подобные змеиному яду, которые как бы разливаются по его существу и проникают в мысли; эти-то представления и губительны («...умертвит его язык ехидны»): ведь яд, будучи впитан человеческим организмом, постепенно производит свое умерщвляющее действие.

По Софару, беззаконник есть человек, живущий вопреки разуму, тому высшему началу, которое вложено в человека Богом как

главное средство не только познания, но и спасения; не прибегая к этому средству, человек пропадает.

Чего же лишается беззаконник? —

Не видать ему ручьев, рек, текущих медом и молоком! (*Иов. 20, 17*)

«Реки, текущие медом и молоком» — это нечто еще более удивительное, чем «земля, текущая молоком и медом», как неоднократно называется земля обетованная в Библии. Но если такое именование земли еще можно объяснить рационалистически (земля «течет молоком», потому что там очень много стад; а «медом», поскольку в ней много пальм, производящих финиковый мед), то образ «рек, текущих медом и молоком», уже чисто фантастический — словно бы взятый из русской сказки про «молочные реки и кисельные берега». О каких же реках идет речь? Зачем пользуется таким сказочным образом такой великий рационалист, как Софар?

Чтобы понять, чего именно «не видать» беззаконнику и что это за «ручьи и реки, текущие медом и молоком», которых он лишен, обратимся к использованию подобного образа в другой библейской книге — Песни Песней:

Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим... (*Песн. П. 4, 11*)

«Мед и молоко под языком» — это образ голоса и слова, а «сотовый мед», который «каплет с уст», — прекрасная речь, улаждающая, подобно меду, и напояющая, подобно молоку. Следовательно, главный признак праведника — его речь, разумное слово, исходящее из его уст. Понятно, что нечестивый, будучи, по учению Софара, лишен правильного мышления, не может обладать и правильной речью, которая в то же время является и речью праведной. Поэтому «ручьи и реки, текущие молоком и медом», не могут «истекать» из его уст, поскольку речь его сумбурна, безумна и вредна как для него самого, так и для окружающих; в то же время и к его слуху не находят доступа словесные потоки «меда и молока», потому что он не вразумляется правильной и правдивой речью, ему адресованной. Вот первый признак беззаконника и безумца.

Что же постигает такого беззаконника напоследок, какова его участь? Его ожидают адские мучения, которые, как мы помним,

ранее были описаны Вилдадом. Вилдад утверждал, что «первенец смерти» набросится на человека нечестивого, съест члены его тела, и низведен будет этот человек к «царю ужасов», в мрачный подземный мир.

Однако Софар, в отличие от Вилдада, совсем иначе изображает ад: у последнего он — картинно-образный, зрительно воспринимаемый, чувственный. У Софара же ад таков, каким его представляли себе религиозные рационалисты всех веков (и в таком взгляде на природу адских мук содержится определенная истина):

Всё мрачное сокрыто внутри него; будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый; зло постигнет и оставшееся в шатре его.
(Иов. 20, 26)

Если у Вилдада адские муки приходят извне, все ужасы насылаются демоническими силами, получившими свыше разрешение мучить грешника, то здесь мы видим совсем другой образ ада: «Всё мрачное сокрыто внутри него [т. е. самого нечестивца]...» Его будут мучить угрызения совести, сознание невыполненного на земле долга, память о том, что он мог бы творить добро, разумно строя свою жизнь и приводя в порядок свои мысли, но не делал этого, поддавшись злым, разрушительным страстям. «...Будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый...» — ясно, что огонь физический должен быть кем-то раздут, иметь топливо; а здесь «огонь» исходит из собственных мыслей и переживаний человека. Так что представление Софара об аде — весьма древнее, около 4000 лет назад высказанное, — можно сказать, более духовно, более соответствует истинному назначению посмертных мук, нежели наглядно-вещественные, буквально-физические описания Вилдада и множества его последователей, запугивавших материально представляемым «адским огнем» верующих всех поколений.

Согласно Софару, прежде, чем нечестивец, «не управивший свое сердце», сойдет в ад, с ним нечто ужасное произойдет еще на земле:

Убежит ли он от оружия железного — пронзит его лук медный;
Станет вынимать *стрелу* — и она выйдет из тела, выйдет, сверкая сквозь желчь его; ужасы смерти найдут на него! (Иов. 20, 24–25)

Такое метафорическое, поэтическое описание мучений нечестивца признано снова указать на то, что вне разума нет спасения, и даже «отведенные», «отстраненные» усилиями самого беззакон-

ника беды сменяются еще худшими. «Убежит ли он от оружия железного — пронзит его лук медный...», потому что не может он, опираясь на свой расстроенный, обессилевший разум, избежать напасти. Он вроде бы вынимает стрелу, т. е. устраняет какое-то несчастье в сфере духовной или физической: «...Станет вынимать стрелу — и она выйдет из тела...» — но как выйдет? — «...сверкая сквозь желчь его...»; т. е., вынимая пронзившую его стрелу, он разрушает собственную печень; ведь он не знаком с основами медицины, не знает, как наиболее безопасно извлечь стрелу. Так что человек, не познавший законы Божьи, и, вместе с тем, законы природы, не может спастись ни на физическом уровне, ни на духовном — он подвержен всем бедам, проистекающим прежде всего от его собственного неразумия; именно в этом основная причина того, что «ужасы смерти найдут на него».

И затем сказано то, что мы уже прочитали о посмертном существовании преступника:

Всё мрачное сокрыто внутри него; будет пожирать его огонь, никем не раздуваемый... (Иов. 20, 26)

От безумной и беспорядочной жизни на земле он перейдет к еще более мучительной жизни в духовном мире, где его будут терзать и мучить воспоминания о содеянном зле.

Итак, Софар очень последовательно и целостно выражает концепцию, согласно которой разум и только разум ведет человека истинным путем, приводит к Богу; разум — единственное средство, данное человеку для спасения. Подобные концепции на протяжении веков встречаются во всех развитых религиозных учениях — это, в отличие от мистического направления, рационалистический путь познания. Если обратиться к христианской теологии, то можно назвать целый ряд имен сходно мыслящих людей. Скажем, в западной христианской традиции это прежде всего Фома Аквинский, рационалист-аристотелианец, который всё «расставляет по полочкам» и создает всеобъемлющую картину мира, обоснованную с помощью логики. В исламе — это Ибн Рушд, Ибн Сина и другие рационально мыслящие мусульмане, которые обычно противопоставляются мистикам-суфиям. Мусульманские рационалисты утверждают тезисы о всесторонней познаваемости мира и о совершенстве разума как высшего начала, дарованного человеку Богом. В иудаизме — это линия, связанная главным образом с Моисеем Маймонидом, который, следуя Аристотелю, даже утверждал, что обретает бессмертие лишь та душа, которая в течение всей земной

жизни совершенствует свой разум и таким образом уподобляется Высшему Интеллекту — разуму Создателя; остальным же душам вовсе нет места в вечной жизни. Подобные системы воззрений есть также в индуизме, буддизме, зороастризме и т. д. — во всех развитых религиях рациональная струя достаточно сильна. Начиная с XVIII века, т. е. с европейских просветителей, именно данное направление мысли вышло на поверхность и властно захватило первенство в европейской культуре, привлекая к себе умы всего человечества.

Казалось бы, что плохого в таком воззрении? Разум действительно дан Богом человеку для изучения бытия, и прежде всего — для первоначальных познаний о Самом Боге. В Послании к Римлянам сказано, что тварный мир своим совершенством указывает людям на существование Бога, и они не могут сказать, будто никогда о Нем не слышали, не видели Его дел: весь строй бытия, его гармония свидетельствуют о Творце, Который поэтому отчасти и Сам познается разумом (Римл. 1). Разум как таковой прекрасен, но ограниченный человеческий «плотский ум» (как он именуется в посланиях Павла — см., например, Кол. 2, 18) не вмещает благодати, указывающей путь к более высоким уровням бытия, и поэтому такой разум не может ни познать суть Божественного, ни быть самодостаточным в главных вопросах жизни. И вопросив Иова: «Можешь ли ты исследованием найти Бога?» (11, 7), т. е. совершенно Его познать, а затем полемизируя с самим собой, Софар в конце концов приходит к выводу, что, мол, да, человек действительно может познать Создателя — и даже должен это сделать. Однако он не принял во внимание то обстоятельство, что завесы, наложенные на познающую сущность человеческого духа плотским разумом, мешают ему видеть дальше вещественного мира...

Если мы теперь сопоставим взгляды всех троих друзей Иова — Елифаза, Виллада и Софара, — то увидим, что каждый из них по-своему прав. Елифаз говорит, что Бог познается через откровение. Да, действительно, именно на откровении основана истинная вера. Однако частичное откровение (каковым обладал, например, сам Елифаз), когда оно принимается за абсолютное и исчерпывающее, становится причиной многих бедствий в мире и заблуждений в религии. Потому что откровение как таковое никогда не прекращается, не иссякает: Бог вечно жив, и к Нему всегда можно обращаться, молясь и прося Его о вразумлении и наставлении. Но когда то, что было в свое время живым словом на устах пророка, гласом Духа Божьего, начинает восприниматься последующими

поколениями как мертвая буква, подавляющая своим ложно понятым авторитетом живые мысли и чувства, то бывшее прежде спасительным становится губительным.

Прав в некотором смысле и Вилдад, который утверждает, что традиция спасительна. Да, всякая чтимая религия человечества основывается на традиции. Традиция — это правильная, опробованная поколениями, проверенная тысячелетиями дорога познания Невидимого. Но когда традиция, пусть и истинная, признается вседостаточной, а всё, что она не охватывает, на что не распространяется или чему не уделяет достаточного внимания, отвергается с порога, то такое понимание может стать гибельным для духовного развития.

И, наконец, путь Софара — разумное постижение. Что может быть прекраснее разума? Но путь рационального исследования, когда он превалирует настолько, что отвергаются все остальные возможности познания — интуиция, откровение свыше, мистическое проникновение, экстатическое озарение и т. п., — оказывается недостаточным и в конце концов может привести к трагедии.

В каждом из трех случаев, нами рассмотренных, рисуется исчерпывающая картина бытия, в которой уже нет места никаким переменам или новым поискам. Дано откровение раз и навсегда — и другого откровения быть не может (так у Елифаза); дана традиция — и она якобы может объяснить всё (у Вилдада); и, наконец, утверждается, что человеческий разум всеобъемлющ и самодостаточен (у Софара). Нет места новым поискам; в результате рождаются фанатизм — абсолютная преданность только своей дороге, своему способу познания и доходящее до ярости отвержение всех остальных способов.

Описанные три учения можно определить как путь экстатического откровения, путь ортодоксальной традиции и путь интеллектуального познания. Оказывается, помимо других, в древнем мире существовал фанатизм и интеллектуальный, выразившийся во вражде различных научных, философских и теологических направлений.

Итак, мы видим, что на каждом из рассмотренных трех путей формируется свой особый фанатизм, который праведника Иова представляет страшнейшим грешником, в чем оказываются согласны между собой все трое философов. К одному и тому же выводу приходят и Елифаз, прямо обвиняющий Иова в совершении чудовищных преступлений; и Вилдад, который говорит Иову: «Ты, по-видимому, делал то, и это, и еще больше»; и, наконец, более сдержанный в своих эмоциях интеллектуал Софар, который

хотя и не бросает Иову подобных обвинений в лицо, осуждает его завуалированно. Вот общий взгляд на праведника-страдальца, характерный для всех трех господствующих ответвлений человеческой мудрости.

Посмотрим же, что о подобной мудрости говорит пророк Исаия: какова, согласно полученным им откровениям, вся человеческая философия, если она не обращается постоянно к источнику всякой мудрости — ко Всевышнему, не корректируется Им, не соотносится с Его живой и вечно действующей волей? —

...То вот, Я еще необычайно поступаю... чудно и дивно, так что мудрость мудрецов... погибнет, и разума у разумных... не станет. (Ис. 29, 14)

А в Первом послании к Коринфянам задается прямой вопрос об истинной природе такой, не ищущей живого взаимодействия со всеведущим Богом, мудрости:

...Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? (1 Кор. 1, 20)

Вспомним, что к Иову пришли величайшие мудрецы своего времени, и все они — представители трех основных, господствующих, направлений человеческой мысли — оказались, скажем так, «полу-безумными» перед лицом того, что происходило у них на глазах.

И в том же послании Павла сказано следующее:

Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.

Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их.

И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны. (1 Кор. 3, 18–20)

В каком же случае умствования мудрецов (а ведь «мудрец» — это высочайший из «титолов», доступных человеку!) становятся суетными? В каком случае мудрецы уловляются собственным своим лукавством, т. е. своими законченными теориями бытия? Ответ простой: когда их теории не соотносятся с живым словом Божиим!..

Глава 7

ПРОРОК ЕЛИУЙ.

«СЛУШАЙТЕ ГОЛОС ЕГО»

Мы видели, как речи троих друзей Иова, обличавших его и осуждавших, разбились, словно три ладьи о несокрушимый риф, о его твердое упование на справедливость Божью (или допущение, что мир может существовать и без этого Божественного атрибута). И тогда трое друзей замолчали, поскольку Иов всё еще считал себя правым «в глазах своих» и продолжал вызывать на суд Создателя. Так начинается 32-я глава:

Когда те три мужа перестали отвечать Иову, потому что он был прав в глазах своих... (Иов. 32, 1)

Они ведь были мудрецами и потому поняли, что приводить еще какие-то аргументы бессмысленно, поскольку Иова им убедить ни в чем не удалось.

И тут выступает на сцену некий «четвертый из троих», если можно так выразиться, по имени אליהו בן-ברכאל *«Элиѳу бен Барак'эль»*, или, в Синодальном переводе, Елиуй, сын Варахилов. Об этом человеке ничего не было сказано прежде, имя его еще не появлялось на страницах Книги Иова, и он не упоминался в числе тех мудрецов, которые посетили страдальца. Появляется Елиуй совершенно внезапно — и сразу начинает говорить. Возможно, он был в свите одного из троих мудрецов, ведь такие вожди племен, древние шейхи, не ездили в одиночестве по пустыне, но их обычно сопровождала целая свита придворных и телохранителей.

И вот некто, чье имя אליהו *«Элиѳу»* напоминает имя пророка Илии — אליהו *«Элийаѳу»*, осмеливается теперь выступить с собственной речью, одновременно и осуждая Иова, и возражая предыдущим обличителям.

Елиуй действительно похож на пророка Илию — как своей бескомпромиссностью, своей абсолютной преданностью Всевышнему,

так и тем, что в его словах совершенно отсутствуют лезть или приспособленчество. Он ревнует о Боге так же, как впоследствии ревновал пророк Илия. Имя его, אֱלִיָּהוּ *«Элиѝу»*, означает «мой Бог — Он», т. е. это теофорное имя. Его отца зовут בְּרַכְאֵל *«Барах'эль»* — «благословенный Богом». В имени Елиуя как бы заключено указание на то, что «оправдывать» Бога — Творца вселенной — следует всегда, независимо ни от выгоды, ни от каких бы то ни было обстоятельств, и именно это приносит миру благословение. И еще один намек содержится в его имени: через Елиуя как бы говорит Сам Бог, вдохновенная речь Елиуя — это некое введение к непосредственной речи Создателя, когда Он напрямую откроется Иову, и тот услышит его голос из грома и бури.

Таким образом, Елиуй своей громовой проповедью готовит почву для прямого Божественного откровения. Каковы же его речи? Прежде всего, они самые правильные, наиболее адекватно передающие истину из всех, звучавших доселе. Это видно хотя бы из того, что когда впоследствии Господь повелевает Иову принести жертвы за троих друзей, говоривших неверно и тем навлекших на себя гнев Божий, Елиуй среди них не упоминается:

...Сказал Господь Елифазу феманитянину: горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов. (*Иов. 42, 7*)

И еще одно очень существенное отличие от предшествующих философов: Елиуй не обвиняет Иова в неправедных или преступных делах, которые якобы и навлекли на него кару Господню. Однако обвинения из его уст раздаются и, надо сказать, основательные. В чем же они заключаются? В том, что нечестиво мнение Иова о неправоте Создателя. Елиуй осуждает мысли страдальца, а не его поступки, не приписывая ему напрасно нечестивых дел. Но поскольку в глазах Елиуя мысли — это самое главное (а мысль — действительно, источник и слов, и поступков), то обвинения всё равно звучат — и очень жестко, но на сей раз справедливо. Вот одно из таких обвинений:

...Тогда воспылал гнев Елиуя, сына Варахиилова, вузитянина из племени Рамова; воспылал гнев его на Иова за то, что он оправдывал себя больше, нежели Бога... (*Иов. 32, 2*)

Именно за это и разгневался Елиуй на Иова, а совсем не за то, что Иов якобы скрывал какие-то свои нечестивые деяния.

Елиуй так обращается к Иову:

Ты говорил в уши мои, и я слышал звук слов:

Чист я, без порока, невинен я, и нет во мне неправды...

(Иов. 33, 8–9)

И далее он продолжает:

Вот в этом ты не прав, отвечаю тебе, потому что Бог выше человека.

Для чего тебе состязаться с Ним?.. *(Иов. 33, 12–13)*

Таким образом, по мнению Елиуя, Иов неправ на уровне не только мысли, но и речи. Затем Елиуй говорит так:

Вот, Иов сказал: я прав, но Бог лишил меня суда.

<...>

Есть ли такой человек, как Иов, который пьет глумление, как воду,

Вступает в сообщество с делающими беззаконие и ходит с людьми нечестивыми?

Потому что он сказал: нет пользы для человека в благоугождении Богу. *(Иов. 34, 5–9)*

В то время как Елифаз, Вилдад и даже Софар обвиняли Иова в том, что он скрывает какие-то свои прежние злые дела, Елиуй утверждает, что Иов именно теперь, в данный момент, совершает явное нечестие: «...вступает в сообщество с делающими беззаконие и ходит с людьми нечестивыми». Но ведь Иов в действительности никогда с грешниками не ходил, в их сообщество не вступал; он был царем справедливым, судьей праведным. Почему же Елиуй так говорит? А потому, что слово, сказанное против Бога, ставящее под сомнение Его справедливость, Его праведность, есть «сообщение» с нечестивыми, есть «приобщение» к их единству — единству всех злых и темных сил. «Потому что, — говорит Елиуй, — он сказал: нет пользы для человека в благоугождении Богу». Но ведь Иов по сути это и декларирует, утверждая, что Бог поступает так же с нечестивым, как с праведным, обрушивает кару свою и на невинного, и на виновного. А ведь слово Иова имеет огромную силу, оно разносится широко. Какова сила этого слова, мы чувствуем через несколько тысяч лет, коль скоро и теперь говорим о Книге Иова и читаем ее. Значит, всё сказанное им имеет огромный резонанс в веках и народах. А следовательно, и то слово, им произнесенное, о котором упоминает Елиуй, — мол, что Бог

и нечестивым, и праведным воздаст одинаково, — может укрепить руки множества грешников. Вот против чего выступает Елиуй, обвиняя Иова.

Далее он говорит следующее:

Люди разумные скажут мне, и муж мудрый, слушающий меня:
Иов не умно говорит, и слова его не со смыслом. (*Иов. 34, 34–35*)

Итак, мы видим, что все обвинения Елиуя относятся к речам и мыслям Иова, но не к каким-то его якобы неправедным деяниям.

Кто же такой Елиуй, если он осмеливается говорить вслед за великими мудрецами, не принадлежа к ним по рангу и статусу, и бросать свои обвинения в лицо Иову? Прежде чем описывать качества, признаки, характер этого человека, рассмотрим сердцевину его учения, потому что и все три предшествующих философа — Елифаз, Вилдад и Софар — стали нам известны благодаря своим речам, отчасти справедливым, в чем-то и неверным, но в любом случае — бессмертным.

Казалось бы, всё исчерпано... Мы видели, что они втроем как бы положили основание тем трем течениям мысли, которые определили всё будущее развитие религиозной философии. Какой же может быть тогда четвертая точка зрения на истину, которую выскажет Елиуй? Будет ли он повторять что-либо из сказанного до него, или же выскажет нечто бледное, ничтожное по сравнению с речами своих предшественников? В чем суть его философии?

Прежде всего, это некое «всебожие» (которое не следует путать с пантеизмом в общепринятом философском смысле), т. е. учение о том, что Бог не только сотворил мир, но и объемлет его, надзирает над ним каждый миг, пронизывает его, составляет его сущность и сердцевину и действует изнутри каждого явления и тем более — каждого человека. В каких словах Елиуя это выражено?

Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь. (*Иов. 33, 4*)

В древнееврейском оригинале последнее высказывание звучит в настоящем времени: «дает мне жизнь». «Дух Божий создал меня...» — ни о какой материи вообще не упоминается, ничего физически-вещественного, противостоящего Богу или отличного от Него нет! Материя в учении Елиуя, как мы дальше увидим, — это как бы сгущение или какой-то призрачный отсвет, «инобытие» духа. Кроме духа, ничего на самом деле не существует; всё

остальное — преходящее, тленное, исчезающее, и потому — кажущееся; дух вечен и потому — сущ. «Дух Божий создал меня...» — и не только создал, но и живет, как бы воссоздавая человека каждое мгновенье. Как мы уже сказали, вторую часть ст. 4 следовало бы перевести как «...дыхание Вседержителя дает мне жизнь» — в настоящем времени. Здесь употреблено то самое слово *נְשָׁמָה* «*нешама́*» (в Синодальном переводе — «дыхание»), которым обозначается высшая душа человека уже на первых страницах Библии: Бог создал человека из праха и вдохнул в него «нешама» — «дыхание» жизни (Быт. 2, 7). Вот это «дыхание» жизни и соотносится в учении Елиуя с Духом Божьим; «нешама» — как бы часть Духа Божьего, пребывающая в человеке и составляющая сердцевину его бытия, его сущности, та часть Божественной субстанции, которая непосредственно относится к человеку, оживляет его изнутри, дает ему жизнь каждый миг. Если Бог перестанет давать жизнь, то всё исчезнет:

Если бы Он обратил сердце Свое к Себе и взял к Себе дух ее и дыхание ее, —

Вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы в прах. (*Иов. 34, 14–15*)

Приведенное изречение Елиуя философски очень значимо. Как понимать слова: «Если бы Бог обратил сердце Свое к Себе»? Мы помним, что сердце человека, согласно Библии, является органом не только чувств, но и мышления. Сердце одновременно и мыслит, и полно любви — оно устремлено к тем, кого человек любит. «Если бы Он обратил сердце Свое к Себе...» — т. е. если бы Бог стал думать только о Своей высшей, вечной Сущности, но не о тварах, и перестал бы направлять на мир Свою мысль, которой Он создает всё сущее, свой внутренний Логос, прекратил бы изливать на творения Свою сердечную любовь, всё вдруг погибло бы, потому что всё существует только силой Божьей и в Его мысли, благодаря Его любви и Его милосердию — тогда «...вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы в прах». Таким образом, Бог не просто «однажды сотворил» человека и не один лишь раз в жизни посылает ему откровение (именно на таком единоразовом откровении основывает, как мы помним, свое мировоззрение Елифаза). И Бог не только основал традицию, возведенную предкам (как учил Вилдад). И Бог не только даровал человеку разум, с помощью которого можно познавать (по мнению Софара) даже Самого Создателя. Но — Он является Творцом, возобновляющим Творение

каждый миг, Он постоянно дарует и продлевает жизнь, всегда может ниспосылать новые откровения и обновлять человеческий разум, расширяя пределы познания. Только благодаря Ему мы способны мыслить и чувствовать, желать и стремиться.

Таким образом, цель жизни человека, по Елиую, состоит в том, чтобы ощутить и осознать в себе Божественное начало — подлинный, высший источник своего бытия, сознательно к нему устремиться, с ним воссоединиться и осознанно и благодарно черпать из него жизненные силы. Где еще высказывается на ту же тему Елиуй?

Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение.
(Иов. 32, 8)

Эти слова, возможно, направлены прямо против рационалистической теории Софара. Не человек своим единожды дарованным ему разумом (как бы независимо от Создателя) мыслит, но каждый мыслительный акт возможен только благодаря воздействию Всевышнего, именно Он дает возможность думать: «...дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему [человеку] разумение». Значит, мысль вне Бога, помимо Бога, против Бога — преступна. Мысль должна постоянно возвращаться к корню своему — к Высшему Разуму, Который через мысль человека открывает Себя в мире.

По-древнееврейски приведенный выше стих звучит следующим образом: אֲכַן רוּחַ הָיָא בְּאִנּוּשׁ וְנִשְׁמַת שְׂרִי תְּבִינָם *axén rúax-ḡi vэ-энósh vэ-нишмát Шаддái тэвинэм* — «И потому дух, который в человеке, и дыхание [«нешамá»] Всемогущего вразумляет их». Значит, каждый мыслительный акт есть как бы следствие «разрешения на мысль», даруемого свыше Всемогущим, Который не только дает жизнь, но и невидимо стоит за каждой мыслью, за каждым чувством. И только сам человек строит преграды и стены, отделяющие его от Бога и создающие иллюзию самостоятельности человеческого мышления и бытия. И грех заключается как раз в том, что человек не обращается постоянно к источнику бытия, мысли, чувства и желания — Самому Творцу.

Таким образом, по учению Елиуя, Дух Божий находится внутри, в сердцевине, в основе всего сотворенного; Он является бессмертной, непреходящей составляющей бытия — в отличие от тленной и призрачной материи. Кем же становится человек, осознав, что прямо через него, посредством его сердца, проявляется и действует Дух Божий, Которому он целиком подчинился, отдав

себя Ему на служение? Он становится пророком. Вот почему далее Елиуй описывает свое внутреннее состояние такими словами:

...Ибо я полон речами, и дух во мне теснит меня.

Вот, утроба моя, как вино неоткрытое: она готова прорваться, подобно новым мехам. (*Иов. 32, 18–19*)

Здесь мы находим очень существенное отличие выступления Елиуя от речей предшествующих мудрецов. Каждый из них опирался на собственное учение, доказывал его, поддерживал его основы, негодовал, когда что-либо в речах Иова ему противоречило. Но под воздействием какой же силы говорит Елиуй: «...я полон речами, и дух во мне теснит меня»? Чем «оттесняется» его плотское «я»? Духом. Значит, дух человеческий, просветленный, вразумленный Божьим Духом, оттесняет в Елиуе «меня» — его земное плотское «я» — и говорит, выступая вместо эгоистической, низкой, плотской личности. И мало того, Елиуй не может произвольно замолчать, он не в силах остановить тот поток направляемой свыше возвышенной речи, который через него изливается в мир:

Вот, утроба моя, как вино неоткрытое... (*Иов. 32, 19*)

Бродящее вино, как мы знаем из практики (отраженной и в евангельской притче о новом вине в ветхих мехах — Матф. 9, 17), может разорвать мехи, в которые налито, оно бурлит и бродит — расширяется; и утроба Елиуя «...готова прорваться, подобно новым мехам».

Схожим образом выражается и в других местах Писания состояние пророков, притом пророков, чье призвание подтверждено откровением свыше (в отличие от Елиуя, о котором еще можно рассуждать и думать, пророк ли он). Например, так говорит о себе Иеремия:

И подумал я: «Не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его»... (*Иер. 20, 9*)

Пророка Иеремию гнали и преследовали, неоднократно хотели убить за то, что он обличал от лица Божьего своих современников. И когда он захотел пожить тихой, спокойной жизнью («Не буду я напоминать о Нем...»), некая высшая сила воспрепятствовала исполнению его желания:

...Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог. (*Иер. 20, 9*)

Слово Божье «бурлило», «горело» в сердце Иеремии, заставляя его говорить, и каждая попытка удержать это слово в себе, не возвещающая его народу, оборачивалась для пророка страшной мукой:

Поэтому я преисполнен яростью Господнею, не могу держать ее в себе; изолюю ее... (Иер. 6, 11)

— Иеремиа как бы вынужден был обличать народ, потому что он не мог «удерживать в себе» гнев Божий и молчать.

У пророка Михея тоже говорится нечто подобное:

А я исполнен силы Духа Господня, правоты и твердости, чтобы высказать Иакову преступление его и Израилю грех его. (Мих. 3, 8)

«...Исполнен силы Духа... чтобы высказать...» — совершенно то же ощущает и древний философ Елиуй, представ перед Иовом и его друзьями и прямо обличая самого Иова, а косвенно — и троих друзей-мудрецов, ведь мы читаем в 32-й главе, что не только на Иова возгорелся гнев Елиуя. И вот мы начинаем понимать, что это, собственно, не гнев самого Елиуя, не плотский гнев — ведь за что и сердиться Елиую на измученного, ищущего и не находящего смерти человека и как не пожалеть ему Иова? Нет, это скорее гнев Божий, который изливается через Елиуя, являющегося пророком. И там же говорится:

...А на трех друзей его воспылал гнев его за то, что они не нашли, что отвечать, а между тем обвиняли Иова. (Иов. 32, 3)

— т. е. и на троих ораторов-проповедников воспылал гнев Божий, явленный через Елиуя, потому что они так и не нашли аргументов против неуклонной, твердой решимости Иова отстаивать свою правоту.

Для того чтобы лучше понять состояние Елиуя, обратимся к этимологии древнееврейского слова נָבִיא *нави́* — «пророк». Данное слово образовано от глагола נָבַא *нава́* — «изливать [экстатическую речь]», который восходит, в свою очередь, к глаголу בָּא *ба* — «приходить»: נָבִיא *нави́* означает «он выведет», «выплеснет», «изведет». Значит, נָבִיא *нави́* — это тот, кто «изводит из себя», «выводит», «выплескивает» то, что в него заложено свыше, — тот глагол Божий, ту силу Божью, которая наполняет его и которую он должен внести в мир. Он является каналом, проводящим излияние Божественного Духа, небесный свет в наш мир, полный тьмы и неведения.

Подчеркнем, что ни один из прежде говоривших мудрецов, включая самого Иова, не говорил о своих речах так возвышенно, утвердительно и уверенно, как Елиуй. Посмотрим же, как он сам оценивает собственные слова:

Слова мои от искренности моего сердца, и уста мои произнесут знание чистое. (*Иов. 33, 3*)

Елиуй, как мы помним, моложе всех остальных, и он, согласно своему рангу, по древневосточному обычаю, должен был бы молчать. Однако «разгорелась ревность его по Боге», и он не может удерживать речь, провозглашая, что знание его — «знание чистое», а расположение сердца — искреннее. Что же это значит: «Слова мои от искренности моего сердца...»? Спустя много веков в Евангелие были записаны слова Иисуса:

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. (*Матф. 5, 8*)

Только чистое сердце может вместить слово Божье, приблизиться к Нему настолько, чтобы как бы узреть Его духовно. А чем более сердце осквернено, тем более сокрыт от него Бог, Который есть сама чистота. Значит, Елиуй говорит «от искренности сердца», потому что в его сердце пребывает Сам Бог, и слова, исходящие из чистого сердца пророка, совершенно чисты, возвещая слушателям «знание чистое». Мало того, Елиуй далее прямо говорит, обращаясь к Иову:

Вот я, по желанию твоему, вместо Бога... (*Иов. 33, 6*)

Да как же так? Некий сравнительно молодой человек (пусть он себя называет юношей только в сравнении со старцами, но уж, во всяком случае, в их глазах он юн) говорит праведнику: я пред тобою, по желанию твоему, вместо Бога! Не кощунствует ли он: как можно быть «вместо Бога»? Ведь Иов и его друзья-мудрецы являются монотеистами, они знают только единого невидимого Бога — из всех их доводов и изречений это видно, и не могут они признать никого больше Богом. Как же осмеливается говорить пред ними о себе такое простой человек? Но в свете сказанного выше это получает свое объяснение: он не вместо Бога, т. е. он не выдает себя за Бога, а он представитель Бога, он непосредственно вещает глаголы Духа. Сравним провозглашенное Елиуем с тем, что Бог повелел Моисею, когда посылал его к фараону:

Но Господь сказал Моисею: смотри, Я поставил тебя Богом фараону, а Аарон, брат твой, будет твоим пророком... (Исх. 7, 1)

Что же, разве Моисей — самый возвышенный, величайший пророк, но, однако же, человек из плоти и крови, — является Богом? Конечно, нет! Но он представляет перед фараоном Самого Бога, т. е. именно через него Бог, обращаясь к фараону, призывает того покаяться и перестать злодействовать. Так же говорит Елиуй: вот, я для тебя вместо Бога. И далее он очень интересно объясняет, почему Бог именно его, Елиуя, послал к Иову. Как мы видим, прежде чем Бог Сам открылся Иову, прежде чем прозвучала ни с чем не сравнимая по могуществу своему речь Создателя «из бури» (Иов. 38, 1), к нему был послан пророк Елиуй, который сказал так:

Вот я, по желанию твоему, вместо Бога.... (Иов. 33, 6)

— «по желанию твоему», потому что Иов всё время продолжает вызывать Бога на суд, хочет, чтобы Бог открылся ему лично.

...Я образован также из брения... (Иов. 33, 6)

Елиуй сразу же оговаривается, что он не Бог: «...я образован... из брения...», т. е. из глины, смешанной с водой. Что такое человек в смысле физическом? Он таков и есть — горстка минералов, различных химических веществ в соединении с водой.

...Поэтому страх передо мною не может смутить тебя, и рука моя не будет тяжела для тебя. (Иов. 33, 7)

Прежде чем Всесильный откроется Сам, Его праведное, чистое слово Иов должен услышать из уст такого же человека, как и он, чтобы не стало ему впоследствии слишком тяжело, страшно и больно от звучания предвечных глаголов, чтобы он заранее привык к ним в условиях более щадящих. Елиуй — такой же человек, как сам Иов, подвержен таким же грехам, недостаткам, слабостям — и потому «...страх передо мною не может смутить тебя, и рука моя не будет тяжела для тебя». И однако через этого человека, слабого, смертного, говорит Всевышний — Иов как бы должен приучиться к восприятию Его присутствия, к слышанию Его речи и подготовиться тем самым к непосредственному откровению. Сначала весть свыше прозвучит из уст духовного человека, пред-

стоящего Иову, а потом уже сможет быть воспринята им и прямо от Бога, без посредника.

Итак, Елиуй говорит, что он «вместо Бога», говорит от «искреннего сердца», и его слова совершенно правдивы:

...Потому что слова мои точно не ложь... (Иов. 36, 4)

Но далее он возвещает о себе нечто еще более торжественное и высокое:

...Пред тобою — совершенный в познаниях. (Иов. 36, 4)

Кто из людей может назвать себя «совершенным в познаниях»? А ведь далее тот же Елиуй, начав рассуждать о величии Бога, о Его делах, говорит следующее:

Научи нас, что сказать Ему? Мы в этой тьме ничего не можем сообразить. (Иов. 37, 19)

И себя он тем самым причисляет к ходящим «во тьме», потому что «в этой тьме», в ночи мира сего, в вещественном бытии природы, где дух принужден некоторое время обитать в физическом теле, мы действительно «ничего не можем сообразить» как следует. Здесь физическая «реальность» застилает нам духовный взор, и мы слепы, подобно новорожденным котяткам.

Похоже, Елиуй утверждает несовместимые вещи: с одной стороны, «мы в этой тьме ничего не можем сообразить», а с другой — «...пред тобою — совершенный в познаниях». В каком случае он говорит неправду? Ведь здесь явное противоречие! Однако постараемся понять, что Елиуй прав в обоих случаях. Когда он говорит от лица Божьего, когда возвещаемое «диктует» ему Дух Божий (а Дух Божий, конечно же, совершенен в знаниях), тогда и сам он становится «совершенным в знаниях», пусть лишь на этот миг и в данном вопросе. А в остальное время он такой же, как и все остальные люди, т. е. знает очень и очень мало.

Что еще утверждает Елиуй о своей речи? Обращаясь к философам-мудрецам, он говорит об Иове:

Если бы он обращал слова свои ко мне, то я не вашими речами отвечал бы ему. (Иов. 32, 14)

«Ваши речи», т. е. речи трех друзей Иова, — в чем они состоят, на чем утверждаются их учения? На человеческой философии, на

мудрости человеческой. Елиуй отвечал бы Иову «не вашими речами», т. е. не так, как говорят его друзья: он отвечал бы от лица Самого Всевышнего. Только дело в том, что трое философов прямого доступа к Богу не имели, и потому Его речь из уст этих мудрецов исходить не могла. Какая-то доля мудрости у них, конечно, была, но Дух Святой не руководил ими непосредственно в момент произнесения речи. С Елиуем же было иначе, и потому и его подход к проповеди, и взгляд на бытие мира, и отношение к Божественному и человеческому кардинально отличаются от собственных трем друзьям Иова.

Как еще изображает Елиуй свою причастность к Божественной реальности? —

И от сего трепещет сердце мое и подвиглось с места своего.

Слушайте, слушайте голос Его и гром, исходящий из уст Его.

(Иов. 37, 1–2)

Когда Дух Божий говорит в Елиуе, возвещая через его уста свою волю, то сердце самого Елиуя «трепещет». Кстати, никто из прежде выступавших мудрецов не сообщал о себе ничего подобного: каждый высказывался очень гордо, превозносясь, утверждая приоритет своего, добытого долгим опытом и размышлением, знания: мол, вот, я познал то-то, пришел к тому-то, и если вы этого не примете, то погибнете... Елиуй не таков: он при каждом слове, произносимом его устами, трепещет сердцем. Но ведь сердце человека — это святилище, в котором желает обитать Всевышний. Когда человек осознаёт это и очищает сердце, голос Божий становится слышим, и сердце «трепещет» при его звуках...

Когда Исаия зрел Бога, сидящего на престоле, и перед ним — серафимов, воспевавших Пресвятого и закрывавших крыльями свои лица, то дрогнули косяки Храма и потряслись от величия Сидящего (Ис. 6, 1–4). Таково и сердце человека — оно бывает потрясено, изумлено, оно содрогается от присутствия Божьего:

Слушайте, слушайте голос Его... *(Иов. 37, 2)*

«Голос Его»... «Его», а не «мой», — говорит Елиуй.

Всё сказанное выше свидетельствует нам, что именно Елиуй имеет право и обязан учить Иова мудрости, поскольку он послан Самим Богом. Только поэтому Иова, величайшего мудреца своего времени, и трех других чтимых всеми мудрецов вдруг начинает учить человек более юный.

И вот Елиуй встает — и перед старшими, более мудрыми князьями и шейхами выступает, предлагая Иову:

Если имеешь, что сказать, отвечай; говори, потому что я желал бы твоего оправдания... *(Иов. 33, 32)*

Как видим, он, в отличие от остальных друзей, не осуждает Иова, а желает, чтобы тот был оправдан!

...Если же нет, то слушай меня: молчи, и я научу тебя мудрости.
(Иов. 33, 33)

Несмотря на, казалось бы, неуместность такого выступления младшего перед старшими, Елиуя никто не останавливает: нечего возразить трем мудрецам, потому что они все свои аргументы уже исчерпали — и ничего не добились. Нечего сказать теперь и Иову, потому что на сей раз он слышит нечто, превосходящее прежние речи, внелет слову весьма возвышенному. И его необычайно чувствительная душа, его сердце постигают, что это — от Бога.

Таким образом, Елиуй излагает философию, условно говоря, «четвертого пути». Все три ранее предложенных пути в конечном счете отдаляют человека от Всевышнего, потому что связанные с ними учения неявно предполагают невозможность прямого Богообщения. Таким образом, эти учения ставят непроходимую преграду между Божественным и человеческим. Но путь, начертанный Елиуем, путь непосредственного водительства Духа, сближает Бога и человека, соединяет их. Бог, согласно Елиую, говорил не только в начале времен — с праотцами, не только единократно, во сне обращается Он к человеку, и не только опосредованно — даровав разум — дает ему знание о Себе, но и может непосредственно беседовать с человеком каждый миг.

Тысячелетия спустя, в Послании к Римлянам положение и состояние человека, слышащего голос Божий, будет описано апостолом Павлом так:

Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. *(Римл. 8, 14)*

«Водимые» — это кто? Те ли, кого привели, а потом бросили на полпути, сказав: «Теперь ходите, как хотите»? Наверное, нет. Те ли, кто изучил карту местности, а теперь пытаются сами проложить путь по трясинам и болотам? Очевидно, тоже нет. «Водимые» — это те, кого продолжают вести; в данном случае — вести к Богу. Кто же продолжает их вести? Дух Божий, ведь «...все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии».

Из всего, что мы сказали, явственно вытекает, что Елиуй является человеком, водимым Духом Божиим. Вот почему его речи непосредственно предшествуют откровению Всевышнего, вот почему после них не приводится никаких возражений Иова, никаких аргументов его друзей. Обратим внимание на то, что речи Елифаза, Вилдада, Софара представлены не подряд идущими главами. Говорит, скажем, Елифаз — отвечает Иов, затем опять говорит Елифаз и т. д. — их выступления разделены, разбросаны по книге, что указывает на некую нецелостность, несовершенство, незаконченность представленных друзьями Иова философских систем.

Речи же Елиуя, наоборот, соединены и следуют одна за другой, подряд, образуя единство: в главах 32–37 мы читаем только слова Елиуя, не прерываемые ничьими возражениями. Такое построение книги уже само по себе говорит о многом.

Теперь взглянемся в личность Елиуя, чтобы хотя бы отчасти понять, почему именно он из всех мудрецов удостоился того, чтобы через него говорил Всевышний. Каковы черты его характера? Прежде всего, Елиуй очень скромен лично и робок перед лицом старших и более почтенных. То, что он выступает последним (кстати, заметим, ни разу не прервав слов старших!), есть знак того, что говорит он не ради своей славы или возвышения, не потому, что считает себя более правым, а лишь по воле Бога, Который велит ему держать речь. И говорит он как бы в нарушение общепринятого обычая:

И отвечал Елиуй, сын Варахиилов, вузитянин, и сказал: я молод летами, а вы — старцы; поэтому я робел и боялся объявлять вам мое мнение.

Я говорил сам себе: пусть говорят дни и многолетие поучает мудрости.

Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение. (Иов. 32, 6–8)

Он оправдывается: раз, мол, Бог побуждает меня говорить, я не могу молчать — и продолжает:

Не многолетние *только* мудры, и не старики разумеют правду.

Поэтому я говорю: выслушайте меня, объявлю вам мое мнение и я. (Иов. 32, 9–10)

Можно также предположить, что Елиуй считает себя вправе выступить после старцев, руководствуясь принципом: «...мудрость есть седина для людей...» (Прем. Солом. 4, 9), а мудрость его — от Бога.

Елиуй не возмещает сразу, что его слова исходят непосредственно от Духа: сначала он утверждает, что, дескать, высказывает лишь собственное мнение; и лишь потом оказывается, что через Елиуя говорит Всевышний! Значит, Елиуй очень скромен (а мы знаем, что Бог любит смиренных, кротких: «...кроткие наследуют землю...» — Пс. 36, 11, «Смиренных возвышает Господь...» — Пс. 146, 6).

А вот другая черта Елиуя, без которой тоже, очевидно, Дух Божий не поселился бы в его сердце: Елиуй не может терпеть поношения на истину, от кого бы оно ни исходило. Его характерное свойство, как мы сказали, — ревность по Боге, и он даже не может слышать неверное изречение о Всевышнем, прямо называя таковое неправдой. Именно человек, который, с одной стороны, всей душой любит правду и отвергает ложь и, с другой стороны, очень скромен лично, устаивается обитания Духа Божьего в своем сердце:

Поговорю — и будет легче мне; открою уста мои — и отвечу. На лицо человека смотреть не буду и никакому человеку лстить не стану,

Потому что я не умею лстить — сейчас убей меня, Творец мой. (Иов. 32, 20–22)

Сильная клятва для древнего человека: «...сейчас убей меня, Творец мой!» И Бог действительно может убить нарушителя такой клятвы: далее сам Елиуй говорит, что

Он сокрывает в дланях Своих молнию и повелевает ей, кого разить. (Иов. 36, 32)

Еще одно свойство Елиуя: он совершенно справедлив в своих оценках поведения людей. «...Воспылал гнев его на Иова за то, что он оправдывал себя больше, нежели Бога...» (Иов. 32, 2) — только за это. Он продолжает самого человека любить и почитать, но по поводу того, в чем человек не прав, возгорается его гнев. «...А на трех друзей его воспылал гнев его за то, что они не нашли, что отвечать...» (Иов. 32, 3) — ни за что более он на них не сердится. Елиую, таким образом, не свойственно отвергать, уничтожать, ненавидеть всего человека в целом, он только осуждает отдельные слова и поступки человека — только на них «пылает его гнев». А что такое гнев? Вспомним себя во гневе, представим себе, на что гневающийся способен? Разбушеваться, избить, уничтожить, разрушить... Иисус Христос сказал, что всякий, гневаю-

щийся на брата, подлежит суду, ибо находится на пути к убийству, потому что именно к убийству способен привести гнев (Матф. 5, 21–22). Но Елиуй не таков. «...Воспылал гнев его...» — и всё же он совершенно разумно, почтительно отвечает людям; он продолжает их любить и уважать, а вот то в них, что вызывает гнев Божий, пробуждает также и его, Елиуев, гнев.

Таковы черты характера Елиуя, за которые, как мы смеем думать, он и удостоился непосредственного откровения Духа Божьего. Но является ли Елиуй приверженцем того учения, которое утверждает, что сказанное Богом не должно быть никак осмыслено, не должно быть никак приспособлено к человеческой логике, что ниспосланное свыше может выглядеть в глазах человеческих противоразумно? Нет — Елиуй требует обязательно исследовать сначала духовным умом, а далее уже — и чисто логически, то, что сообщил Бог, чтобы услышанное правильно понять и точно возвестить людям:

...Выслушайте, мудрые, речь мою, и приклоните ко мне ухо, рассудительные! (Иов. 34, 2)

Вот к чему он апеллирует — к мудрости и рассудительности. Он не говорит: всё, что я скажу, принимайте совершенно не исследуя, потому что я — вестник Божий. Он, напротив, призывает вдуматься в возвещаемое, исследовать его.

Ибо ухо разбирает слова, как гортань различает вкус в пище. (Иов. 34, 3)

В буквальном переводе — «как небо разбирает вкус»: значит, подобно тому, как ротовая полость «одобряет» пригодную пищу и «отвергает» вредную, так и ухо должно принимать разумное и отвергать неразумное.

Далее Елиуй предлагает глубоко исследовать предмет рассуждений, выяснив сперва отличительные признаки блага как такового:

Установим между собою рассуждение и распознаем, что хорошо. (Иов. 34, 4)

Здесь Елиуй прямо говорит: рассуждением, интеллектуальным исследованием мы в состоянии отличить то, что называется טוב <тов>, т. е. «добро». Значит, прямое экстатическое восприятие глагола Божьего не противоречит разумному осмыслению, а предполагает его. Сначала Господь дает повеление, и это — именно то

слово, которому необходимо следовать и которого нужно держаться; и человек должен опознать его именно как слово Божье, понять его, применить к себе и исполнить — вот к чему призывает Елиуй.

Итак, поскольку рациональное познание не противоречит Божественному откровению, то далее Елиую остается объяснить со своей точки зрения (которая в данном случае совпадает с точкой зрения Самого Бога) смысл и причину страданий Иова.

Прежде всего, объясняет Елиуй, Иов не должен ставить под сомнение Божественную справедливость и обвинять Создателя по той причине, что он еще не получил свыше знания о том, в чем смысл его страданий. Пока не откроются его духовные очи и он не узрит причину и смысл происходящего, ему не следует об этом судить, он обязан быть терпеливым:

К Богу должно говорить: я потерпел, больше не буду грешить.
А чего я не знаю, Ты научи меня; и если я сделал беззаконие,
больше не буду. (*Иов. 34, 31–32*)

Значит, Елиуй призывает Иова переносить страдания с глубочайшим терпением («...я потерпел, больше не буду грешить»), с постоянным самоанализом и раскаянием — и без каких-либо обвинений, предъявляемых Всевышнему. Это — интродукция к дальнейшим объяснениям Елиуя, введение к остальным темам его возвышенной речи, в которой он объясняет, как происходит Божественный суд, приговаривающий человека к страданиям; какую роль на этом суде играют прежние добрые дела человека; как следует прославлять Бога за те деяния, которые Он совершает на глазах у всех; и, наконец, в чем подобные деяния проявляются. Елиуй научает познавать мудрость Создателя из самого строения вселенной, из образа существования живых тварей, так что никто его доводов опровергнуть не может.

Напоследок же Елиуй говорит о смысле жизни вообще, о возвышенном назначении человеческой души, о вечном блаженстве и о том, что бывает с теми людьми, которые замысел Всевышнего относительно человека пытаются разрушить.

Глава 8

МУДРОСТЬ ЕЛИУЯ.

«ЖИЗНЬ МОЯ ВИДИТ СВЕТ»

Продолжая разговор об Елиуе, четвертом оппоненте Иова, вспомним, что согласно древневосточной традиции, которая была воспринята в свое время Пифагором, четверка соответствует некой целостности, поскольку как бы на новом этапе воссоздает в себе единицу ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$, т. е. образуется «единица десятков»). Так вот, именно четвертый из оппонентов Иова «закрывает ряд» и должен, следовательно, как бы вернуть нас к учению первого — Елифаза, но на более высоком уровне, на другом «витке спирали».

Действительно, их имена — Елифаз и Елиуй — похожи: оба начинаются на אֱלִי «Эли», что значит «мой Бог». Но уже в самих именах явлена разница между ними. «Елифаз» — это, как мы помним, «Бог мой — золото»; т. е. он от Богопознания ищет выгоды и хочет обогатиться, не важно — материально или как-то иначе. А вот «Елиуй» означает «Он — мой Бог»: все упования Елиуя заключены в Самом Боге, он для себя вообще ничего не ищет, он — уста Божьи, тот, через кого Всевышний возвещает Иову и его друзьям настоящее, истинное учение. Пророк, как известно, идет на смерть, подвергается любым преследованиям и мучениям, но остается верен Всевышнему.

Имя Елиуя — единственное из всех имен оппонентов Иова, которое заключает в себе именно такую мысль.

Говоря же об учении Елиуя — очевидно, наиболее совершенном из всех четырех, — мы остановились на самом важном, центральном, его положении, а именно на философии откровения. Мы помним, что философия откровения была свойственна уже системе Елифаза. Но там откровение рассматривалось как частичное и единичное. Елиуй же, в отличие от Елифаза, получает откровение постоянно и говорит не от себя, но от лица Божьего. А ведь Господь

может нечто повелеть, а потом отменить; Он может послать человека в одну сторону, а потом, когда, с точки зрения Божественного замысла, его миссия будет выполнена, — совсем в другую. Таким образом, ничего абсолютно застывшего, догматически омертвело и неизбежно окаменевшего в учении Елиуя нет и быть не может. Мало того, как бы опровергая самоуверенность Елифаза, как бы противостоя ей, Елиуй возвещает, что откровение (правда, частичное) дается не только пророкам, которые получают его многократно, но и простым смертным. Каждый человек, буквально каждый, получает в течение жизни некое откровение от Бога; только откровение это не всеобщее, на котором можно было бы возвести незыблемые основы мировоззрения, а частное. Именно такое частное откровение и получил Елифаз — оно было приспособлено лишь к условиям его собственной жизни.

Зачем же дается каждому человеку откровение, каков для него смысл Божественного вразумления свыше? Послушаем Елиуя:

Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз...
(Иов. 33, 14)

Сразу скажем, что это относится не к пророку, а к обычному человеку, и в доказательство приведем параллельное место из той же главы:

Вот, всё это делает Бог два-три раза с человеком,
Чтобы отвести душу его от могилы и просветить его светом
живых. (Иов. 33, 29–30)

Значит, цель откровения, которое дается в явном или скрытом виде каждому человеку, в том, «чтобы отвести душу его от могилы». Сказанное можно понимать в буквальном смысле: чтобы человек не умер физически, ведь в библейском понимании душа, **נֶפֶשׁ** *«néfesh»*, — это единство психики и соматики каждого человека, это одушевленное живое тело. Таким образом, «отвести душу от могилы» — это, с одной стороны, не дать человеку умереть, погибнуть телесно; с другой же стороны — сделать так, чтобы он был жив духовно, не впал в такие грехи, из которых уже нет возврата к свету. «...И просветить его светом живых» — здесь опять же имеется в виду и «оставить его в живых» на земле и, в более глубоком смысле, — просветить его душу вечным Светом, приобщить к бессмертным духам, к вечной славе Божьей.

Таким образом, описанное откровение имеет частный характер и направлено на вразумление именно данного человека в его уникальных условиях бытия, в его неповторимой ситуации.

Как же получает человек это откровение? —

...Во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. (Иов. 33, 15)

Обратим внимание, что описанные здесь условия очень сходны с теми, которые упоминал Елифаз: откровение приходит во сне (чаще всего при переходе от сна к яви или наоборот — в момент засыпания).

Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление... (Иов. 33, 16)

Но слух наш и в течение дня восприимчив к обычной речи; следовательно, по учению Елиуя, у человека есть еще другие «уши» помимо тех, которыми мы слышим земные звуки. Что это за «уши»? О них много раз говорится в Писании; так, в Откровении Иоанна мы неоднократно читаем: «Имеющий уши да слышит, что Дух [т. е. Бог] говорит церквам». Человек даже плотским слухом может не слышать говорящего, если отвлечен от речи и она не запечатлевается в его сознании. Тем более это относится к «ушам» духовным — тем, которыми человек воспринимает голос Духа, голос Божий. Но Бог, когда Сам желает того, «открывает у человека ухо»; т. е. хочет человек или нет, внимает он внутреннему свыше или не внимает, но оно в его сознании запечатлевается и остается. Как бы насильно отворяется вдруг та дверца восприятия, которая обычно бывает закрытой.

«...И запечатлевает Свое наставление...» — что имеется в виду под «запечатлевает»? В оригинале употреблен глагол קָטַף *катáф*, который означает «запечатать». Знатные люди на Древнем Востоке носили перстень с неким изображением, часто — с собственным именем, и этим перстнем-печаткой делали на глине оттиск, «запечатывая» документы или сосуды с вином — чтобы их не вскрыли без ведома владельца. Подобным же образом Бог «запечатлевает» в человеческом сердце свое наставление. Зачем? —

...Чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость... (Иов. 33, 17)

Значит, когда человек решается на что-либо дурное и незаконное, Бог посылает ему индивидуальное предупреждение-откровение, чтобы отговорить душу от соответствующего замысла. Поскольку человек становится незаконным только из гордости или корысти, противостоя Богу и ставя свой разум «наравне» с разумом Божиим, то откровение приходит именно с целью

...Отвести душу его от пропасти и жизнь его — от поражения мечом. (*Иов. 33, 18*)

Как видим, человеку, замыслившему преступление, по правосудию Божьему грозит «пропасть» — *לְשׁוֹן שַׁחַת* «шахат», буквально «пагуба», «тление», «бездна». Эта пропасть упоминается в древневосточных памятниках письменности: в нее низвергаются души, дошедшие до предела в своих беззакониях. Например, в священных текстах зороастризма, который некоторыми своими чертами подходит близко к библейскому учению, говорится, что совершающих тяжкие преступления и противящихся внушениям благих духов после смерти ждет падение в ледяную пропасть. Таким образом, в своем посмертном состоянии нечестивец мыслится продолжающим то символическое падение, которое он испытывал в течение земной жизни, постоянно понижая свой духовный уровень.

Но рассматриваемый стих (33, 18) имеет продолжение: Бог желает спасти «жизнь его от поражения мечом». Очевидно, это относится к земной жизни преступника, который может быть умерщвлен за свои беззакония.

Итак, согласно Елиую, всякий человек бывает вразумляем откровением Божиим. Следовательно, учение Елиуя противостоит учению Елифаза в вопросе о значимости личного откровения, посылаемого данному человеку. Конечно, младший по возрасту Елиуй не может открыто сказать всеми чтимому старцу Елифазу: ты, мол, не прав; то, о чем ты говоришь, может касаться только тебя и не иметь того всеобщего значения, которое ты своему личному опыту придаешь. Он спорит с Елифазом неявно, намеком.

Но вот, допустим, человек через откровение уже был вразумлен; далее, однако, он может по-разному отреагировать на это вразумление: или последовать внушению Божьему, или ему воспротивиться. Что происходит с тем, кто противостоит прямому вмешательству Творца в свою жизнь? В следующем стихе, начинающемся словом «или», описывается именно такая ситуация: человек отверг вразумление свыше — что же с таким человеком происходит дальше? —

Или он вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих... (Иов. 33, 19)

Это описание говорит само за себя. Болезнь, страдания приходят не просто так, не случайно — они посылаются для более глубокого вразумления духа, отвергнувшего волю Всевышнего. И не просто болезнью вразумляется грешник, а «жестокою болью во всех костях»: когда боль носит локальный характер, еще можно заснуть, как-то забыться; а вот когда «болят все кости», страдание человека доходит до предела,

...И жизнь его отвращается от хлеба, и душа его — от любимой пищи. (Иов. 33, 20)

Конечно, в приведенных словах содержится намек на ситуацию самого Иова: с точки зрения Елиуя, Иов находится именно в описанном здесь положении, хотя прямого обвинения — жестокого, грубого, подобного тем, какие выдвинули прежние оппоненты, — Елиуй не предъявляет. В чем же вина Иова? Об этом Елиуй прямо не говорит, но утверждает совершенно отчетливо и авторитетно, что вина всё же есть; просто Иов не помнит, забыл, в нынешнем своем состоянии уже не ведаёт о ней, и вина его может быть открыта (как далее мы увидим из слов Елиуя) только непосредственным вмешательством Всевышнего, Его словом, которое для Иова прозвучит во сне или же наяву...

Продолжая описание участи того, кто воспротивился прямому Божьему обличению, Елиуй говорит:

Плоть на нем пропадает, так что ее не видно, и показываются кости его, которых не было видно. (Иов. 33, 21)

— т. е. человек еще и внешне изменяется: от болезни кожа его прилипает к костям; он иссушен, изможден настолько, что становится похож на покойника, и именно к этому состоянию быстро приближается:

И душа его приближается к могиле, и жизнь его — к смерти. (Иов. 33, 22)

С какой целью здесь вводится параллелизм? «...Жизнь его — к смерти» — понятно, что это такое; но зачем сказано еще: «И душа его приближается к могиле...»? Видимо, чтобы стало понятнее, что именно внутренняя, духовная смерть, в которой человек пре-

бывает, отражается на его телесном естестве, и он умирает физически. Значит, для его воскрешения прежде всего необходимо возвращение к жизни духовной, а потом уже вернется и жизнь физическая. Так происходит в пустыне: достаточно забить источнику воды, как и всё вокруг постепенно зеленеет и оживает; но если нет воды — исчезают и остатки растительности. Так связано и в человеке физическое с духовным.

И далее рассматривается вопрос: а есть ли вообще возможность спасения для описанного тут грешника? Ведь он совершал преступления, хотя и был предварительно вразумлен Самим Богом! Представим себе, что царь сошел с трона, облекся в простые одежды и покинул свой дворец, чтобы идти к землекопу в хижину и уговаривать того: мол, ты не так живешь, перемени свою жизнь... Кажется, уж большего снисхождения быть не может! Так и Бог непосредственно «открыл человеку слух» и запечатлел в его сознании Свои слова. И если человек им не внял, то, казалось бы, всё: он обречен на смерть... Однако, нет! Елиуй, в отличие от других оппонентов Иова, видит невидимое, ему открыт духовный мир; он как бы присутствует на суде Божьем, который происходит в присутствии ангелов. В отличие от Елифаза, который имел только единичное откровение, переданное через ангела, Елиуй видит многих ангелов, целые сонмы, и рассказывает, что между ними происходит в горнем мире. Он сам созерцает их, иначе откуда бы ему знать о подробностях ведения «судебного процесса» на небесах? И вот он внимательно изучает положение осуждаемого грешника — и оказывается, что оно еще не безнадежно! Далее описывается сам горний суд:

И душа его приближается к могиле, и жизнь его — к смерти.

Если есть у него ангел-наставник, один из тысячи, чтобы показать человеку прямой *путь* его, —

Бог умилосердится над ним и скажет: освободи его от могилы; Я нашел умилоствление. (Иов. 33, 22–24)

Не будем забывать, что речь идет о грешнике, достойном гибели. И тем не менее суд рассматривает все данные, могущие послужить для его оправдания. И ангел, который в Синодальном переводе называется «наставником», а по-древнееврейски — מְלִיצָה *меліц*, «ходатай», выступает и говорит, обращаясь с мольбой к Богу: «Освободи его от могилы; я нашел умилоствление» (в Синодальном переводе эти слова говорит как бы Сам Бог, адресуя их ангелу). Что же значит «показывать прямой путь» осужденному грешнику, который близок к смерти? Может быть, ангел показы-

вает «прямоту» намерений самого человека в качестве свидетельства на суде?

Всмотримся в распределение ангельских «чинов», вершащих суд. Кто обычно присутствует на суде? Судья, защитник и обвинитель. Сколько, спрашивается, у человека обвинителей? Согласно Елиую — девятьсот девяносто девять! И только один называется מְלִיצָה *«мели́ца»*, т. е. «ходатай», «заступник». А ведь на небесном суде принимаются во внимание все прежние дела человека, всё, что он совершил. И если находится хотя бы одно истинно доброе, бескорыстное дело, полное сострадания, милосердия, — вот оно-то тогда человека и спасает. Сам человек уже ни на какие поступки не способен, он испытывает предсмертные страдания (как сказано выше). Но оказывается, что когда-то он помог нищему или накормил умирающего от голода, одел нагого или посетил в тюрьме измученного узника, что он кого-либо утешил. И вот этот самый поступок теперь ему засчитывается, кладется на весы, и ангел-заступник, «один из тысячи», как бы напоминает об этом совершённом некогда деянии Создателю. «...Показывает человеку прямой путь его...» — так сказано в Синодальном тексте, более точный перевод: «являет прямизну [т. е. праведность]» подсудимого — перед вершащим суд Богом. И найденная заслуга перевешивает девятьсот девяносто девять обвинений. Таково учение Елиуя, который выступает как знающий то, что происходит на небесном суде.

В связи с указанными возможными причинами оправдания преступника находятся библейские предписания о помощи бедным, согласно которым милостыня спасает от смерти того, кто смерть заслужил (др.-евр. слово מִצְדָקָה *«цедакá»*, имеющее смысл «милостыня», в Синодальном тексте обычно переводится как «правда»: «...правда же избавляет от смерти», «...правда же спасет от смерти» — Прит. 10, 2; 11, 4). И в каждый момент жизни человек должен помнить, что может попасть в такое положение, когда даже малейшее, что он совершил из сострадания, из милосердия, будет принято во внимание, сыграет важную роль на небесном суде над ним. И когда ангел представит Богу некое милосердное деяние, сотворенное человеком, оно, возможно, станет решающим доводом в пользу оправдания виновного, потому что на небесном суде необходимо хотя бы какое-то основание для вынесения оправдательного приговора. Не случайно Елиуй сравнивает Его с земным судьей, который не может оправдать обвиняемого «голословно», без особых на то причин. Ведь без них человек не достоин спасения, а Бог совершенно справедлив.

Что же произойдет в случае оправдания, а по сути — помилования? —

Тогда тело его делается свежее, нежели в молодости; он возвратится к дням юности своей. *(Иов. 33, 25)*

С точки зрения физической — как это может произойти? По милости Божьей полное истощение сил сменяется их приливом. Тогда, как здесь и сказано, действительно обновляются и внутренность человека, и даже его внешность.

Будет молиться Богу, и Он — милостив к нему; с радостью взирет на лицо его и возвращает человеку праведность его. *(Иов. 33, 26)*

Праведность человека, хотя бы и воплощенная в единственном его поступке, была явлена, как мы помним, когда ангел, «один из тысячи», ее вспомнил и представил как вещественное доказательство на суд. И Бог человеку «возвращает... праведность» — именно эту, т. е. воздает за нее прощением. Но те же слова можно понимать и по-другому: Бог вновь делает человека праведным, потому что, испытав всё, оказавшись на краю могилы, он теперь будет жить уже совсем иначе: станет молиться Богу и стремиться к добру. Если раньше он отвращался от Всевышнего, когда Всевышний его окликал, то теперь он сам взывает и умоляет послать ему врачумление.

Он будет смотреть на людей и говорить: грешил я и превращал правду, и не воздано мне;

Он освободил душу мою от могилы, и жизнь моя видит свет.
(Иов. 33, 27–28)

Таким образом, грешник после всего перенесенного им оценит милосердие, к нему проявленное, и начнет жить совсем иначе. И наконец Елиуй произносит те слова, которые мы уже упоминали:

Вот, всё это делает Бог два-три раза с человеком,
Чтобы отвести душу его от могилы и просветить его светом живых. *(Иов. 33, 29–30)*

Здесь говорится, что подобное происходит с каждым, независимо от того, помнит он это или не помнит, замечает или нет; и притом происходит не один раз. Поскольку плотский ум у людей подавляет высшие формы восприятия, то мы начисто забыва-

ем или же редко вспоминаем о том величайшем милосердии, которое проявляет к нам Бог описанным образом.

Вот таково учение Елиуя об откровении, посылаемом каждому.

Посмотрим теперь, как этот духовный человек характеризует промысел Божий, проявляющийся в каждой человеческой жизни. Прежде всего, промысел и провидение Всевышнего всецело справедливы, в них нет никакого изъяна, излишества или недостатка:

Итак, послушайте меня, мужи мудрые! Не может быть у Бога неправда или у Вседержителя неправосудие,

Ибо Он по делам человека поступает с ним и по путям мужа воздает ему.

Истинно, Бог не делает неправды, и Вседержитель не извращает суда.

Кто, кроме Него, промышляет о земле? И кто управляет всею вселенною? (*Иов. 34, 10–13*)

Значит, промысел Божий характеризуют полная справедливость, праведность, непогрешимость. Из этого правила не исключается и судьба Иова: если с величайшим праведником произошло то, что должно постигать величайшего нечестивца, значит, для этого существует убедительная причина. И Елиуй не смеет о ней судить, не смеет определять ее, исходя из каких-либо узких, догматических прописей собственной философии. Он предоставляет решение Богу, а Иову только указывает, что тот не является исключением из общего закона:

Но Он не смотрит и на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они дело рук Его. (*Иов. 34, 19*)

— для Бога не играет роли, князь человек или простолюдин; Он никого не предпочитает и воздает всем по истине и правде.

Как далеко распространяется правосудие Божье? —

...Очи Его над путями человека, и Он видит все шаги его.

Нет тьмы, ни тени смертной, где могли бы укрыться делающие беззаконие. (*Иов. 34, 21–22*)

Вышний суд имеет не только всеобщий характер — например, он мог бы осуществляться лишь на уровне наций, народов, рас, государств, эпох, — но нет, он имеет и личный характер: для каждого человека Бог ведет отдельный счет его добрым и злым делам, видит каждый его шаг, вникает во все его желания, мысли, чувства. Это учение известно и из других мест Библии, но здесь оно

выражено наиболее ярко. «...Он видит все шаги его» — шаг, пожалуй, наименьшее пройденное пространство, но Бог видит и его. И нельзя укрыться делающему беззаконие от возмездия нигде — ни в какой «тьме» и «тени», в том числе и смертной, в которую уходят преступные души. Например, человек может думать, что он умрет, или, не дай Бог, что покончит с собой, — и всё кончится. Но нет: и там продолжится воздаяние, потому что не скроется от правосудия Божьего ни одна душа — ни в каком положении, ни в каком мире. И еще Елиуй говорит об этом так:

Но неправда, что Бог не слышит и Вседержитель не взирает на это.

Хотя ты сказал, что ты не видишь Его, но суд пред Ним, и — жди его. (*Иов. 35, 13–14*)

В приведенных словах — уже явное уведомление Иову о том, что Господь вскоре откроется ему непосредственно, и Елиуй как пророк возвещает, что тогда Иов «из первых рук» узнает, «каким судом» и за что он был осужден и в чем причина его страданий: «...жди его».

Всеведение Божье, согласно Елиую, не нуждается в специальном исследовании обстоятельств, в долгом судебном процессе. Всё это необходимо земным судьям, которые не знают, что и как было, которым нужны улики и вещественные доказательства. Хотя мы только что говорили, что, по учению Елиуя, когда ангел берет одно доброе дело, и, противопоставляя его девятистам девяносто девяти злым делам, кладет на весы, тогда он провозглашает пред Богом: «...я нашел умилоствление». Но так сказано для людей, чтобы приблизить картину небесного суда к их пониманию. В действительности же в духовном мире всё происходит мгновенно, потому что высшие духи, ангелы, без усилия проникают в мысли друг друга — и уж тем более всё видит Бог. Он не нуждается в особом исследовании. Он, как говорит Елиуй, сокрушает беззаконных «без исследования», потому что их вина в Его очах слишком явна:

Потому Он уже не требует от человека, чтобы шел на суд с Богом.

Он сокрушает сильных без исследования и поставяет других на их места;

Потому что Он делает известными дела их и низлагает их ночью, и они истребляются.

Он поражает их как беззаконных людей пред глазами других... (*Иов. 34, 23–26*)

Для Господа всё ясно, Ему всё видно, и когда человек преступает меру беззакония и чаша его грехов переполняется, она тотчас опрокидывается, и из нее выливается всё содержимое; тогда человек теряет жизнь:

Внезапно они умирают... *(Иов. 34, 20)*

В ответ на сетования Иова по поводу того, что Бог якобы «не внимлет» мольбам, «не слышит» вопиющих к Нему с земли, Елиуй уверенно возражает:

...Так что дошел до Него вопль бедных, и Он услышал стенание угнетенных. *(Иов. 34, 28)*

Бедные, угнетенные не должны думать, что Бог не слышит их, что до Него не доходят их молитвы, — они уже дошли: ведь сказано, что вопль не «дойдет», а «дошел». И если Бог медлит с воздаянием и правосудием, то на это есть особые причины.

В чем же, согласно Елиую, самый основной, коренной грех человека? Мы помним, что Елифаз учит: основной грех — не следовать откровению, притом им, Елифазом, лично полученному (хотя у другого человека может быть совсем другое откровение). Виллад же нам говорит, что самый большой грех — не принадлежать к той ортодоксальной традиции, к которой он сам принадлежит, — т. е. к его «церкви», скажем условно. А в чем заключается главный грех, по учению Софара? В том, чтобы не следовать ясным логическим выводам своего разума. А в чем же коренной грех с точки зрения Елиуя — того, кто доподлинно знает, видит причину всех грехов, с точки зрения человека духовного, передающего неоскверненную, незатемненную весть свыше? Согласно Елиую, наказание приходит

...За то, что они отвратились от Него и не уразумели всех путей Его... *(Иов. 34, 27)*

Отвращение от Бога — вот главный грех. Не внимать Ему, даже когда Он вразумляет человека непосредственно, не следовать этому вразумлению — вот самое страшное беззаконие. «Отвратиться» — что это значит? Представим себе, что мы идем с кем-то вместе и вот один из нас отворачивается от другого, не обращает на него внимания, не слушает его слов... Елиуй — человек, знающий истину, непосредственно воспринимающий тот самый голос, о котором сказано:

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. (Иоан. 3, 8)

Елиуй слышит голос Божий и никогда от Него не отвращается. Он, как следует из его речей, не хочет льстить, не желает говорить неправду и согласен вытерпеть всё что угодно, лишь бы Божье слово донести до сознания тех, кому оно предназначено. И потому он лучше всех знает, что отвратиться от Бога есть корень всякого греха, беззакония и зла.

Вспомним слова Елиуя:

Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь. (Иов. 33, 4)

Коль скоро здесь утверждается, что не только Дух создал человека, но и «дыхание Вседержителя» (נשמת *нешамá*) постоянно его обновляет и ежемоментно поддерживает в нем жизнь (в оригинале — «[постоянно] дает мне жизнь», о чем мы говорили выше), то этим учение Елиуя очень сильно отличается от философского деизма — мировоззрения, согласно которому Бог когда-то создал весь мир, но затем как бы «отошел в сторону» и дал место законам природы. Нет, учение Елиуя говорит совсем об ином! «Дух Божий создал меня...» — деисты в этом с ним согласны, но и — «дыхание Вседержителя дает мне жизнь»: здесь употреблен глагол יָחַי *təxaiéni*, что можно перевести и как «будет [постоянно] оживать меня», и как «[постоянно] дает мне жизнь»; каждый мой вдох и выдох — от Духа Божьего, от Его дыхания, а не то чтобы Он создал меня — и как бы «забыл», «оставив на попечение» законам природы. А сказанное означает, что отвратиться от Него — то же, что отвратиться от источника собственной жизни, от постоянно действующей причины своего бытия; что может быть хуже? Вот за это человек и наказывается. Он становится раздвоенным в своей основе, потому что основа бытия — это Божественное начало, от которого человек внутренне отвернулся. Спрашивается: что же с таким человеком затем происходит? Вспомним уже звучавшее ранее утверждение Елиуя:

Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение. (Иов. 32, 8)

— дух человека, коренясь в своем бытии непосредственно в Духе Божьем, не только поддерживает жизнь, но и «дает разумение».

Бог, конечно же, источник не только физической жизни, но и духовной. Он — первопричина мыслительного процесса. Сама возможность того, что я мыслю, — от Бога, Дух Его дает мне понимание. И если я мысленно настолько заблудился, что противлюсь Богу, то что же со мной происходит? Тогда я отделяюсь уже не только от источника физической жизни, но и от источника самого мышления. Как это называется? Сумасшествие, безумие... Поэтому в Писании говорится: «Сказал безумец в сердце своем: „Нет Бога“...» (Пс. 13, 1). «В сердце» — т. е. мысленно сказал!

Но мало того, само существование вселенной, а не только каждого человека, — «от Духа Его» (Иов. 26, 13). Что значит «от Духа»? То есть «внутри» всего, в корне всего, в основе всего лежит чистое, единое, разумное, премудрое Божественное начало — Дух Святой. Он — «в центре» всех явлений, как духовных, так и физических:

Если бы Он обратил сердце Свое к Себе и взял к Себе дух ее
[вселенной] и дыхание ее, —

Вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы
в прах. (Иов. 34, 14–15)

Таким образом, вселенная не отделена от Бога, она оживотворяется Его Духом, наполнена Его присутствием. «Если бы Он обратил сердце Свое к Себе...» Что же на языке Библии означает «обратить к себе сердце»? Сердце всегда помышляет о чем-то: мысли, согласно Писанию, находятся в человеческом сердце (Еккл. 1, 13; 2, 1; Ос. 7, 2). Если я «обратил свое сердце к себе», перестал думать о ком-либо или о чем-либо, то мысли мои исчезают — «удаляются из сердца». Так же и Бог: если Он перестанет думать, промышлять о каждом из нас, а по более глубокому смыслу — ежемоментно воссоздавать жизнь каждого из нас, то мы исчезнем, подобно мыслям человеческим, которые пресеклись в нашем собственном сознании. Ибо весь мир, включая и нас самих, создан мыслью Божьей, «содержится» в Его сознании (ср.: Пс. 32, 6; Иер. 10, 12; Иоан. 1, 1–3).

Бог постоянно вразумляет людей: почему, зачем Ему это нужно? Да потому, что именно в человеке средоточие всего творения, в нем оно завершается — и начинается обратный процесс «восхождения», «возвращения» вселенной к ее Создателю. Ведь Бог в вещественной вселенной создал сначала вземные миры («небеса»), потом — Землю, затем — жизнь на ней, начиная от простейших растительных форм; потом — формы более развитые, биологически более совершенные; и, наконец, был сотворен человек. Именно

в человеке начинается путь возвращения мира к единству Божьему, ибо сначала творение как бы всё более обособлялось от Творца, развивалось и шло по пути, который как бы вел в другую сторону — всё далее и далее от Бога. И вот создается человек, осознающий себя, а потому имеющий возможность сознательно возвращаться к Богу и вместе с собою возвращать всё созданное — всё то, что вмещается в его, человека, сознание; потому что весь мир Бог вместил в сердца людей (Еккл. 3, 11: в оригинале говорится, что Бог вложил в сердце людей ׀לע׀ל ׀גַּא־וֹלָאָם — «сей мир», «эту вселенную»; в Синодальном переводе — «мир»). Поэтому Бог и вразумляет людей — чтобы они сами, без принуждения, приняли решение возвратиться к Нему. Как Он их научает? —

...Научает нас более, нежели скотов земных, и вразумляет нас более, нежели птиц небесных... (Иов. 35, 11)

— ведь и «скоты земные», и птицы, несомненно, вразумляются Богом. Откуда молодая белка знает, что наступит зима, почему она делает запасы? Откуда знают муравьи, что близится время, когда нужно будет воспользоваться собранным за лето? Откуда знают птицы, как им лететь в чужие страны, спасаясь от холодов? Откуда знают животные, что будет землетрясение, и убегают? Откуда знают крысы, что корабль погибнет во время шторма, и спасаются с него? Мыши, крысы и насекомые покидают дом, который обречен сгореть, хотя пожар может произойти только через какое-то время после их бегства, и притом от случайной причины. Значит, Бог вразумляет и «скотов земных», и птиц... Но нас Он вразумляет «более, нежели птиц». Причина тут в том, что скоты и птицы — это «промежуточная ступень» творения, а человек — та ступень, ради которой всё создано и на которой начинается обращение духа к Богу через самоосознание — обращение, ведущее к поискам Бога и к следованию Его воле.

Елиуй описывает страдания и притеснения, которые испытывают сыны человеческие как друг от друга, так и вследствие различных обстоятельств жизни, и при этом указывает на причину всех бедствий:

...Никто не говорит: где Бог, Творец мой, Который дает песни в ночи...? (Иов. 35, 10)

Из слов Елиуя следует, что когда все люди начнут искать Всевышнего, то станут убывать несчастья и постепенно свыше будет

возвращена подлинная жизнь — и отдельному человеку, и семье, и роду, и народу, и всему человечеству. «...Никто не говорит: где Бог, Творец мой...?» Значит, каждому человеку еще предстоит осознать, что Бог — Творец, притом именно «мой»: Он меня не только сотворил, но и всё время обо мне заботится.

Как здесь определяется Всевышний? Как «Творец мой, Который дает песни в ночи». Мы знаем, что многие поэты и песнопевцы — духовные, мистические, религиозные — предавались творчеству ночью. Когда всё внешнее затихает, у песнопевца отверзается слух, он слышит нечто свыше и запечатлевает это в своих поэтических творениях. Но сказанное имеет еще и другой смысл: строй нынешнего мира уподобляется здесь, как и в других местах Писания, ночи. В Книге пророка Исаии некто спрашивает сторожа: «Сколько ночи?», а сторож отвечает: «Приближается утро, но еще ночь» (Ис. 21, 11–12). То есть мир сей наполнен злом, «тьмой», но духовидцы, ищущие света, уже предчувствуют приход утра... «Весь мир лежит во зле [т. е. во тьме]», — говорит апостол Иоанн (I Иоан. 5, 19; ср.: I Иоан. 1, 6). Тьма неверия, озлобления, нечестия противопоставляется свету Богопознания и Божественной любви.

Так вот, Бог «дает песни в ночи»: познавшим Его даруется возможность петь, т. е. ликовать внутренне, предаваться духовной радости. Значит, в «ночи» — жизни темной, тяжкой, полной страданий — возможно пение от полноты сердца. Человек не станет петь (в оригинале употреблено слово, означающее пение радостное), пока сердце его не наполнено весельем. Как сказал Иисус, «от избытка сердца говорят уста» (Матф. 12, 34), тем более от полноты сердца уста поют. Значит, именно познание Бога вдохновляет на «песню в ночи» среди мира сего.

И, наконец, Елиуй говорит о награде, приготовленной для бессмертной души человека, внявшего Божьему вразумлению:

...Он не отвращает очей Своих от праведников, но с царями навсегда посаждает их на престоле, и они возвышаются. (Иов. 36, 7)

Слово «навсегда» (נצול *ла-нецах*) должно нас насторожить: речь идет о чем-то очень важном — но ни один царь вечно на земле не царствует. А тут говорится о царях, которые царствуют вечно, и притом сказано это в таком контексте: «...Он не отвращает очей Своих от праведников...» «Не отвращает очей» — значит, вечно смотрит! Отсюда следует, что праведники, с тех пор как покидают свою телесную «храмину», брENNую земную жизнь,

всё время находятся под бдительным надзором Божиим. А кто может выдержать взор Божий? Уж во всяком случае не обычный человек, живущий на земле и оскверненный грехами:

...Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. *(Исх. 33, 20)*

Взор Божий могут выносить без боли и страдания, напротив — с величайшей радостью, только чистые сердцем, притом не на земле, а в мире вышнем, почему и сказано в Нагорной проповеди:

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. *(Матф. 5, 8)*

Но то, что человек смотрит на Бога и может Его видеть («видеть», конечно, в духовном смысле — Бог не имеет телесного образа), — это, по законам духовного мира, означает, что и Бог смотрит на человека, не отвращает Своего взора от праведника. Праведники исполнены непредставимой в земных условиях радости, потому что непосредственно воспринимают духовные лучи, исходящие из взора Божьего, их жизненную силу. Что еще с ними происходит? «...Но с царями навсегда посаждает их на престоле...» — речь идет о вечной жизни. Согласно весьма древним иудейским представлениям, праведные души восседают в высшем мире на престолах и наслаждаются сиянием Божьей славы. То же отображено и в традиционной иконописи: святые изображаются восседающими на тронах, и лица их обращены к Сидящему на вознесенном престоле. Таким образом, все они являются «царями», поскольку сидят на тронах. Сколько же может быть в мире царей? Разве не один есть истинный Царь — Всевышний, как сказано:

...Он... низлагает царей и поставляет царей... *(Дан. 2, 21)*

И тем не менее праведные духи тоже уподоблены царям. В другом месте мы читаем, что Он

...Из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего,
Чтобы посадить его с князьями ... *(Пс. 112, 7-8)*

Почему праведный дух «восседают», понятно: он выполнил свою земную миссию и теперь как бы покоится в духовном мире. Но почему он называется «князем» или «царем»? Прежде всего, царь — наиболее свободный человек в государстве, действующий исключительно по своей воле, т. е. он самодержец. Дух, который достиг

высокой ступени, получает от Бога и большую свободу, поскольку он умеет ею пользоваться.

Кроме того, надзору такого духа поручаются важные сферы бытия: став ангелами, «духи, достигшие совершенства», руководят различными стихиями и процессами. Именно таких духов Иисус в своей проповеди приравнял к ангелам, сказав, что по воскресении они «...пребывают как ангелы Божии на небесах» (Матф. 22, 30). «Ты творишь ангелами твоими духов...» — говорит псалмопевец (Пс. 103, 4), т. е. возвысившиеся духи становятся ангелами и получают какие-то области бытия в свое управление. В одной из притчей Иисуса сказано, что верные рабы, которые хорошо распорядились серебром своего господина, получили в управление один — пять, а другой — десять городов (Лук. 19, 16–19). Значит, они стали правителями, князьями в своих пределах.

...Навегда посаждает их на престоле, и они возвышаются. (*Иов. 36, 7*)

«Возвышение» — это процесс. Бог создал человеческий дух ограниченным, но способным к бесконечному развитию, поскольку Бог есть Бесконечность, а человек — сущность ограниченная. И высшее блаженство заключается именно в том, что после каждой ступени блаженства, сколь бы высокой она ни была, есть и следующая — для нового восхождения. Нет предела совершенству, поэтому «они возвышаются»: находясь уже на престолах духовного мира, праведники постоянно возвышаются, становясь способными принимать всё более обильное излияние света свыше — и передавать его творениям, находящимся ниже.

Описав всё это, Елиуй возвращается к причине страданий Иова:

Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия... (*Иов. 36, 8*)

«Они» — это духи, стяжавшие праведность, как дух Иова. «...Окованы цепями и содержатся в узах бедствия...» — а за что? Дело в том, что беззаконие нередко уподобляется цепям: человек, впадая в грехи, лишает себя духовной свободы и налагает на себя «цепи», после чего он оказывается еще и в «узах бедствий» — болезней либо иных мучений. Когда же подобное происходит с праведниками,

...То Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому что умножились,

И открывает их ухо для вразумления, и говорит им, чтоб они отстали от нечестия. (*Иов. 36, 9–10*)

Значит, с праведными Бог общается не так, как с обычными людьми (т. е. не обязательно во сне и, может быть, не повторяя по два-три раза своих наставлений, ибо праведник «скор на слушание»), а иным образом — «открывая им ухо для вразумления»:

Если послушают и будут служить Ему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои — в радости... (*Иов. 36, 11*)

Итак, страдания и в этом случае посылаются затем, чтобы дух вновь вразумился и стал служить Богу всецело, т. е. направляя всю свою жизнь на исполнение Его воли; и тогда лета человека потекут в радости.

Спросим, однако: не напрасно же в Писании немало говорится о том, что наиболее праведные наиболее тяжело и страдают? О самом Иисусе Христе и говорить не приходится — настолько узок и тяжел был его путь в нашем мире; а пророки, праведники, мученики, все те, «которых весь мир не был достоин», как сказано в Послании к Евреям, и которые скитались и прятались в пещерах, а их преследовали, мучили и убивали (*Евр. 11, 36–39*)? Какие уж тут «дни в благополучии и лета — в радости»! Как согласовать эти факты священной (да и обычной) истории с учением Елиуя? Дело в том, что во внутреннем мире таких людей, в их душах царил Божья благодать, сердца их ликовали от близости с Отцом Небесным, и они ни за что не променяли бы свою внешне трагическую, но полную благоговения и внутренней радости жизнь на участь беззаконников, достигающих лишь внешних удач и плотских радостей. Так что сказанное Елиуем о том, что служащие Богу «проведут... лета свои — в радости», — совершенная истина, даже по отношению к земной жизни...

Глава 9

ПРОПОВЕДЬ ЕЛИУЯ.

«ИЗ ТЕСНОТЫ НА ПРОСТОР»

Мы отчасти уже обсудили слова Елиуя о «прославлении Бога в ночи» (35, 10). В более поздние времена такой обряд широко распространился: иудейские мудрецы зачастую вставали в полночь и прославляли Бога псалмами; продолжалось славословие до утра, а те, у кого было меньше сил, заканчивали раньше. Мы сказали о символическом значении ночных песнопений: когда в «ночи» мира сего, где омраченный животным естеством дух человека подавлен и обессилен (согласно словам самого Елиуя, «Мы в этой тьме ничего не можем сообразить» — 37, 19), звучит песнь, хвала Богу, — тогда огуственную тьму пронизывают лучи бессмертного духа. Он начинает сиять лучами и исполняться радостью еще во тьме мира сего, а в мире света, куда переходит после кончины тела и упразднения животного начала, он тем более ликует.

Таким образом, предназначение бессмертной души человека, по Елиую, — бесконечное совершенствование, которое обозначено словом «царство» (36, 7). С чем связывается обычно понятие царства, царствования? Во-первых, со свободной властью над страной, которая преобразуется по воле правителя-царя. И, во-вторых, с блеском, светом — не зря цари во все времена носили золотые украшения: золото символизирует свет, «солнечность» и святость. И вот в горнем мире на «тронах» — достигнутых высотах духовного созерцания — восседают праведники:

...Он не отвращает очей Своих от праведников, но с царями навсегда посаждает их на престоле, и они возвышаются. (*Иов. 36, 7*)

Таково «царствование» праведников, их причастность к славе Небесного Царя, превращение их самих в «царей», потому что состояние свободного, не отягченного материальным началом духа, по сравнению с тем, как он чувствует себя на земле, действитель-

но подобно положению царя по отношению к угнетенному рабу. Праведники «возвышаются», т. е. бесконечно продолжается их восхождение во свете, их духовный рост. Но, продолжая излагать свое вдохновенное учение, Елиуй утверждает, что те же праведники могут прежде, еще находясь на земле, оказаться совсем в ином состоянии:

Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия...
(Иов. 36, 8)

Почему бедствия уподобляются узам и цепям? Цепь составлена из звеньев; так и в бедствиях одно «звено» тянет за собой другое, по горестной русской пословице «Пришла беда — отворяй ворота». Так образуется «цепь бедствий», которая сковывает лучшие стремления человеческого духа, мучает его и терзает.

Но каким образом праведники могут оказаться «окованными цепями»? Ведь дух праведника постоянно стремится от рабства к свободе, а цепь — это символ рабства? Как могут угодники Божьи содержаться в узах бедствия? Найти ответ на данный вопрос важно, потому что в словах Елиуя содержится, может быть, ключ к положению самого Иова: он ведь как раз «окован цепями и содержится в узах бедствия».

Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия,
То Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому
что умножились... (Иов. 36, 8–9)

Следовательно, самым наличием бедствий и страданий в жизни человека Бог указывает на дела незаконные, которые еще имеются у праведника. Для чего Он это делает? Лучше пострадать на земле человеку отчасти и немного, чем подвергнуться наказанию страшному и долговому, многим духам представляющемуся «вечным» — в самом Писании говорится о «вечных» муках, т. е. о таких, которые воспринимаются духом как нескончаемые, не имеющие предела.

...И открывает их ухо для вразумления и говорит им, чтоб они
отстали от нечестия. (Иов. 36, 10)

Значит, когда «ухо» — духовный слух праведника — становится недоступным для обычного вразумления, Бог подвергает человека страданию, чтобы «ухо» у него «открылось». Это подобно болевой, шоковой терапии: нужно причинить некое страдание, чтоб чело-

век «пробудился». Когда будят глубоко спящего, его бьют по щекам или обливают водой — примерно так дух, утеравший чувствительность к духовным внушениям, вразумляется страданием.

Если послушают и будут служить Ему, то проведут дни свои в благополучии и лета свои — в радости... (Иов. 36, 11)

Интересно, что здесь говорится параллельно о «днях» и «летах» — «дни в благополучии» и «лета в радости». Встречается различное понимание этих слов у разных комментаторов. Одни считают, что сказанное относится к земной жизни, каждый день которой «исполнен благополучия», если он светел и осмыслен; под «летами» тогда понимается вся жизнь в целом, которая исполнена радости, если проходит достойно и человек выполняет в ней свое предназначение. Другие комментаторы считают, что здесь будущая, бесконечная жизнь уподоблена «летам», а «дням» — краткая земная жизнь; и если праведник покоряется Богу, то он «дни» проводит в благополучии, т. е. в довольстве тем, что есть. Но благополучие — это еще все-таки не полная радость. Зато в будущей жизни его ждет истинная радость — нескончаемые «лета» высшего блаженства...

...Если же не послушают, то погибнут от стрелы и умрут в неразумии. (Иов. 36, 12)

После последних вразумлений, которые Бог предлагает человеку, окончательно решается его участь: если он не покоряется, то гибнет «от стрелы» (т. е. кары, которая внезапно «пронзает» — без исцеления). Прежде было сказано о вразумлении через страдания, которые могут быть долговременными и постепенно приближать к смерти. Как только человек покается, смерть отдалается и страдания уходят. Но если период долготерпения Божьего кончился, а человек, вместо того чтобы смириться, воспротивился Богу окончательно, то он бывает насмерть поражаем «стрелой», и его дальнейшая посмертная участь определена.

Но лицемеры питают в сердце гнев и не взывают к Нему, когда Он заключает их в узы... (Иов. 36, 13)

«Лицемеры» (חַנְפֵּי־לֵב *ханфэй-лев*) — буквально «обманывающие сердце». Речь может идти и о собственном сердце человека, чьи настоящие, духовные потребности остаются неудовлетворенными и который, таким образом, обманывает себя самого. Имеют-

ся в виду люди, не соотносящие свою внешнюю жизнь с жизнью внутренней, т. е. лицедеи — «ряженные», живущие в постоянном противоречии с самими собой, не поступая искренно. Именно поэтому, всегда испытывая неудовлетворение, они и «питают в сердце гнев». Но на кого? Очевидно, на Бога: «...и не взывают к Нему, когда Он заключает их в узы...» Для человека весьма важно понять страдание как испытание, ниспосланное свыше: Бог «заключает в узы» именно для того, чтобы «воззвали к Нему» и освободились — не только от уз, но и от причины, их вызвавшей, т. е. от греховного состояния. Однако вместо того чтобы обратиться, лицемер гневается на Бога, приближая этим собственную погибель.

...Поэтому душа их умирает в молодости и жизнь их — с блудниками. (Иов. 36, 14),

«В молодости» не обязательно означает буквально «в молодые годы»; это может пониматься и как «не вразумившись», потому что в библейской семантике молодой человек есть человек еще не вполне разумный, мало чему научившийся. Оставшись духовно незрелым, лицемер умирает и нисходит в низший мир, где обитает с духами כַּדְשִׁימ «кадешим» — «блудников», точнее служителей ханаанских языческих культов, участвовавших в человеческих жертвоприношениях и ритуальных оргиях.

Далее Елиуй объясняет, как следовало бы поступить Иову: несмотря на все свои сомнения и недоумения, он должен был бы смириться и кротко ждать, пока Бог соблаговолит открыть ему причину того, что с ним произошло; ибо Бог именно затем отвергает человека в страдания, чтобы тот стал более восприимчив к внушениям свыше:

Он спасает бедного от беды его и в угнетении открывает ухо его. (Иов. 36, 15)

Здесь говорится: «от беды его»; но если Бог намеренно верг человека в беду, то является ли такое действие «бедой его», т. е. исходящей изнутри человека? Очевидно, нет: ведь это страдание, специально допущенное Богом, т. е. наказание, приходящее извне. Но почему же «от беды его»? Дело в том, что через внешнее страдание грешник избавляется от беды внутренней, т. е. от беззакония и нечестия. «...И в угнетении открывает ухо его» — поскольку спастись нужно не столько от того мучения, которому Бог подверг человека, дабы очистить его, сколько от самой внут-

ренней нечистоты, чтобы дух мог возвыситься, войти в гармонию с миром света — и таким образом уйти от «беды своей». Ведь недостаток духа, «беда его» — в собственной приземленности, «бескрылости», а не в том мучительном процессе, в ходе которого «крылья растут»...

И тебя вывел бы Он из тесноты на простор, где нет стеснения, и поставляемое на стол твой было бы наполнено тукон... (Иов. 36, 16)

Земная жизнь уподоблена «теснинам», по которым человеку продвигаться очень тяжело. «И тебя вывел бы Он... на простор, где нет стеснения...» — путь человеческого духа к свободе и возвышению лежит через места тесные. И стоит человеку обратиться к Богу, как он узрит свой путь и пойдет по нему.

...Но ты преисполнен суждениями нечестивых: суждение и осуждение — близки. (Иов. 36, 17)

Эти слова Елиуя напоминают прозвучавшее более двадцати веков спустя в Нагорной проповеди: «Не судите — и не судимы будете» (Матф. 7, 1; Лук. 6, 37). Иов судит о том, чего полностью не понимает, и делает «всемирные» выводы, исходя из своего фрагментарного опыта, — поэтому он и «преисполнен суждениями нечестивых».

Да не поразит тебя гнев *Божий* наказанием! Большой выкуп не спасет тебя. (Иов. 36, 18)

Какое основание имеет Елиуй так говорить — ведь Иов уже, кажется, так наказан, что дальше некуда; какое еще наказание может его поразить?! Он лишен детей и имущества, он в столь ужасном физическом состоянии, что не может проглотить кусок хлеба, он жаждет смерти и не находит ее... Оказывается, есть еще какое-то наказание, гораздо более тяжкое; очевидно, оно относится к грядущему миру. Вот для того чтобы избавиться от этого наказания, говорит Елиуй, Иов и страдает здесь: «Да не поразит тебя гнев *Божий* наказанием!»

И наконец переходит Елиуй к описанию состояния, которое ожидается от праведника:

Не желай той ночи, когда народы истребляются на своем месте. (Иов. 36, 20)

Что такое «истребление народов на их месте»? Когда тот или иной народ забывает свое духовное предназначение и жизнь людей уподобляется жизни хищных животных, полна эгоизма, взаимной ненависти, зависти, нетерпимости, тогда этот народ «истребляется на месте своем», исчезает. То же относится и к каждому человеку, когда «переполняется чаша» его беззаконий. Как судьба отдельного человека, так и судьба целого этноса зависят от их духовного состояния.

Иов уже неоднократно утверждал, что он ждет полной справедливости и желает, чтобы Бог явил ее не только по отношению к нему самому, но и ко всему человечеству, — и вот, как бы в ответ, Елиуй говорит ему: «Не желай той ночи, когда народы истребляются...» Это значит, что требование полной справедливости есть также и требование непреклонного возмездия. Праведнику же надлежит молиться и просить более всего о милости, потому что пока милосердие Господне еще проявляется к человеку или народу, Всевышний посылает им возможность покаяться и исправиться.

Берегись, не склоняйся к нечестию, которое ты предпочел страданию. (*Иов. 36, 21*)

Как бы постепенно Елиуй нащупывает самую сердцевину, самый корень неправоты Иова. «...Не склоняйся к нечестию, которое ты предпочел страданию» — ведь хотя ты и не знаешь, за какое нечестие карает тебя Всевышний, всё же эта кара носит очистительный характер и должна переноситься со смирением; ты же пытаешься оправдать себя, вызывая Бога на суд.

Бог высок могуществом Своим, и кто такой, как Он, наставник?
Кто укажет Ему путь Его; кто может сказать: Ты поступаешь несправедливо? (*Иов. 36, 22–23*)

На этом тема взаимоотношений человека с Богом в учении Елиуя заканчивается: Бог всегда справедлив, мы не ведаем всей своей вины и всей ответственности, далеко не всегда знаем, за что нас постигают страдания, и поэтому человек не может сказать Богу: «Ты поступаешь несправедливо!» А что же он может? Может понять справедливость Божественных деяний, наблюдая природу: поскольку в природе царит гармония, поскольку всё соразмерно и совершенно, то следует сделать вывод, что и в делах человеческих Бог проявляет справедливость, и, хотя она для нас еще не целиком понятна, никто не смеет сомневаться в праведности Божьих определений. Поэтому следующий стих говорит:

Помни о том, чтобы превозносить дела Его, которые люди видят.
Все люди могут видеть их; человек может усматривать их издали. (Иов. 36, 24–25)

«Издали» — т. е. вне своей ситуации, может быть, даже вне человеческих дел вообще, в окружающей природе. А на материале «увиденного издали» можно сделать вывод о том, что и «вблизи», в обстоятельствах собственной жизни, также проявляется высшая справедливость. Поэтому праведник присоединяется к небу и земле в их вечной проповеди о величии Создателя:

Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. (Пс. 18, 2)

Человек, который сердцем и языком присоединяется к хвале всей природы, показывает тем самым, что он — служитель Божий. «Помни о том, чтобы превозносить дела Его...» — а почему так важно постоянно прославлять Бога? Ведь Бог всеславен! Он настолько возвышен в славе Своей, что никакое восхваление от людей и даже служение ангелов не в силах воздать Ему должное. И неужели, как вопрошают скептики всех веков, Бог для того только и сотворил весь мир, чтобы быть восхваляемым? Конечно, нет! Дело в том, что только восхваляя Бога, человек восстанавливает и в себе, и в окружающем мире ту истинную гармонию, без которой повсюду царят развал и хаос. Когда мы упускаем из виду деяния Божьи, Его величие, Его славу, мир для нас становится скоплением разрозненных, не связанных друг с другом фактов и частей, мы чувствуем себя случайно живущими в мире, и жизнь теряет смысл. Предположим, физика и химия объяснили, как устроены те или иные вещества, как устроены различные части космоса, — ну и что, какое это имеет отношение к моей собственной жизни? Зачем я сам живу? И человек, лишенный высшей цели, начинает цепляться за мелкие детали, за несущественные реалии своего бытия и в конце концов окончательно утрачивает единство своей жизни — рассыпается его сознание, распадаются чувства, и он становится безумным, как гласит Писание:

Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога»... (Пс. 13, 1)

Если Бога нет, всё безумно; и тот, кто говорит подобное, сам становится безумным: в его глазах теряет смысл всё мироздание.

«Помни о том, чтобы превозносить дела Его, которые люди видят» — речь идет о наглядности, необходимой для истинной проповеди

веди: то, что люди видят, что им известно, что они постигают на опыте, — на это и надо обращать их внимание, поясняя, как во всём проявляются Божественные провидение и промысел. Если говорить о вещах непонятных и неизвестных слушателям, то они не запомнят их. Нужно объяснить, например, по Чьей воле Земля вращается вокруг Солнца, и именно на таком расстоянии, чтобы на ней могла существовать жизнь... Нужно говорить о вопросах, всех интересующих, затрагивающих, но остающихся для большинства духовно не объясненными.

И далее следует величественная тирада Елиуя о величии Создателя, которая незаметно, уже через одну главу, переходит в речь Самого Бога. Елиуй восхваляет деяния Божьи, и, поскольку через него говорит сам Дух Святой, делает это как бы от лица Самого Бога. Тем самым Елиуй готовит Иова к восприятию той несказанно прекрасной, необозримо величественной картины вселенной, которую впоследствии явит страдальцу Сам Всевышний.

Какие примеры приводит Елиуй для того, чтобы наглядно показать премудрость Бога? Да самые обычные, с которыми мы каждый день встречаемся. Таким образом, он не только призывает прославлять дела Бога, которые видит каждый, но и сам следует этому предписанию.

Приведем некоторые примеры чудес, которые Елиуй усматривает в видимых явлениях природы. Однако вначале подчеркнем: прежде всего Елиуй утверждает, что Бог по сущности Своей непознаваем, и напрасны все попытки философов Его понять (а мы уже видели из выступлений трех друзей Иова, что и в давние времена были мудрецы, которые пытались познать Бога в Его сущности). Однако, провозглашает Елиуй, Бог познаваем только по Своим делам:

Вот, Бог велик, и мы не можем познать Его; число лет Его неисследимо. (*Иов. 36, 26*)

«Велик» — т. е. превосходит возможности человеческого познания. «...Не можем познать Его...» — потому что наши мыслительные способности весьма ограничены. А разум Всевышнего, Который наполняет всю вселенную, — он каков? И можем ли мы вообразить, что разум Всевышнего может быть познан рассудком человеческим?..

И еще говорит Елиуй, что «...число лет Его неисследимо». А число лет человека на земле очень кратко, и, как известно, примерно треть этого срока мы проводим во сне, а сколько еще — в заботах,

суете, болезнях!.. Много ли времени остается на познание? Ребенок не может понять старца: он не пережил всех тех коллизий, не видел того, что созерцал тот, и очень многое из его опыта для ребенка вообще недоступно. Теперь представим себе краткого днями человека и вечного Бога: что может человек узнать о Нем? Ведь «...число лет его неисследимо», и даже если бы речь шла об опыте, приобретенном в течение бесконечных эпох существования, и тогда возможности познания у Бога и человека были бы абсолютно несопоставимыми. Но ведь в действительности Бог всеведущ с самого начала, Он «возвещает от начала, что будет в конце» (Ис. 46, 10)!

И сейчас же от положения о неисследимости Божественного разума переходит Елиуй к тем видимым явлениям, по которым можно догадываться о мудрости Творца. Например:

Он собирает капли воды; они во множестве изливаются дождем:
Из облаков каплют и изливаются обильно на людей. (Иов. 36,
27–28)

Здесь описан «круговорот воды в природе», который в наше время изучают в начальной школе. Однако на Древнем Востоке — будь то в Вавилоне, который отличался в те времена высотой научной мысли (там были, например, астрономические обсерватории), в Древнем Египте, в Древней Индии, — нигде так лаконично и исчерпывающе не была описана картина круговорота воды, как здесь. «Он собирает капли воды» — вода, действительно, испаряется и конденсируется по капелькам. Здесь прямо говорится, что облака образуются от испарения воды, конденсирующейся затем в «капли».

Почему упоминает обо всем этом Елиуй? Дело в том, что без круговорота воды в природе не могли бы существовать ни человек, ни животные, ни даже растения. Но что же — неужели, согласно сказанному Елиуем, Бог Сам собирает воды с земли и изливает вновь в виде дождей? Разве это не просто закон природы? Но за всеми закономерностями, говорит Елиуй, за всеми уже существующими заданностями взаимоотношений вещественного мира стоит Бог. Он мог бы создать земную атмосферу совсем иной или сотворить Землю совсем без атмосферы — но что было бы тогда? Не существовало бы жизни, в том числе человеческой; именно благодаря круговороту воды она и существует, и поддерживается.

И далее Елиуй рассказывает о других явлениях в природе, говорящих о премудрости Создателя:

От дуновения Божия происходит лед, и поверхность воды сжимается.

Также влагою Он наполняет тучи, и облака сыплют свет Его, И они направляются по намерениям Его, чтоб исполнить то, что Он повелит им на лице обитаемой земли.

Он повелевает им идти или для наказания, или в благоволение, или для помилования.

Внимай сему, Иов; стой и разумей чудные дела Божии. (*Иов. 37, 10–14*)

Что значит — «стой»? Может быть, «стой» означает здесь «остановись», т. е. прерви свои рассуждения, блуждания своего ума и вникни в дела Божьи!

Первое, о чем сказано в приведенном фрагменте: движение холодных масс воздуха («дуновение») приводит к образованию льда, и «поверхность воды сжимается [т. е. твердеет]». Надо заметить, что ни в одной из древневосточных натурфилософских систем, насквозь пропитанных мифологией, мы не найдем столь ясного и логичного описания естественных процессов. Обратим внимание на слова об отвердении поверхности воды, т. е. о том, что вода при охлаждении оказывается защищенной льдом, и это способствует сохранению жизни ее обитателей в холодный период года. Так Елиуй доказывает существование промысла Божьего относительно всего живого.

Затем вновь говорится о тучах и облаках. Для чего же, как и куда направляются тучи? «По намерениям Его, чтоб исполнить то, что Он повелит им на лице обитаемой земли». Бог «...повелевает им идти или для наказания, или в благоволение, или для помилования», т. е. одной стране посылаются благодаря дождям обильный урожай, в другой он целиком гибнет (например, из-за сильных ливней и паводков), в третьей — сохраняется небольшой урожай ради помилования тех, кто раскаялся в грехах. И даже в нашу эпоху, несмотря на успехи в техническом развитии, человечество почти не в силах тут что-либо изменить.

Кроме того, из слов Елиуя следует, что Бог не только когда-то установил законы природы, но и каждый раз направляет их действие по Своей воле.

Что же такое Божественный промысел? Это непосредственное управление свыше вселенной и человечеством, о чем и говорит Елиуй:

Оттуда [с небес] Он судит народы, дает пищу в изобилии. (*Иов. 36, 31*)

Здесь сообщено как раз то, о чем мы сказали: пища, ее избыток или скудость — в руке Божьей.

Он сокрывает в дланях Своих молнию и повелевает ей, кого разить. (Иов. 36, 32)

Казалось бы, это просто закон природы — что наэлектризованные облака порождают молнию; но, оказывается, Бог «сокрывает» ее в руках Своих, т. е. непосредственно управляет ею и «повелевает ей, кого разить». Человек, при всем своем обширном, казалось бы, научном развитии, и ныне незащищен перед молнией, которую посылает Бог.

Треск ее дает знать о ней; скот также чувствует происходящее. (Иов. 36, 33)

«Треск» молнии связан с громом. Для древних людей связь между световой вспышкой и грохотом не являлась чем-то само собой разумеющимся, и восточные мифы представляют, как известно, грозу в совсем ином свете (здесь и боги-громовержцы, и драконы, и т. п.), Елиуй же однозначно соотносит эти явления.

И здесь же сказано о «скоте» — животном мире. Каким образом в том, что «скот чувствует происходящее», проявляется провидение Божье? Перед несчастьем воют собаки, кричат птицы. Что они чувствуют, откуда они знают о предстоящих событиях? Если бы речь шла только о тех случаях, когда должна наступить естественная смерть, это еще можно было бы как-то объяснить. Но бывает, что собаки воют перед убийством. Они порой воют и перед пожаром, который может произойти от случайно брошенной спички. Уходят из домов, которым предстоит сгореть, мыши, крысы и прочие твари. У моряков в старину была такая примета: они обследовали трюм и, если не находили там крыс и мышей, порой отказывались идти в плавание, потому что знали: животные ушли, поскольку знали, что корабль потерпит крушение. «...Скот также чувствует происходящее» — подобное очень удивительно, необъяснимо с точки зрения материалистической науки. Муравей, например, знает, что наступит зима и готовит к ней припасы; пчелы ведают о том же; бельчонок тоже знает о зиме и запасает к ней орешки. Откуда они всё это знают, кто их этому учит? И в других местах Библии мы встречаем описания разумных действий живых существ, в том числе насекомых (Прит. 6, 6; 30, 25). И если в них заложен инстинкт, который позволяет им ориенти-

роваться во времени, а не только в пространстве, то кто сделал их такими, если не всеведущий Создатель?..

Далее Елиуй говорит:

И от сего трепещет сердце мое и подвиглось с места своего.

Слушайте, слушайте голос Его и гром, исходящий из уст Его.
(Иов. 37, 1–2)

Речь идет, прежде всего, о голосе Духа Святого, Который говорит устами самого Елиуя. И «подвиглось с места» сердце этого духовного мыслителя именно оттого, что говорит через него Бог. Но, кроме того, «гром», голос, исходящий из уст Божьих, Елиуй слышит во всём, он раздаётся по всей вселенной — этот властный, непрекаемо диктующий миру законы бытия, голос Божий!

Под всем небом раскат его, и блистание его — до краев земли.
(Иов. 37, 3)

Грому и молнии уподобляет Елиуй Божий глагол, пронизывающий всю вселенную.

Дивно гремит Бог гласом Своим, делает дела великие, для нас непостижимые. (Иов. 37, 5)

Надо быть, в духовном смысле, абсолютно глухим, чтобы во всех проявлениях жизни природы не слышать голоса Законодателя. «Дивно гремит» голос Бога — Он не только говорит, но «гремит», т. е. настолько явственно являет Свое всемогущество, что уже не остается места для сомнений.

Далее сказано:

Он полагает печать на руку каждого человека, чтобы все люди знали дело Его. (Иов. 37, 7)

Если мы посмотрим на свои ладони, то увидим эту «печать» — «линию жизни» и прочие «начертания». В течение тысячелетий существуют хироманты, которые по линиям руки «читают» судьбу человека. Спросим: почему человек Божий, Елиуй, говорит о хиромантии — как о том знании, которое Сам Бог дал людям? Разумеется, всегда встречаются как шарлатаны, так и те, кто, прикрываясь хиромантией, на самом деле служат нечистым духам. Однако Елиуй свидетельствует, что чистая, неискаженная хиромантия существует для того, «чтобы все люди знали дело

Его» — ту часть предначертаний Божьих касательно их судьбы, которая отражена на линиях ладони.

Однако важный философский вопрос, который здесь возникает, можно сформулировать так: разве всё, что с человеком происходит, полностью предопределено? Писание утверждает, что нет: когда человек подчиняется Закону Божьему, живет по Его заповедям, это может исправить или даже иначе направить весь ход его жизни, который был определен прежними его мыслями и поступками.

Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь — и живите! (*Иез. 18, 32*)

Значит, Бог дал человеку возможность выбора между подчинением естественному закону, который для человека предопределен («записан» на ладони), и тому высшему Закону, который принимается к исполнению сознательно и состоит в полном подчинении воле Господней...

О чем еще говорит Елиуй, проповедуя Иову? —

Внимай сему, Иов; стой и разумей чудные дела Божии.

Знаешь ли, как Бог располагает ими и повелевает свету блистать из облака Своего? (*Иов. 37, 14–15*)

Тот, кто хотя бы отчасти «разумет» (т. е. уже понимает и изучает далее) проявления премудрости Создателя в Его творениях, тот постепенно начинает познавать, как Бог «...повелевает свету блистать из облака Своего». «Облако» — это нечто закрывающее, прячущее, то, что «облекает». Бог как бы облекается природными явлениями, Он прячет Свою вечно действующую всемогущую силу за природными феноменами и позволяет «свету» Своего присутствия лишь изредка «блистать» из этого «облака». Он лишь отчасти, как бы намеком, дает человеку понимание того, как именно Он, Всевышний, действует в сотворенной Им вселенной. Но как только человек напрягает внутреннее «зрение», чтобы пристальнее взглянуть в упомянутый «свет», он словно бы становится недоступным, скрывается в «облаке». Поэтому всё в нашем мире есть и сокрытие Божественной славы и в то же время ее откровение. Например, материалистически мыслящего человека вряд ли получится убедить, что в мироздании вообще присутствует и, тем более, активно действует Бог: с его точки зрения, существуют лишь законы природы — для него духовная первопричина как бы наглу-

хо завешена «облаком». Но для верующих вышний свет из этого «облака» пробивается и блистает...

Далее, упомянув о «тьме» вещественного мира («Мы в этой тьме ничего не можем сообразить» — ст. 19), Елиуй продолжает:

Теперь не видно яркого света в облаках, но пронесется ветер — и расчистит их. (*Иов. 37, 21*)

В приведенных словах содержится явный намек на состояние самого Иова; Елиуй как бы утверждает: мол, для тебя, Иов, как явления природы, так и события твоей собственной жизни словно бы скрывают, заслоняют Бога, как облака — яркий свет. Но пронесется ветер («ветер» обозначается тем же словом, что и «дух»: נִיח *«рѹах»*) — и разгонит облака: Бог, если ты взыщешь Его всем сердцем, даст тебе увидеть Свое деяние ясно. И тогда духовный свет возблистает для тебя сквозь вещественные «облака» мира сего:

Светлая погода приходит от севера, и окрест Бога страшное великолепие. (*Иов. 37, 22*)

Теперь Елиуй уже прямо предупреждает Иова, что близок миг, когда Сам Бог соизволит заговорить с ним в «страшном великолепии». «Север» — в оригинале צָפוֹן *«цафѹн»*, что означает также «сокрытое», «тайное»: Бог откроется Иову, приоткрывая тайну Своего бытия...

Вседержитель! Мы не постигаем Его. Он велик силою, судом и полностью правосудия. Он *никого* не угнетает.

Посему да благоговеют пред Ним люди, и да трепещут пред Ним все мудрые сердцем! (*Иов. 37, 23–24*)

Материалисты-атеисты утверждают, что чем мудрее человек становится, тем менее он «трепещет», поскольку религия — это якобы наследие людей древних и некультурных, которые боялись грома, солнца, моря и т. д. и поэтому мыслили их в виде богов, коих необходимо было задобрить. Только глупцы, по мнению атеистов, «благоговеют», а мудрые — исследуют природу, и всякий страх у них пропадает, поскольку они постигают взаимосвязь явлений.

Совсем по-другому учит Елиуй. Он говорит о Вседержителе, которого «мы не постигаем»: если благоговеют перед Ним все люди, то «трепещут пред Ним» только «мудрые сердцем». Потому что чем более сердце умудрено, т. е. чем больше человек понимает,

тем сильнее «трепещет» он пред Богом; ведь для людей, мало размышляющих, Бог если и есть, то где-то далеко. Но теми, кто вникает в суть явлений, Он воспринимается как самый близкий: Он здесь и сейчас — каждый миг и на всяком месте; как же не трепетать пред Всесильным, Который присутствует сейчас и здесь?! Итак, согласно Елиую, чем более мудр человек, тем более он «трепещет» перед Богом.

Приведенные слова — заключительные в речи Елиуя, и именно они вплотную подводят Иова к встрече с Богом. В отличие от трех друзей Иова, Елиуй представил грандиозную, по-своему цельную, картину того, как Всевышний управляет миром. И теперь Иов подготовлен к непосредственной встрече со Всевышним, готов услышать голос Вседержителя.

В последних словах Елиуя в крайне сжатом виде содержится очень глубокое, по сути своей, поучение. Эти слова говорят прежде всего о том, что Бог — всемогущий и непостижимый Вседержитель, Который ко всем справедлив. Дав определение Бога как всемогущего, непостижимого и справедливого, Елиуй говорит потом о долге человека по отношению к Нему — о том, как тот должен расположить свое сердце перед встречей с Богом: «Посему да благоговеют пред Ним люди...» (37, 24). Благоговение перед Богом — значит страшиться Его и в то же время к Нему стремиться.

Благоговение — это не животный страх, именуемый תַּפֹּחַ *«páxah»* — «ужас», который охватывает человека, когда он, например, встречает льва на дороге. Благоговение, תַּרְאָה *«urá»* (слово родственно глаголу תָּרָא *«raá»* — «видеть»), есть состояние духа, в котором человек боится, но в то же время видит и понимает; его страх связан с любовью, а опасение согрешить соединено со стремлением к Сущности, вызывающей благоговение.

«Благоговение» и «трепет» соседствуют в изречении Елиуя, они взаимосвязаны. Что есть трепет? Это одновременно внутреннее и внешнее движение, содрогание. В Библии есть понятие «окаменелого сердца»; пророк от лица Всевышнего говорит:

...Возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное... (Иез. 11, 19)

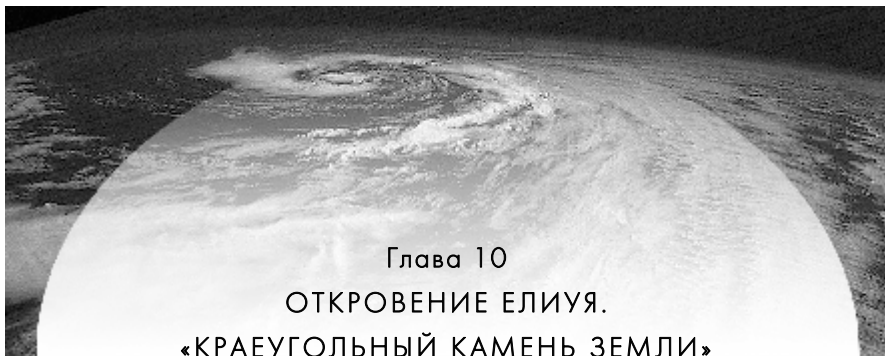
Сердце «плотяное» — это сердце трепещущее, отзывающееся на каждое прикосновение Божье, на каждое Его внушение, на каждый звук Его голоса, на каждое Его обращение: «...и да трепещут пред Ним все мудрые сердцем!» Сердце трепещущее — у тех, кто ощущает присутствие Бога. Большинство людей живет, увы, с поч-

ти целиком или отчасти «окаменелым» сердцем. Жизнь духовная не равнозначна биологической, сердце может быть «каменным», «мертвым», а вот когда человек начинает «трепетать сердцем», чувствуя близость своего Создателя, — это знак, что сердце оживает.

«Трепет сердца» — как раз то, к чему призывает Елиуй, и чего, видимо, недостает Иову: что-то произошло, при всей его праведности, с его сердцем, что оно не «трепещет» пред Богом; Иов, переносящий огромные духовные и нравственные (не говоря уж о физических) мучения, ищет именно «оживления» своего сердца.

В чем же, по Елиую, мудрость сердца? Она состоит в том, чтобы познать живущего в самом сердце Бога и сознательно сделать сердце Его святилищем, ибо оно создано для того, чтобы в нем обитал Бог. Мудр сердцем тот, кто это осознает и к этому стремится.

Словами о «мудрых сердцем» речи Елиуя завершаются.

Глава 10
ОТКРОВЕНИЕ ЕЛИУЯ.
«КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ЗЕМЛИ»

Перейдем теперь к важнейшему, ключевому месту Книги Иова — рассказу о том великом духовном прозрении, которое пережил Иов и которое оказало влияние не только на него и окружающих его людей, но и на всю историю человечества.

Итак, трое друзей Иова, изложив свои представления о смысле жизни и исчерпав все аргументы, наконец замолкли, ибо сказать им было более нечего; тогда заговорил Елиуй — непосредственный глашатай Всевышнего. И лишь после его «подготовительной» речи мы читаем потрясающие слова, которые как бы внезапно вторгаются в повествование и переносят нас в совершенно иное измерение бытия:

Господь отвечал Иову из бури... (Иов. 38, 1)

После того как великие мудрецы высказали о сути бытия всё, до чего смогли дойти своим человеческим разумом, — вдруг заговорил Тот, Кто превыше мысли и слова, Тот Кто дал человеку самую возможность мыслить. Величайший и самый таинственный миг жизни — когда Всевышний вступает в диалог со смертным, Творец — с творением... Но, углубляясь в Писание, мы видим, что именно для такого диалога человек и был создан. Мы помним, что этот диалог длился в Едеме до самого грехопадения Адама; что его прервало изгнание из рая и тогда человеческий дух облекся в «одежды кожаные» и погрузился в суету и тьму вещественного мира (Быт. 3, 21–23)... И Свой диалог с тех пор Всевышний возобновлял редко, и мало с кем, главным образом — с величайшими праведниками. Один из таких праведников — Енох, который «...ходил... пред Богом; и не стало его...» (Быт. 5, 24) — «не стало», ибо Господь вознес его в горний мир так, что он избежал физической смерти, и даже тела его не осталось на земле. Затем

в диалоге с Богом участвует Ной, потом Авраам. Хотя, как мы видим, Всевышний беседует главным образом с праведниками, есть и иные примеры, исключения: Господь обращался к Каину, Господь предупреждал Лавана («Берегись, не говори Иакову ни доброго, ни худого» — Быт. 31, 24) и т. п. — в какие-то критические моменты их жизни Создатель останавливал нечестивых или призывал к раскаянию.

Если вести речь о праведниках, чаще всего Он являлся для беседы с ними в тишине, наедине, тайно, так, что никто о том не знал. Это касается Ноя (окружающие насмеялись над ним, когда он строил ковчег, ибо они, в отличие от него, не имели никакого откровения свыше). То же относится к Аврааму, Исааку, Иакову, Иосифу — и так являлся Бог всем, кто жил до Моисея. Моисей — первый, кому Всевышний явился не тайно, не так, как впоследствии пророку Или — «в веянии тихого ветра» (III Цар. 19, 12), а на горе, в громе и пламени, при «звуке трубном», перед глазами всего Израиля. Подобное же видение — правда, в одиночестве, без других свидетелей — созерцал пророк Иезекииль: в бурном ветре и клубящемся огне явился ему Всевышний во всей Своей славе (Иез. 1, 4–27). Но в самом драматичном возобновлении диалога между Богом и человеком участвовал праведник, испытавший величайшие страдания, — Иов. Диалог, прерванный в Едемском саду из-за греха Адама, внезапно обретает здесь продолжение в кульминационный момент мучений Иова. И вот Всевышний вновь ведет Свой разговор с человечеством, которое представляет теперь этот великий праведник.

И первое, что мы узнаём: «Господь отвечал Иову из бури...» По-древнееврейски *הַרָעַם* «сэра́» — это бурный, клубящийся, мчащийся ветер пустыни, приводящий в хаос то, что находится в порядке; вихрь, исторгающий деревья с корнями, убивающий скот, разгоняющий людей, разрушающий их жилища... Что явление подобного вихря может означать в контексте повествования? Очевидно, символический его смысл относится к состоянию самого Иова: испытав крушение основ собственной жизни, он вдруг понял, что в его лице Господь продолжает Свой диалог с человечеством. Так иногда случается и с нами: Господь порой доводит нас до такого состояния, когда у нас не остается в жизни никаких опор, — и вот тогда становится слышен тот Голос, который иначе, в другом состоянии и при других обстоятельствах, человек бы не услышал. Или, услышав, убежал бы, подобно Адаму, спрятался «между деревьями сада» — между огромными, превышающими рост

человека, им самим выращенными обстоятельствами своей жизни, — и скрылся бы от Взыскующего. Здесь же — когда укрываться уже негде и опереться не на что — Господь отвечает страдальцу «из бури». Что же говорит Всевышний? —

Господь отвечал Иову из бури и сказал:

Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? (Иов. 38, 1–2)

Как можно «омрачить Провидение»? Что такое провидение? — По-древнееврейски עֵצָה «эца́» — «совет»; иногда в Писании данное слово имеет значение «промысел», «провидение», т. е. проявление заботы Бога обо всем мире, когда Он направляет всё ко благу, гармонизирует бытие. Но как можно омрачить этот источник высшего света? «Омрачающий промысел» — в оригинале $\text{הַצֹּלֵךְ הַשְּׁמַיִם}$ «махши́х эца́», т. е. «наводящий тьму на [предвечный] совет» — на решение Божье, на Его волю, на Им утвержденный мировой порядок. Обратим теперь внимание на самые первые слова Господа: הֲלוֹ אֲנִי «ми зе» — «кто сей?», «кто это?». Зачем Бог задает такой вопрос? О чем Всеведущий спрашивает неведающего? Ведь Богу, конечно же, прекрасно известно, кто перед Ним! И всё же Бог иногда в Писании обращается к человеку с вопросом, как будто бы Он нуждается в ответе. Хотя и сказано: «Бог отвечал Иову», но ведь Он отвечает... вопросом! Не отсюда ли знаменитое еврейское «ответить вопросом на вопрос»? И Бог, отвечая, Сам вопрошает!..

Кому в первый раз Бог задал вопрос? Адаму! Когда Адам согрешил, то услышал странные слова: אַיֵּהָא «айе́ка» — «где ты?» (Быт. 3, 9). А ведь вездесущий Бог, конечно, знал, и где Адам, и в каком состоянии он находится. «Где ты?» — это вопрос не неведения, но всеведения; это вопрос Того, Кто указывает человеку на его внутреннее состояние: подумай, до чего ты дошел, в каком состоянии оказался, — ты, бывший венцом творения!

Но Иов слышит от Господа другой вопрос: «кто сей?» Не «где?», а «кто?»... Бог словно бы спрашивает Иова: а всё ли ты знаешь о себе, всё ли помнишь? «Ми зе» — «кто сей?», но не הֲלוֹ אֲנִי «ми ата́» — «кто ты?»: вопрос задан как бы о ком-то постороннем, о третьем лице; Бог требует от Иова отвлечься от всех обстоятельств своей жизни, увидеть себя со стороны — вспомнить то, что самим Иовом запечатовано.

«Кто сей?» — после такого вопрошания Иову должна открыться его истинная сущность, непосредственно связанная с предысторией того положения, в котором он ныне оказался. Внезапно обрушив-

шиеся на Иова страшные беды — от потери детей и физических мучений до глубоко несправедливых, чудовищных обвинений, предъявленных ему друзьями, — оказывается, произошли не случайно. И вот Бог явился, чтобы показать Иову связь того, что было в начале, с тем, что произошло потом. В наше время Иова можно было бы сравнить с человеком, который, увидев из фильма всего несколько кадров, начинает одних героев осуждать, других оправдывать. Но он не знает сюжета и не понимает композиции фильма в целом. Таким же был Иов по отношению к своей собственной жизни, начавшейся не с того момента, который считал точкой отсчета сам Иов, а гораздо раньше...

Слова *הָיָה אֲדָרְכָהּ* «*махши́х эца́*», «помрачающий Провидение», «затемняющий совет [Божий]», возвращают нас не только к началу книги — спору обвинителя, сатаны, со Всевышним, но и намекают на некий изначальный «совет», «замысел», который имел Бог относительно всего творения. Что же это за замысел, и почему Иов его помрачает? Если мы рассмотрим речь Всевышнего в ее последовательности, то поймем, о чем Он спрашивает:

...Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?

Препопашь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне:

Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. (*Иов. 38, 2–4*)

Здесь говорится о промысле относительно Земли и всей жизни на ней. Поэтому далее речь идет о сотворении самой Земли — подробная, таинственная речь, сообщающая о замысле, касающемся этой планеты, о назначении Богом путей для тех духов, которые должны будут усовершенствоваться в земном мире. Очевидно, что имеется в виду не земля как суша, а именно Земля как планета, о которой сам Иов говорил так:

Он распростер север над пустотой, повесил землю ни на чем.
(*Иов. 26, 7*)

Иову было известно, что Земля «ни на чем» (т. е. без вещественных опор) висит в космосе (что было научно доказано примерно через 35 веков после той эпохи). Значит, речь идет именно об *אָרֶץ* «*эрец*» как планете.

Каково же «Провидение» — совет, замысел, промысел — относительно Земли? Почему вообще идет речь об основании Земли?

Судьба Иова как великого праведника неразрывно связана с самым смыслом земного бытия. Какой вопрос решается в споре Всемогущего с обвинителем — сатаной? Вопрос очень глубокий: чем быть Земле? Быть ли ей местом очищения и совершенствования воплощающихся на ней духов — тех, которые получают посредством земной жизни возможность взойти на следующую ступень «лестницы Иакова», приблизиться к Свету; или же быть ей местом мучения, истязания — одной из «темниц духов»? О такой темнице сказано в Писании:

...Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом,

Которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал,

Некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега... (*1 Петр. 3, 18–20*)

Следовательно, «темница духов» — это место, в котором мучаются духи, сознательно воспротивившиеся Богу. В Послании апостола Иуды также говорится о подобном месте, но только мучаются там уже не люди, а ангелы, восставшие против Божьей воли:

...И ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдают в вечных узах, под мраком, на суд великого дня. (*Иуд. 1, 6*)

Земля в прошлом могла и еще сейчас, увы, может стать одной из таких «темниц духов» — злые начала прилагают все усилия, чтобы превратить Землю в подобное место. Именно с этой целью всячески проповедуются и распространяются вампиризм, безудержный эгоизм, убийства, ненависть, скотский образ жизни, взаимодействие с демонами, приходящими под видом «пришельцев из иных миров», — всё это происки тех, кто мечтает выхватить Землю из цепи «обитателей» (Иоан. 14, 2), предназначенных для восхождения душ, чтобы сбросить ее вниз, растоптать живущих на ней, превратить ее в часть ада. Вот о чем говорил обвинитель, обращаясь ко Всевышнему: «Разве даром богобоязнен Иов?» (Иов. 1, 9). Вот, мол, даже сей величайший праведник, один из тех, «на ком держится земля», даже он служит Тебе только за подачки; отними их — и он перестанет служить Тебе и даже проклянет Тебя! Великий спор, в котором праведник является отнюдь не пассивным, а весьма активным действующим лицом, от которого очень

многое зависит, ведется не только на протяжении книги, но и на протяжении всей истории человечества. До сего дня идет эта борьба; и в наше время обвинитель человечества, сбросив всяческие маски и выступая с открытым забралом, стремится точно к тому же, к чему стремился и во дни Иова...

Итак, сатана постоянно просит Господа «понижить» Землю в ее статусе, указывая, что она недостойна быть обителью совершенствования духов: на ней якобы нет, да и не может быть ни одной души, которая способна к истинному бескорыстию, но всякий человек, напротив, предрасположен к падению, как только подвергнется испытаниям земной жизни.

И получается, что одна из целей существования праведников на Земле, одна из целей призвания народа Божьего — Израиля, а также и Церкви, собранной из всех народов, состоит в том, чтобы отстоять Землю, доказать ее способность служить духовному совершенствованию, чтобы «кровью Агнца» (т. е. самопожертвованием, ибо Агнец — символ жертвенной жизни) победить того клеветника, который клеветает день и ночь перед престолом Господним на Землю и на живущих на ней (Откр. 12, 10–11). И один из самых поразительных примеров достижения этой цели, победы в духовной борьбе — житие Иова.

Итак, сам смысл бытия Земли глубоко связан с жизнью праведника, в данном случае Иова, и Бог для того, чтобы нечто важное ему объяснить, обращается к истории создания нашей планеты: «Где был ты, когда Я полагал основания земли?» (38, 4).

Как мы уже сказали, *הַצֹּדִים הַשְּׁמַיִם* «*махши́м эца́*» означает «омрачающий [или: затемняющий] промысел». Теперь становится понятным, почему так охарактеризован Иов. Потому что он своим ропотом, своим сомнением в справедливости и благости Творца помрачает замысел о праведниках — замысел о том, чтобы сохранить и поддержать статус Земли, чтобы не дать ей окончательно пасть и скатиться в темную бездну ада. Поэтому речи Иова и названы «речами без смысла»: «...кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?» (38, 2). Но мы должны подчеркнуть со всей категоричностью, что Иов не преступил границы между праведностью и нечестием, ведь все его слова раздаются в защиту Света. Он не похулил Творца, не сказал ничего, что могло бы вычеркнуть его самого из списка праведников и доставило бы торжество обвинителю.

И вот Бог говорит Иову:

Препояшь ныне чресла твои, как муж... (Иов. 38, 3)

По-древнееврейски גבר *g'éver* — это «сильный мужчина», «герой», «богатырь», воинствующий и неколебимый. «Препояшь... чресла твои...» — а когда чресла препоясывали? Готовясь к бою, к военному походу, да и просто собираясь в путь, препоясывались, надевали обувь, брали в руки посох и выходили из шатра со всей решимостью сражаться или достигнуть цели. «Препояшь... чресла...» — т. е. стань мужественным, ибо тебе будет явлена истина; тебе будет сообщено то, что до тебя еще не было поведано никому на земле.

И следующий задаваемый Творцом вопрос начинается со слов חַיִּיךָ הַיָּמִינִים *эйфó жаййита* — «где ты был?»:

...Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. (Иов. 38, 4)

Бог никогда не вопрошает напрасно и никогда не спрашивает о том, на что ответа нет. Всякий вопрос, заданный Всевышним, имеет глубокий смысл для тех, кому задается. «...Где был ты?..» — когда? «...Когда Я полагал основания земли». Сопоставим это с вопросом, который услышал Каин после убийства им брата: «Где Авель, брат твой?» (Быт. 4, 9), — и с вопросом, который задан был самому Адаму после его грехопадения: «Где ты?..» Смысл адресованного Адаму вопроса — в каком состоянии находишься? Иов же в данной, известной ему жизни не грешил. Поэтому вопрос «где?» может относиться только к его прежним существованиям: где ты был, на чем преткнулся, каким образом вступил в обитель тьмы — в те времена, «...когда Я полагал основания земли?»

Мы спросим: а существовал ли Иов тогда, мог ли «быть» Иов «в те времена»? Ведь человек еще не был тогда сотворен; Адам был создан только на Шестой День творения, а «основания земли» (при любом истолковании дней творения — в смысле буквальных дней или же огромных эпох) были заложены в Первый День: «В начале сотворил Бог небо и землю». А Иов, отдаленный потомок Адама, — как он мог существовать в то время, когда и самого Адама-то еще не было? И тем не менее Бог спрашивает сурово и прямо: «Где был ты?..», и вопрос этот игнорировать невозможно.

Зачем задается вопрос? Всякий раз мы видим, что Бог спрашивает, чтобы человек опомнился. Когда Он спросил Адама, то

Адам встрепнулся и утратился: он предстал на суд как ответчик... Когда Бог впервые спросил Каина, то Каин лишь промолчал:

И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твое?.. (Быт. 4, 6)

Ответа нет — молчит Каин и в глубине своей злобной души таит месть, зависть, злобу. Но на второе вопрошание Господа Каин уже отвечает, потому что его обьял ужас:

И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой?.. (Быт. 4, 9)

И что же ответил Каин? —

...Разве я сторож брату моему? (Быт. 4, 9)

Итак, Адама Бог вопрошает, чтобы дать ему понять, в каком состоянии тот оказался; Каину сначала задает вопрос, чтобы предупредить, а потом — чтобы вызвать покаяние; но зачем Он вопрошает Иова — и о чем? О чем-то трудно постижимом: «Где был ты?..» Одно дело — вопрос о том, где ты сейчас, или — почему у тебя в сердце злоба, и где твой брат; и совсем иное — вопрос о том, где ты находился, когда Бог полагал основания Земли... Но уж коль скоро такой вопрос задан, значит есть что вспомнить Иову...

Что именно пришло на память Иову, какие необозримые горизонты бытия открылись перед ним, из какой узости, из какого ущелья первоначального, «темного» миропонимания он вышел на простор — об этом мы поговорим несколько позже. А сейчас вчитаемся в сказанное Господом о Земле — как она была основана, и подумаем, почему так подробно здесь об этом говорится.

...Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь.

Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь?

На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее

При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? (Иов. 38, 4–7)

«...Когда Я полагал основания земли» — здесь употреблен древнееврейский глагол **וָבַן** *‘yācād*, означающий «утверждать», «осно-

вывать», «строить фундамент»: בְּיָסָדָהּ *бэ-йасди́* — т. е. «при утверждении Мною» (заметим, что глагол יָסָד *йасад*) звучит сходно с русским «посадить», «насаждать [где-то, на чем-то]»). Так на чем же основана Земля, согласно Книге Иова? В этой древнейшей книге космогония излагается очень своеобразно и необычно.

Выше мы уже читали, что Земля «повешена ни на чем» (26, 7); значит, она «утверждена», «основана» на принципах, представляющих собой различные физические законы: Земля «висит» в пространстве — и тем не менее она «утверждена»: созданные Богом законы мироздания являются незыблемым фундаментом ее существования — она никуда не «сдвигается», ее орбита постоянна, и преемственность жизни на Земле обеспечена именно этим «фундаментом». Никакое «случайное» стечение обстоятельств не смогло бы «повесить Землю ни на чем» на таком расстоянии от Солнца, чтобы на ней могла существовать белковая жизнь, притом столь разнообразная; чтобы от наклона земной оси зависело чередование времен года в разных частях света; чтобы было обеспечено преемственное продолжение каждого рода и вида живых существ путем произведения потомства и т. д. Даже малейшее живое существо на Земле, а тем более человек, неоспоримо свидетельствуют сложностью и целесообразностью своего строения о мудрости Того, Кто саму Землю «утвердил».

Однако глагол יָסָד *йасад* имеет и переносный смысл: «утвердить» — значит сделать духовно твердым, неколебимым. Правомерен вопрос: каков же «духовный фундамент» Земли, какие духовные цели послужили «основанием» для ее сотворения? Ведь в Творении замысел предшествует всему: Бог ведает последствия прежде, чем творит причины, а это значит, что последствия духовно предшествуют своим причинам в Божественном предопределении. Сначала задается цель, а потом изыскиваются или творятся средства для ее осуществления, согласно сказанному:

Я возвещаю от начала, что будет в конце... (Ис. 46, 10)

Так на чем же «утверждена» Земля в смысле своих конечных целей, своего предназначения? Мы уже отчасти касались данной темы: Земля «основана» на том, что предназначена стать прекрасным местом для обитания и совершенствования духов. Сад Едемский (первоначально находившийся на Земле) был изумительно гармоничен, и вся красота, наблюдаемая нами ныне, — слабый отблеск того великолепия, которое Бог придал планете при ее сотво-

рени. Грехопадение заставило Землю «пасть» — она как бы зашаталась и заколебалась:

...Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней... (Ис. 24, 20)

В тот момент как раз и был действительно задан вопрос: остаться ли Земле местом духовного восхождения, восстанавливаться ли ей в этом качестве — или же окончательно пасть, «покатиться вниз»? Всевышний сказал Адаму: «...проклята земля за тебя...» (Быт. 3, 17). Выражением «за тебя» в Синодальном тексте передано слово בְּעִבְרָךָ *«баавурэха»* — «из-за тебя». Это проклятье Земли длится, увы, и по сей день. Но исходная духовная «основа» Земли была благословенной — и именно поэтому Земля творилась, как сказано далее,

...При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости... (Иов. 38, 7)

Изумительные, поэтически совершенные слова; их величие и глубина сохраняются и в переводе. О каких же «утренних звездах», которые «ликовали» при сотворении Земли, говорится здесь? Что за «сыны Божии» восклицали при этом? Когда творилась Земля, «утренние звезды», т. е. восходящие в духовном смысле миры, ранее существовавшие (ведь «небеса» со множеством галактик, состоящих из звезд и планет, были созданы ранее «земли» — Быт. 1, 1), «ликовали», потому что творился новый прекрасный мир: и духи, населявшие эти «звезды», понимали, что перед их собратьями, стоящими на более низких ступенях, раскрывается обширное поприще для дальнейшего развития, для воплощения в новых условиях. Ангелы (высшие духи, которые должны были покровительствовать будущим жителям вновь творимых миров) — «сыны Божии» — «восклицали от радости», и их миры, уже существовавшие, радовались сотворению Земли и ее будущим обитателям.

Что же говорится о тех «мерах», тех «параметрах», которыми руководствовался Создатель при сотворении Земли? —

Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? (Иов. 38, 5)

Словом «мера» (в единственном числе) переведено множественное число оригинала: מְמָדָי *«мэмад'эйга»* — «меры ее», от מִדָּה *«мидá»* — «мера измерения». Что такое «меры» Земли? С одной

стороны — ее размеры, наклон оси, удаленность от Солнца, внутреннее строение; с другой — соотношение ее вещественных, энергетических и духовных «оболочек». А в духовном плане — это «меры», согласно которым Бог «отмеряет» уделы сынам человеческим на Земле; сюда входят взаимосвязь воплощающихся духов, череда их рождений, последовательность веков и событий, наконец, многочисленнейшие связи между людьми. Таковы меры Земли — физические, душевные и духовные.

Что сказано далее? «...Кто протягивал по ней вервь?» Церковнославянское «вервь» означает «веревка»; имеется в виду измерительный шнур строителей. Однако по-древнееврейски קַב «кав» — также и «черта», «граница». Это значит, что на Земле были установлены как географические границы (между различными климатическими поясами, морями и океанами, материками), так и духовные — например, между нашими желаниями и возможностями; были положены пределы нашему земному существованию, нашим стремлениям. Всё это Господь обусловил — и назначил для людей

...Предопределенные времена и пределы их обитанию,

Дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас:

Ибо мы Им живем, и движемся, и существуем... (Деян. 17, 26–28)

Если бы не были положены границы земной жизни, падший человек никогда не взыскал бы Господа. Если бы он оставался в своем грехопадении бессмертным, то еще более погряз бы во зле и суете, его не заставляли бы задумываться о вечности болезни, несчастья, смерть... Границы, поставленные нашим желаниям, заставляют нас хоть немного отвлекаться от суетного и помышлять о вечном. Именно для того и поставил Он «пределы» обитанию сынов человеческих — временные и пространственные, чтобы они «взыскали Господа». Вот та «вервь», тот «измерительный шнур», который простирается и на наши судьбы.

Что еще сказано об «утверждении» Земли? —

На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее...? (Иов. 38, 6)

«Основание» и «камень»... «Основания ее» — в оригинале פִּיטָא «аданэйга»; יָטָא «эдэн» — это «подстава», «подножие». На каких основах «стоит» Земля? На физических законах. А каковы духовные «основы» Земли? В Притчах Соломоновых читаем:

Как пронесится вихрь, так нет более нечестивого; а праведник — на вечном основании. (Прит. 10, 25)

Таково одно из возможных пониманий текста; если же прочесть вторую часть стиха в оригинале, то можно понять ее и иначе: **יְסוּד עוֹלָם וְצַדִּיק יְסוּד עוֹלָם** *«вэ-цадик йесод олам»* — «а праведник есть основа мира». Именно на праведниках «основана» Земля как на незыблемых столпах, которые ее поддерживают. Но коль скоро праведник — основа мира, основной вопрос состоит в том, сумеет ли он сохранить себя в качестве праведника во всех испытаниях — и устоит ли, следовательно, Земля как место, открывающее воплощающимся в нем духам возможность совершенствования? Ведь если «падут» все праведники (а местность, в которой не насчитывается десяти праведников, истребляется — Быт. 18, 24–32), то и вся Земля не сможет более существовать. «На чем утверждены основания ее...?» — спрашивает Господь, как бы напоминая Иову о его собственном призвании, цели и смысле его жизни.

Прочитаем внимательнее стих 6 главы 38 в оригинале. Он начинается со слов: **עַל-מַה אֲדַנֵּיָהּ הַטְּבָעוֹ** *«аль-ма аданеййа жатбау»* — «на чем основы ее от природы установлены». Тут употреблен глагол **טָבַע** *«таба»*, который одновременно означает «погрузить», «устроить в соответствии с природой» (ср.: **טָבַע** *«тев'а»* — «природа») или «запечатать», «наложить печать» (**טָבַעַת** *«табаат»* — «перстень-печатка»). Если перевести стих, исходя из последнего значения глагола, то перед нами вопрос: «...чем основы ее [т. е. Земли] запечатаны?..» Земля предстает при таком понимании неким свитком, содержание которого удостоверено печатью. Значит, праведники своей верностью, свидетельством своей преданности Богу «запечатывают», т. е. обосновывают решение о Земле как о мире совершенствования, а не разрушения и наказания.

Итак, Земля устоит, если только устоят праведники. И это самое первое, что сказал Всевышний Иову, отвращая его взор от трагических обстоятельств его собственной жизни. Иов еще как бы мало что видит, он еще «младенец» в духовном смысле. И вот Господь отверзает его духовные очи и показывает ему его истинную роль — не ту, в которой он потерпел полное фиаско («Даже малые дети презирают меня...» — 19, 18), и которая, казалось бы, сыграна так, что от ее исполнителя отвернулись все зрители... Господь показывает космическую роль Иова, которая столь велика, что, исполняя ее, он поддерживает всю Землю своей праведностью. И в этом смысле сама жизнь Иова является ответом на

последний вопрос Господа относительно Земли: «...кто положил краеугольный камень ее?»

«Краеугольный камень» — это камень основной, поддерживающий всё здание. В Писании есть два определения для такого камня: אבן שתיא *«эвен штийá»* — «камень основания», «камень положенный» и אבן פנה *«эвен пинá»* — «камень краеугольный», буквально «угловой камень», на котором держится угол дома. В данном случае употребляется второе выражение: אבן פנתא *«эвен пинатá»* — «камень утверждения ее», «камень ее угла». Что же это значит? В собственном смысле слова «краеугольным камнем» Земли назывался тот камень, который, по преданию, показался первым из первобытных вод, когда Господь сказал:

...Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша.... (*Быт. 1, 9*)

Упомянутый камень находится в Иерусалиме, на горе Мория, на месте Святого святых Храма Соломона. По преданию, на этом самом камне Авраам связал Исаака, когда, по повелению свыше, собирался принести его в жертву. На этом же камне в Святом святых Храма стоял ковчег со скрижалями завета. Во втором Храме ковчега уже не было (его скрыл в тайнике пророк Иеремия), но первосвященник по-прежнему входил в Святое святых однажды в год, и камень оставался святыней. Спустя около трех столетий после разрушения второго Храма на этом месте была возведена христианская церковь; впоследствии, в 637 году, халиф Омар, вступив в Иерусалим, стал строить знаменитую мечеть Кúб-бат-ас-Са́хра («купол скалы») над местом древнего Храма. И до сих пор «краеугольный камень» Земли, расположенный в центре упомянутой мечети, чтится мусульманами как одна из величайших святынь.

Что же означает в духовном смысле «краеугольный камень»? Такое именование прилагается к Мессии как основе восстановления всего человечества:

...Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла... (*Матф. 21, 42*)

Мессия, согласно новозаветным Писаниям, есть «краеугольный камень» спасения человека: он повернул земной мир от падения к восхождению; он не дал злым силам окончательно овладеть

Землей; с его Голгофской жертвы началось новое откровение Духа на Земле, возрождение живущих на ней.

Почему же «краеугольный камень» упоминается в связи с Иовом? Потому что Иов к нему причастен, он один из прообразов Мессии, страдающий праведник; он один из тех немногих, на ком стоит и кем держится Земля. Вот о чем напоминает Всевышний ропщущему Иову, укрепляя его, перед тем как открыть его восприятию бесконечные просторы духовных и вещественных миров, дабы, переносясь в них, праведник понял смысл своих страданий и свое предназначение.

Глава 11

ГОЛОС ВСЕВЫШНЕГО.

«ОТВОРЯЛИСЬ ЛИ ДЛЯ ТЕБЯ ВРАТА?»

Большинство глав Книги Иова отведено рассуждениям и спорам, противостояниям и возражениям. И в конце вдруг оказывается, что всё, сказанное прежде, имеет отношение не столько к сути проблемы, сколько к «расчищению проходов» к ней, «проложению путей» для ее решения и представляет собой своего рода инструментарий. О чем, собственно, шла речь в уже рассмотренных нами главах? О выборе инструментов для познания истины: где эти инструменты найти, какой набор инструментов наилучший — тот ли, который основывается на частичном откровении, или тот, который апеллирует к преданию, или тот, который опирается на логическое исследование? Все эти учения — как бы ящички, в которые сложены инструменты для познания истины. С какими наборами инструментов можно попробовать подступиться к истине, мы уже поняли; но еще ничего не было сказано о самой истине.

Последний из выступавших, Елиуй, доказал, что истина постигается только через личное откровение. Но Елиуй постоянно получает такие личные откровения; Иов же пока их не имеет, а потому не может рассчитывать на непосредственное познание истины и воспринимает ее «с чужих слов». И вот теперь Иов должен обрести наконец доступ к самой истине — пережить прямое личное откровение свыше. Чего жаждет душа его более всего, к познанию чего подвели его все страшные страдания и испытания? К возможности «отверзания слуха»:

Он спасает бедного от беды его и в угнетении открывает ухо его. (*Иов. 36, 15*)

Между Говорящим — Божьим Словом–Логосом и слышащим — человеком стоит множество стен. Если они не устраниются раз-

мышлением, покорностью, исполнением заповедей, то чем остается их сокрушить? Страданием. Именно «в угнетении» Господь «открывает ухо». Какое же откровение запечатлеет Бог в сознании Иова после разрушения всех стен, удаления скорлуп, оболочек, завес, мешающих восприятию? Это должно быть откровение о самом главном: о сущности человеческого духа, о его путях и, следовательно, о смысле жизни на Земле, о ее предназначении как арены совершенствования человеческого духа.

Господь отвечал Иову из бури и сказал:

Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? (Иов. 38, 1–2)

Обратим внимание на значение сказанного: «Господь отвечал Иову из бури...» Обычно Господь говорит тихо, незаметно для окружающих, будь то во сне или наяву, но в какие-то важные исторические моменты Богооткровение сопровождается грозными природными явлениями. Вспомним, что именно таким и было откровение на Синае, когда весь народ видел огонь и гром и, воспринимая речения Бога, находился на грани жизни и смерти; и потому люди в страхе стали просить Моисея, чтобы Господь далее передавал Свое откровение через него... (Исх. 20, 18–19). Так узрел Всевышнего и Иезекииль: в буре, идущей с севера, в громе и сверкании, окруженного грозными и непредставимыми для человека высшими существами (Иез. 1).

И вот — еще одно откровение в буре, которое происходит на грани возможного, на грани понимания, — явление Господа страдальцу. И первое определение, которое Бог дает Иову, такое: «омрачающий Провидение словами без смысла». Иов «омрачает» Божий замысел своей неспособностью понять пути Божьи и смысл собственной жизни. И Бог продолжает вопрошать далее, притом каждый вопрос сущностно важен.

Из сказанного Богом о «ликновании утренних звезд» и «восклициании от радости всех сынов Божиих» при сотворении Земли (38, 6–7) мы выводим, что до этого уже существовало множество миров. Земля — только одна из планет в одной из солнечных систем нашей галактики. Что же, это самая большая солнечная система? Нет, одна из небольших, средней величины солнечных систем, каких очень много. Разве Солнце — одна из самых больших звезд? Нет, звезда средней величины, есть гораздо большие, в тысячи раз большие, чем Солнце. И вот, глядя на эту огромнейшую вселенную, мы задаем вопрос: неужели она вся сотворена

ради одной малой планеты, на которой проходит наша жизнь? Достаточно посмотреть на вселенную с точки зрения современной космологии, чтобы в этом усомниться — и, прямо скажем, ответить на заданный вопрос отрицательно! В Книге Исаии мы читаем:

...Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья. (Ис. 40, 22)

Значит, есть множество обитаемых миров, о которых Иисус сказал ученикам, расставаясь с ними:

В доме Отца моего обителей много. А если бы не так, я сказал бы вам: я иду приготовить место вам. (Иоан. 14, 2)

«Дом Отца» — что здесь имеется в виду? Весь мир, ведь пространство вселенной, «небо», — это престол Господень (Ис. 66, 1). Пророк Варух восклицает:

...Как велик дом Божий, и как пространно место владычества его!
Велик он и не имеет конца, высок и неизмерим. (Вар. 3, 24–25)

Поэтому Иисус продолжает, обращаясь к апостолам:

И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к себе, чтобы и вы были, где я. (Иоан. 14, 3)

Следовательно, дальнейшее существование духов, прошедших земную жизнь и успешно закончивших эту школу, продолжится в мирах более высоких, куда их возведет Христос.

Рассказ о том, почему Земля до сих пор постоянно находится в борении, колеблясь между небом и преисподней, содержится в Книге Бытия. Ведь Адам был создан совершенным существом — сотворен по образу Божьему, ему были подчинены все земные твари и дана была единственная заповедь. И эту заповедь Адам нарушил, выйдя из повиновения Богу. Затем он услышал: «Проклята земля за тебя» («за тебя» — в смысле «из-за тебя»). То есть та планета, которая должна была служить ареной совершенствования духов, откатилась далеко-далеко во мрак, оказавшись в положении, описанном в Евангелии:

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. (Иоан. 1, 5)

В этой тьме доселе светит свет, и он не гаснет: не становится Земля одной из адских обителей, одним из мест мучения. Но и не

просвещается, как должно, вышним светом, находясь в промежуточном состоянии.

Вот почему так важна судьба Иова: он один из тех, кому дано держать факел в ночи, чтобы люди не оказались в полной тьме (ср.: Иов. 12, 5). И он должен достойно и благородно нести светоч вопреки всем своим мучениям.

Если бы сейчас взглянули на Землю обитатели «утренних звезд» — сыны Божьи, разве воскликнули бы они от радости? Почему же Земля находится в таком состоянии, ареной чьей жизни, обителью каких духов она теперь оказалась? Конечно же, на ней стали воплощаться духи гораздо низшие по сравнению с теми, какие могли бы здесь пребывать, не будь Земля проклята из-за Адама.

Следующий стих рассматриваемой главы тоже начинается с вопроса:

Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева,

Когда Я облака сделал одеждою его и мглу — пеленами его...? (Иов. 38, 8–9)

Рассмотрим сначала буквальный смысл стиха. Если бы Бог не «затворил море воротами», не поставил определенных границ океану, континенты не могли бы стать «подмостками жизни» для человечества.

...Меня ли вы не боитесь, говорит Господь, предо Мною ли не трепещете? Я положил песок границею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут. (Иер. 5, 22)

Казалось бы, видимых «ворот» у моря нет, оно не сдерживается ничем, кроме песка или камней побережья: почему же во время прилива волны не преступают своей границы? Кто, с помощью Луны, управляющей приливами, положил им предел? Конечно, Бог; Он создал для моря невидимые «ворота», из которых ему не дано «выйти» (38, 8)... Значит, Бог не закончил творение Земли тем, что поместил нашу планету на определенном расстоянии от Солнца и населил ее; Он управлял Землей и далее — распределил территорию между водным пространством и сушей и таким образом дал человечеству существовать более или менее безопасно даже вблизи морей. А для скольких народов море является сокровищницей и источником жизни!

Описание моря Иеремия продолжает в следующих стихах:

...Хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут.

А у народа сего сердце буйное и мятежное; они отступили и пошли... *(Иер. 5, 22–23)*

Иеремия сравнивает сердце человека с морем: море не преступает заповедь Божью, а сердце — преступает («отступили и пошли»), переполняясь эгоизмом, завистью, ненавистью.

Что же касается слов о море, обращенных Творцом к Иову — каков их духовный смысл? Что уподоблено морю в Писании? Прежде всего — волнение народов:

...Шум народов многих! шумят они, как шумит море.... *(Ис. 17, 12)*

...Воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди, и народы, и племена, и языки. *(Откр. 17, 15)*

Множество народов, всё человечество уподобляется морю, вечно волнующемуся:

...Видел я в ночном видении моем, и вот, четыре ветра небесных боролись на великом море,

И четыре больших зверя вышли из моря, не похожие один на другого. *(Дан. 7, 2–3)*

Это — «море народов»: четыре великие державы, духи-покровители которых сражались между собой, вышли из него. Но море символически соотносится и человеческой душе, человеческому сердцу: не зря у Иеремии сказано, что море не преступает заповедь Божью, а сердце человеческое ее преступает. Почему же душа уподобляется морю?

Великий украинский философ Григорий Сковорода сказал о душе: «Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес». Многим поэтам и мыслителям приходило на ум, независимо друг от друга, что наш внутренний мир подобен морской бездне со множеством волн — желаний, стремлений, мыслей: «Дума за думой, волна за волной — // Два проявленья стихии одной...» (Ф. Тютчев).

Так вот, разговор о смысле жизни и предназначении Иова Бог начинает с упоминания сотворения не только земли, но и моря:

Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева... *(Иов. 38, 8)*

Кто, рождаясь, выходит из чрева? Сам человек. И он, выходя из чрева, уже обладает душой непокорной и самовластной, которая стремится к исполнению собственных желаний, а не воли Божьей. Поэтому Бог с самого начала «затворяет» для души человека многие возможности. Например, человек рождается существом слабым; если б он рождался сильным, трудно представить, какие бы разрушения он совершал, едва родившись. Он нуждается в материнской любви и ласке, отдан во власть матери и близких родственников, беспомощен и опекаем. Вот какими «воротами» заграждает Бог стремления человека уже при самом появлении его на свет.

Если бы человек, рождаясь, помнил о предшествующем своем существовании, обо всём, что было прежде, это очень сильно повлияло бы ему на новом пути: он не мог бы простодушно заполнить заново вновь раскрытую «чистую страницу» своей жизни. И величайшая милость Божья состоит в том, что Он сокрывает прошлое от человека. Ведь мы встречаемся в этом мире с теми, кого, быть может, прежде ненавидели, страшно обидели, а также с теми, кто обидел нас; и теперь имеем возможность, взаимно забыв о минувшем, исправлять прошлое, делать добро. А если бы мы помнили прежнее, то в нас могли бы вновь пробуждаться те же недобрые чувства и было бы крайне трудно начать всё заново.

...Когда Я облака сделал одеждою его и мглу — пеленами его...
(Иов. 38, 9)

Ибо дано человеку забыть то, что он видел и познал в прошлой жизни и в духовном мире: «мгла и облака» покрывают на время его душу, чтобы в новых обстоятельствах он мог действовать с новыми силами.

...И утвердил ему Мое определение, и поставил запоры и ворота... (Иов. 38, 10)

Нуждается ли море в «определении», т. е. в Божьем приказании, способно ли оно его услышать? А вот душа человека может и должна услышать «определение» Божье; для нее оно и утверждено в качестве Божьего Закона, Божьего Учения. Но какие же поставил Бог «запоры и ворота»? Он установил «запоры» на тех «воротах» духовных возможностей человека, которые в случае покорности отворятся, а в случае противления останутся запертыми. И чем более человек противится воле Божьей, тем более сужаются

возможности его духовных проявлений в мире; а чем более он покоряется, тем больше эти возможности расширяются.

...И сказал: доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим... (Иов. 38, 11)

Бог утвердил для человека в Своей премудрости сроки его жизни: «Доселе дойдешь и не перейдешь...» Можно ли сказать буквально о море, что волны его надменны, что оно обладает гордыней? Но человек очень часто надменен, самовластен, хочет жить, следуя собственной воле, а не так, как назначил ему Бог. Но Творец кладет этому предел — смертью, страданиями, различными переживаниями: «...здесь предел надменным волнам твоим...»

Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее,

Чтобы она охватила края земли и потряхнула с нее нечестивых,

Чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда,

И чтобы отнялся у нечестивых свет их и дерзкая рука их сокрушилась? (Иов. 38, 12–15)

Удивительно, на первый взгляд, что заря — явление, ежедневно наблюдаемое нами, — каким-то образом связана с сокрушением нечестивых. Но начнем с 12-го стиха: «Давал ли ты [т. е. Иов]... приказания утру и указывал ли заре место ее...» — а зачем, собственно, что-либо указывать заре? То, что Земля вращается вокруг своей оси, установлено Всевышним с ее сотворения; неужели теперь для поддержания ее вращения требуются какие-то особые приказы? Даже земной царь лишь один раз приказывает, и его приказ исполняют все; а Бог, оказывается, каждый раз приказывает заре и утру... Но этими словами Бог сообщает Иову, что ни один процесс в природе не происходит сам по себе, не является бездушным, механически повинующимся когда-то установленному закону. О Боге говорится, что Он обновляет творение Свое каждый миг, что Он творит всегда. Когда спросили Иисуса Христа, почему тот исцеляет в Субботу, день покоя Божьего, он ответил удивительными словами:

...Отец мой доныне делает, и я делаю. (Иоан. 5, 17)

То есть всё, что происходит в мире, совершается по указанию или попущению Божьему, в конечном счете всё делает Бог. И солнце

светит не само по себе — нет, Бог дает ему силу светить. И когда настает утро, его приводит Бог. Только нам, чьи души удалились от Создателя, кажется, что всюду царствует некий природный закон, а Бог как бы «отстранился» от мира. Это деистический взгляд, не признающий прямого участия Бога в процессах, происходящих во вселенной. На самом деле всё происходящее есть откровение Всевышнего, и если Он хоть на миг устранил Свой Дух от творения, оно исчезнет, как говорится в псалме:

Дашь им — принимают, отверзаешь руку Твою — насыщаются благом;

Скроешь лицо Твое — мнутя, отнимешь дух их — умирают и в персть свою возвращаются... (Пс. 103, 28–29)

Бог как всеоживляющая Сила, как Начало начал, Источник бытия присутствует во всём. И по Его мановению каждый раз восходит заря:

...И указывал ли заре место ее,

Чтобы она охватила края земли и стряхнула с нее нечестивых... (Иов. 38, 12–13)

— как это необычно звучит! Между тем, согласно медицинской статистике, бóльшая часть естественных смертей происходит именно на заре, в предзвездный час... Заря как бы «стряхивает» с земли тех, для кого настал срок ухода, кладет конец нечестию их жизни — человек умирает и освобождается от дальнейших грехов; буквальный смысл этих слов ясен. Почему так происходит? Вероятно, за ночь человек, уже близкий к кончине, настолько ослабевает (все-таки свет дня дает силу), что не доживает до утра. Но приведенные слова имеют и другой, более глубокий, смысл...

Коль скоро говорится об утре и заре, вспомним слова Писания об «утре праведных»:

...Для вас, благоговейшие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах его... (Мал. 4, 2)

Это сказано о дне Последнего суда, когда Земля обновится, о том «утре», которое, по словам Исаии, наступит после глубокой и долгой «ночи» человеческой истории:

...Кричат мне с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи?

Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите. (Ис. 21, 11–12)

Значит, в конце «ночи», перед наступлением утра мессиянской эры мы и живем. Когда это утро, по приказанию Господа, наступит, оно «...охватит края земли и стряхнет с нее нечестивых...», ибо нечестие окончится, а Земля обновится и изменится. Как она изменится и для чего — мы сейчас прочитаем.

В Книге Малахии оба события — восхождение Солнца правды и погибель нечестивых — соединены:

Ибо вот, придет день, пылающий, как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут, как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь воинств, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей.

А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах его... (Мал. 4, 1–2)

При восхождении Солнца правды, т. е. при наступлении мессиянской эры, Земля изменится: до этого времени она пребывает, как место исправления виновных человеческих духов, на грани меж светом и тьмой, жизнью и смертью. Она — арена бытия тех духов, от которых и зависит, чем далее быть Земле — миром адским или миром совершенствования. Но в мессиянское «утро» Земля переменит свою природу:

...Чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда... (Иов. 38, 14)

Мы уже упоминали о том, что на Древнем Востоке пользовались вырезанными из камня или кости перстнями-печатами, с помощью которых делали оттиски на глиняных табличках, и «глина изменялась», т. е. на ней появлялись те или иные надписи и изображения. Если до этого глина была неоформленным, как бы хаотическим, веществом, то теперь она становилась изделием рук человеческих, несла на себе печать мысли. Так будет и с нашей планетой: Господь поставит на ней Свою «печать» — и она «изменится», т. е. жизнь на ней станет всецело просветленной, осмысленной, согласной с заповедями и предписаниями Всевышнего. И еще сказано, что Земля будет, «как разноцветная одежда». Ведь при восходе солнца окружающее становится цветным! Если до рассвета всё представляется каким-то смутным, одноцветным, то

теперь взгляд различает множество красок. Так произойдет и с Землей — жизнь на ней будет «цветной», т. е. радостной и в высшей степени осмысленной. Земля духовно возвысится и станет одним из миров радости, познания и совершенствования. Что же произойдет тогда со злодеями и с самим злом? —

...И чтобы отнялся у нечестивых свет их и дерзкая рука их сокрушилась... (Иов. 38, 15)

— тогда окончится власть нечестивых: их на Земле не останется. Во время Последнего суда, как мы знаем, они услышат свой приговор:

...Идите... проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его... (Матф. 25, 41)

Духи нечестивых будут отправлены в низшие миры и лишены возможности совершенствования на Земле: те, кто до конца противился Господу, заново начнут свой путь исправления в иных местах, они будут «отрезаны» от остальных обитателей Земли — «истребятся из народа своего» (Лев. 23, 29).

...Следующий стих говорит:

Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны? (Иов. 38, 16)

Какой же смысл имеет этот обращенный к Иову вопрос? Мы уже говорили, что «море» и «бездна» — образы человеческой души. Духовный смысл сказанного таков: исследовать душу и сердце — исключительное право Господа. В Писании мы читаем:

Лукаво сердце *человеческое* более всего и крайне испорчено; кто узнает его? (Иер. 17, 9)

В сердце есть такие глубины, к которым человек лишен доступа. Поэтому далее через пророка говорится:

Я, Господь, проникаю сердце... чтобы воздать каждому по пути его... (Иер. 17, 10)

Бог испытывает сердце и назначает каждому духу тот путь, который только и спасителен для него; помещает его в такие обстоятельства (при рождении и в течение жизни), которые должны способствовать его совершенствованию. Значит, Бог никогда не созда-

ет человеку условия, которые были бы вредны для его души, но — только полезные и спасительные. Дальше человек уже сам выбирает, использовать ли дарованные ему Богом возможности во благо или во вред себе и ближним... «Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны?» — Всевышний как бы спрашивает Иова: если ты не можешь исследовать и познать душу человеческую, то как же ты осмеливаешься вызывать на суд Всевышнего и обсуждать Его дела?..

И еще один стих:

Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной? (*Иов. 38, 17*)

Вопрос далеко не риторический. Понимает ли Иов, что происходит после смерти? Отворялись ли для него «врата» смерти, входил и выходил ли он через них, понял ли он связь между воплощением и развоплощением духа, познал ли, что человек, собрав «нектар» своей земной жизни, отлетает, подобно пчеле, от луга Земли — и затем снова возвращается, чтобы с разных цветов собрать недостающее для «меда»?

Но сказанное имеет и буквальный смысл. Бог вопрошает Иова: а жил ли он уже на земле? «Врата тени смертной» — что означает это выражение? Когда дух выходит из тела, он проходит через таинственные «ворота» в духовный мир. И в вещественный мир он тоже вступает «воротами», прежде чем соединится с зарождающимся телом в утробе матери. Так что же, открывались ли для Иова «врата» смерти? Да, он жил уже не однажды, как будет далее очень ясно сказано. И, следовательно, воспринимая свою нынешнюю жизнь отдельно, изолированно от всего предыдущего, как нечто замкнутое и самодостаточное, Иов очень ошибается. Он ищет причину своих нынешних страданий, рассматривая себя как праведника; но всегда ли он был праведником? В этой жизни, мы уверены, что да — а в иной?..

Что же дало основание искусителю-сатане очернить Иова в глазах Господних? Почему именно на него пали такие испытания? Очевидно, что-то в прежнем существовании Иова послужило таким основанием... И вот, после вопроса свыше: «Отворялись ли для тебя врата смерти...?», уже начинает бесконечно расширяться представление Иова о собственной жизни; его самоосознание, как и понимание окружающего мира, постепенно приобретают совсем иной «размах». Он выходит из пределов прежней узости, Бог снимает шоры с его глаз, и он начинает всё воспринимать по-новому

и видеть в ином, неожиданном свете. И тут, вероятно, западает в его сознание мысль: а не было ли на мне греха уже там, когда «врата» смерти отворялись? Не совершил ли я там чего-нибудь, за что ныне справедливо наказан и страдаю?..

Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь всё это.
(Иов. 38, 18)

Кроме последовательности временной, есть ведь еще широта пространственная — «широта земли», на которой обитают проходящие испытание духи, где они вступают друг с другом в общение, обмениваются опытом, совершают друг по отношению к другу множество поступков — и таким образом «экзаменуются» в школе земной жизни.

Итак, земной мир, который раньше виделся Иову столь замкнутым, небольшим, и — за исключением «несправедливых» страданий — довольно понятным, вдруг предстает колоссальным, разомкнутым в неисследимый космос и дающим человеку множество удивительных возможностей, некоторыми из которых, очевидно, Иов когда-то неправильно воспользовался...

Глава 12

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ.

«ТЫ БЫЛ УЖЕ ТОГДА РОЖДЕН»

Как мы уже сказали, все главы Книги Иова, в которых излагаются события, предшествующие встрече Иова с Творцом, носят как бы подготовительный характер. Представленные в них рассуждения касаются орудий и способов познания. И только во время встречи со Всевышним Иов прикасается к самой сущности познания. Речь идет о познании внутреннем, интимном, приобретаемом только через личное откровение. Так, например, глухой может прочитать множество книг о музыке, но пока слух его бездействует, он не будет иметь о ней подлинного представления. И слепой, сколько ему ни расписывай на словах красоту образов и красок, ничего, по сути, не поймет, пока не прозреет. И человек, ни разу не испытывавший чувства любви, сколько бы он ни прочитал стихов о ней, ничего не почувствует. То же касается высших состояний духа — и здесь человек даже не поймет, о чем идет речь, ничего не воспримет, если не переживет нечто подобное. Именно такое личное откровение и получил теперь Иов. И откровение это касается не только путей человеческого духа, но и самого предназначения миров, и прежде всего — планеты Земля.

...Итак, продолжим чтение 38-й главы Книги Иова:

Где путь к жилищу света, и где место тьмы?

Ты, конечно, доходил до границ ее и знаешь стези к дому ее.

(Иов. 38, 19–20)

Многие, читая книгу, эти вопрошания Господни воспринимают как риторические, не углубляясь в их смысл. А ведь здесь следует вникнуть в каждое слово. Всеведущий Бог для того и обращается к человеку с вопросом, чтобы тот внутренне пробудился, задумался и сам себе дал ответ. Что же называется в Священном Писании «жилищем света» и каков «путь» к этому «жилищу»?

Понятия «свет» и «тьма» относятся в Писании к числу самых основных. И «жилищем света» называется в нем обитель светлых духов, достигших совершенства (ср.: Евр. 12, 22–23). «Жилище света» — та блаженная страна (или блаженные миры), где живут светлые, прозревшие, очистившиеся от зла, достигшие совершенства духовные существа. Когда Земля в будущем очистится от зла и греха, тогда и земной мир преобразится, став «священным градом» — светоносным символическим Иерусалимом. Об этом говорит пророк Исаия:

Встань, светись, *Иерусалим*, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою...

...Над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою.
(Ис. 60, 1–2)

«Сынами света» называются те, кто всем сердцем стремятся достигнуть обители света:

Ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не *сыны* ночи, ни тьмы. (1 Фес. 5, 5)

Иисус Христос призывает каждого жителя Земли стать таким «сыном света»:

...Кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. (Иоан. 8, 12)

«Последовать за ним» — значит избрать тот светлый путь жизни, который в конце концов приведет в обитель света — мир духовного совершенства, о чем Иисус говорит: «В доме Отца моего обителей много...» (Иоан. 14, 2). Каковы же эти обители? «...Бог есть свет...» (1 Иоан. 1, 5) — значит, «обители Его» суть обители света.

Итак, когда Бог спрашивает Иова: «Где путь к жилищу света...?», — то Он имеет в виду постоянное восхождение духа на ту «высокую гору», о которой мы многократно читаем в Писании:

Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? (Пс. 23, 3)

Лишь праведники восходят «к жилищу света» из нашего темного мира, который «лежит во зле» (1 Иоан. 5, 19), но в котором «...свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан. 1, 5). И путь к этому «жилищу света» лежит через исполнение воли Божьей.

Спрашивая Иова: «Где путь к жилищу света...?», Бог напоминает о каких-то прежних его поступках, связанных с борьбой против тьмы и поисками светлого пути.

Далее вопрос продолжается: «...и где место тьмы?» Оказывается, к свету ведет «путь» — человек должен постоянно совершать усилия, шаг за шагом восходить на «гору Господню» и не останавливаться. А тьме назначено определенное «место». В ней никакого, собственно, пути и нет. Тьма есть тьма. Во тьме очень трудно идти, потому что перед собой ничего не видишь. Что же именуется «местом тьмы» в Писании? Обитель падших, темных, оскверненных духов — по-древнееврейски לַחֹשׁ *«шео́ль»* (от глагола לָחַשׁ *«шаа́ль»*, «вопрошатель»); это как бы «вопрошаемая», т. е. неисследимая, бездна, ад, преисподняя, где обитают духи, искупающие тяжкими страданиями свои беззакония и не могущие взойти ввысь. Пока преступный дух не избудет свою греховность через наказание, он не будет выпущен из этой «темницы», о чем сказал Иисус:

...Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта. (*Матф. 5, 26*)

...Но голос Божий гремит, возвещая затем Иову:

Ты, конечно, доходил до границ ее и знаешь стези к дому ее. (*Иов. 38, 20*)

Что могут означать подобные слова? Ведь здесь говорится о «границах» самой тьмы и «стезях» (т. е. путях) к ней! Человек может случайно ошибиться, впасть в беззаконие или нечестие по незнанию, слабости, опрометчивости — символически это выражено словами «дойти до границ тьмы», т. е. соприкоснуться с тьмой. Но «знать стези к дому ее» — это нечто другое. Если мы хорошо знаем куда-то дорогу, то, значит, бывали там неоднократно. Следовательно, Иов некогда знал не только «место» тьмы, но и «стези» к ее «дому», т. е. многократно входил в общение с силами тьмы...

Однако «тьма» в библейском смысле — это грех, зло, нарушение воли Божьей. Если свет оживляет, согревает, освещает, то тьма поглощает всякий свет, страшит и сбивает с пути. А об Иове сказано неоднократно, что он человек праведный, непорочный, удалявшийся от зла и всякого беззакония. Спрашивается, каким же образом этот невинный и беспорочный человек, всю жизнь воздерживавшийся от греха, не только познал границу света с тьмой, т. е. вкусил грех, но и «знает стези» к дому тьмы, т. е. неодно-

кратно совершал темные деяния!? Ответ содержится в следующем стихе:

Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико. (*Иов. 38, 21*)

Уже этим одним изречением, исходящим из уст Всевышнего, неимоверно расширяются, раздвигаются границы самоощущения, самопознания Иова. Ведь раньше он о себе, вероятно, думал так: я родился тогда-то и всегда следовал воле Божьей... И вдруг перед ним разверзается колоссальная временная бездна, раскрывается давнее прошлое. Оказывается, он родился в нашем мире не в первый раз. Заметим, что сама возможность повторного рождения после смерти содержится уже в словах, произнесенных Иовом ранее: «...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь туда» (1, 21). Слово «туда» (в Синодальном переводе оно отсутствует) указывает на «чрево матери», т. е. на повторное рождение. Но, по всей видимости, первоначальные взгляды Иова не предполагали идеи воздаяния в последующей жизни за грехи предыдущей: об этом Господь как раз и сообщил Иову в особом откровении. Ведь Бог говорит ему: «...ты был уже тогда рожден...» Но что означает это «тогда»? По всему видно, что здесь сказано о тех же древнейших временах, о которых шла речь в начале 38-й главы. Там говорилось о творении Земли, о том, что когда Бог полагал ей основание, уже существовали иные «обитатели» — «утренние звезды», и с них смотрели сыны Божьи, радуясь тому, что возникает еще одно место для воплощения и совершенствования душ. И вот, оказывается, Иов «был уже тогда рожден», и число дней его «очень велико»...

Поставим себя на место человека, который ранее не имел иных воспоминаний, кроме связанных со своей нынешней жизнью. И вдруг этот человек постигает, что в его душе скрытым образом содержатся куда более обширные познания, приобретенные в бытии ином, в предыдущей жизни... Но разве бы обратился Бог с такими словами к тому, кому Он не отверз еще очей, не открыл слуха и чье сердце Он еще не расширил для столь великого познания? Если бы Иов просто услышал: «Ты уже тогда был рожден», это были бы только слова. Да и стоит ли описывать великолепный пейзаж слепому?! Но слово Бога совершенно. Раз Он открывает Иову: «...ты был уже тогда рожден...», значит у Иова отверзаются духовные очи, и он становится способным вспомнить всё, что с ним некогда происходило.

И вот оказалось, что Иову теперь, после таких откровений, нашлось в чем покаяться! Ведь далее он признает свою вину и говорит о себе в третьем лице:

Кто сей, омрачающий Провидение, ничего не разумея? — Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. (*Иов. 42, 3*)

И далее:

Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя;
Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле. (*Иов. 42, 5–6*)

Конечно, откровение Божье само по себе настолько мощно и чудесно, что с ним ничто не может сравниться. Но ведь Иов вызывал Господа на суд и спрашивал о своей вине, просил, чтобы ему свыше всё объяснили! И что же: явился вышний Судия во всем Своем величии, привел Иова в трепет — и всё? Нет, Судия, конечно же, откликнувшись на зов Иова, должен был разрешить ту тяжбу, ради которой Его, собственно, и был Он призываем.

И Он ее, конечно, разрешил! Иов понял, что ему есть от чего отречься («я отрекаюсь») и есть в чем раскаиваться («раскаиваюсь в прахе и пепле»). Ведь в библейском контексте отречься можно только от чего-то действительно содеянного. И раскаяться можно лишь в том, что человек реально сотворил. «Раскаяться в прахе и пепле» должен был только тяжко согрешивший преступник. На Древнем Востоке существовал такой обычай: кающийся разрывал свою одежду, садился во прах и пеплом посыпал себе голову. Что же такого сделал Иов в данной жизни — от рождения его и до сего момента, — чтобы ему «раскаиваться в прахе и пепле»? Разве лишь то, что он вызывал Бога на суд. Но к этому он имел все основания, ибо, будучи совершенным праведником, испытал наказание, как величайший нечестивец.

В чем именно обвинил его Бог, что такое он совершил в прежних своих существованиях, от нас Писание утаивает. Одно несомненно: что Иов уже был рожден до того, как обрел бытие в теперешней своей жизни, и что в том, давнем, своем существовании он «доходил до пределов тьмы», т. е. совершал тяжкие грехи, в наказание за которые теперь на него обрушилась справедливая кара. Вспомним утверждение Софара: если бы Иов знал, что вдвое больше должен был бы понести и что Бог некую часть его беззаконий предал забвению, то он бы молчал (*Иов. 11, 6*). Но истина слов

Софара прояснилась только в свете личного откровения, полученного Иовом, а именно — того воспоминания о прежних существованиях, которое ранее было ему недоступно. Представим себе человека, который вдруг (например, вследствие болезни) забыл, как его зовут, кто он такой. Приходят родители, жена, дети, друзья — он никого не узнает. Ему приходится даже заново изучать родной язык. Но вот к такому человеку, по милости Божьей, возвращается память — и для него вдруг всё вокруг озаряется светом. Люди, которых он, по его прежним уверениям, «видел впервые», — это, оказывается, его мать, братья, родные... Подобное произошло и с Иовом.

Так исполнилось некое неосознанное предвидение, высказанное Иовом в начале его страданий:

...Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь туда...
(Иов. 1, 21)

Как мы уже говорили, слова «туда» нет в Синодальном переводе, однако в оригинале оно стоит: именно *לָמָוּ* «шамá» — «туда», т. е. в утробу матери, возвратится Иов после кончины, т. е. — родится вновь! И если ранее Иов уже употреблял эту поговорку, бытовавшую на Древнем Востоке и говорившую о многократности воплощений души, то лишь теперь он получил достовернейшее подтверждение ее истинности!

Надо отметить, однако, что среди высказываний Иова есть и такие, которые, по уверениям некоторых комментаторов, свидетельствуют об отсутствии у него веры в жизнь души после смерти тела. Например, ему принадлежит следующий монолог:

Теперь бы лежал я и почивал; спал бы, и мне было бы покойно
С царями и советниками земли, которые застраивали для себя пустыни,
Или с князьями, у которых было золото и которые наполняли дома свои серебром...
<...>
Там беззаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах.
Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника.
Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего. (Иов. 3, 13–19)

При поверхностном чтении может показаться, что здесь начисто отрицается сознательное существование духа после земной кон-

чины. Однако, вдумываясь в сказанное Иовом, мы всё более убеждаемся, что речь идет об «отдохновении» души после смерти перед ее дальнейшими испытаниями на Божьем суде, о том умиротворенном состоянии, которое даруется ей на некоторый срок непосредственно после отделения от тела. Ведь ощущение «покоя» (ст. 13), подобное безмятежности, переживаемой во сне, не свойственно действительно мертвому, лишенному всякого сознания и всяких чувств. Тем более не свойственно «окончательно умершему» ощущать соприсутствие с собой, в своем новом «состоянии» кого-либо еще; здесь же в качестве таких «соприсутствующих» перечислены «цари и советники... князя» (ст. 14–15; вспомним, что и сам Иов был правителем, а, согласно духовному закону о «соединении по подобию», властители встречаются после смерти с другими властителями — ср.: Ис. 14, 4 и 9–10; Иез. 32, 28–31).

Помимо сказанного, обратим особое внимание на описанные здесь состояния тех, кто окончил свою земную жизнь: они «отдыхают» (ст. 17), «наслаждаются покоем» (ст. 18), ощущают свободу от порабощения (ст. 19). В стихе 22 об умерших даже сказано, что они «обрадовались... до восторга, восхитились... что нашли гроб» («нашли» — в прошедшем времени, т. е. уже умерли, и пребывают после этого в состоянии радости). Можно ли хотя бы предположить, что вся описанная здесь и выше гамма чувств и переживаний может быть свойственна «окончательно умершему» существу?!

Рассмотрим теперь следующий стих:

И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? ибо, вот, я лягу в прахе; завтра поищешь меня — и меня нет. *(Иов. 7, 21)*

Если вдуматься, становится ясным, что тут говорится о том, что после смерти нельзя будет обнаружить Иова именно на земле: его тело «станет прахом»; о последующей же судьбе души здесь ничего не сказано.

Можно остановиться и на следующих стихах:

Не малы ли дни мои? Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился,

Прежде, нежели отойду, — и уже не возвращусь, — в страну тьмы и сени смертной,

В страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет утробства, где темно, как самая тьма. *(Иов. 10, 20–22)*

Здесь Иов упоминает о «стране тьмы и сени смертной», т. е. об известном и из других библейских описаний Шеоле — «преисподней», которая, однако, везде изображается не как безмолвная могила, а именно как «царство мертвых» или «темница духов», т. е. место заключения душ, осознающих свою вину и искупающих ее пред Богом (см., например, Ис. 14, 9–11; Иез. 32, 21 и 31; I Петр. 3, 18–20). Почему же Иов говорит, что «уже не возвратится» из «страны мрака» (10, 21–22)? По-видимому, исходя из того, что Бог карает его якобы безо всякой вины в земной жизни, Иов заключает, что и в жизни послесмертной он тоже будет подвергнут «неправедному» наказанию — возможно, вечному. Однако это наказание, заключающееся в пребывании в полном мраке, он предпочитает мукам земным, сопряженным как с болью утрат, так и со страданиями физическими. Обратим также внимание на следующий факт: по мнению Иова, душа в «стране мрака» ощущает, что там «темно, как самая тьма», и, следовательно, страдает от отсутствия света; а ведь последнее было бы ей безразлично, если бы она полностью лишилась чувствительности.

Остановимся еще на следующем высказывании Иова:

...Так человек ляжет и не станет; до скончания неба он не пробудится и не воспрянет от сна своего.

О, если бы Ты в преисподней сокрыл меня и укрывал меня, пока пройдет гнев Твой, положил мне срок и потом вспомнил обо мне!

Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена. (Иов. 14, 12–14)

Стих 12 свидетельствует о сомнении Иова в том, что человек возвратится к земному существованию «до скончания неба»; однако эти слова можно сравнить с его же высказыванием о «возвращении во чрево матери» (Иов. 1, 21), т. е. о перевоплощении души. О неуверенности Иова в данном вопросе, о его колебании свидетельствуют и полные сомнения слова:

Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?.. (Иов. 14, 14)

А о вере (хотя и нетвердой) в возможность возвращения из преисподней говорит его пожелание:

О, если бы Ты в преисподней сокрыл меня и укрывал меня, пока пройдет гнев Твой, положил мне срок и потом вспомнил обо мне! (Иов. 14, 13)

Здесь определенно выражается надежда, что после временного наказания в Шеоле последует «выход» из этой загробной темницы и возврат к земной жизни. А соразмерность наказания такого рода земным преступлениям отражена в упоминаниях о «свитке», содержащем запись «беззакония», и о «покрытии вины» путем посмертной кары:

...В свитке было бы запечатано беззаконие мое, и Ты закрыл бы вину мою. *(Иов. 14, 17)*

О состоянии грешника после смерти Иов, однако, говорит и более определенно:

...Вода стирает камни; разлив ее смывает земную пыль: так и надежду человека Ты уничтожаешь.

Теснишь его до конца, и он уходит; изменяешь ему лицо и отсылаешь его.

В чести ли дети его — он не знает, унижены ли — он не замечает;

Но плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает. *(Иов. 14, 19–22)*

Здесь явственно подчеркиваются два факта: с одной стороны, телесная смерть человека-грешника («надежду человека... Ты уничтожаешь... теснишь его до конца... отсылаешь его»); а с другой — сохранение им способности испытывать мучения в Шеоле, имеющие не только духовную природу, но и подобие физической:

...Но плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает. *(Иов. 14, 22)*

— ср. в Евангелии о мучающихся в геенне, хотя и «бестелесных»: «И в аде, будучи в муках... возопив, сказал: ...я мучаюсь в пламени сем» (Лук. 16, 23–24); также следующее: «...где червь их не умирает и огонь не угасает» (Марк. 9, 44; ср. также о червях — Ис. 14, 11, а об огне — Ис. 1, 31).

В другом месте своих речей Иов утверждает, что, умирая, отойдет «в путь невозвратный» (16, 22). О его колебаниях относительно возможности возвращения к земной жизни после смерти мы уже упоминали; они слышатся и здесь. Однако подчеркнем, что представление об уходе в «царство мертвых» как о безвозвратной дороге отнюдь не свидетельствует о вере в «окончательное умирание», когда душа лишается возможности помнить, мыслить и чувствовать. Здесь говорится лишь о невозможности для нее вернуться на землю.

Сказанное относится и к следующему стиху — о надежде Иова:

В преисподнюю сойдет она и будет покоиться со мною в прахе.
(Иов. 17, 16)

Именно земная надежда Иова — на исправление его обстоятельств, улучшение земной жизни — может оказаться неосуществимой; однако сам Иов окажется в том самом Шеоле, о пребывании в котором мы уже сказали достаточно.

Зададим вопрос: есть ли в Писании какие-либо еще свидетельства того, что человек может жить неоднократно? Что происходящее в этой жизни с каждым из нас может быть не началом и не концом, а «средним звеном» событий, исток которых — в прежних существованиях, продолжение — в будущих? То, что «сюжет» нашего земного бытия найдет завершение в будущей жизни, подтвердит любой верующий, зная, что тогда наступит срок воздаяния, будет суд Божий. А вот события, предшествовавшие данному бытию, для большинства неведомы и непостижимы. Так что же говорит на этот счет Писание?

Как только такой вопрос задается всерьез, мы быстро и с удивлением обнаруживаем, что Писание во многих местах рассматривает и греховность человека, и его праведность в качестве чего-то заложенного изначально, словно бы один человек приходит в наш мир уже предрасположенным ко греху, в то время как другой — к праведности, к дальнейшему очищению и восхождению. Можно ли найти объяснение этому в учении о первородном грехе? Не противоречит ли столь разное состояние душ, приходящих в земной мир, той доктрине, согласно которой все люди в равной мере наследуют Адамов грех? Неужели может один человек в большей степени унаследовать грех Адама (и, следовательно, наказание за него), чем другой?

Рассмотрим в этом свете некоторые места Писания. Например, такое:

С самого рождения отступили нечестивые, от утробы *матери* заблуждаются, говоря ложь. (Пс. 57, 4)

С точки зрения обычного догматического подхода к Писанию стих выглядит очень странно: ведь человек, рождаясь на свет, обременен Адамовым грехом в той же степени, что и все прочие люди. Стало быть, не может быть тех, кто «отступил с самого рождения» в большей мере, чем все прочие! Но ведь Писание недвусмысленно говорит: «С самого рождения отступили нечестивые...»,

т. е. когда они родились, то уже были отступниками! Вывод только один: эти нечестивые совершали преступления и беззакония еще в прошлом своем существовании. Они вновь пришли на землю, уже отягощенные прежним злом, и им дается возможность его исправить.

Другое подобное место находится в Книге Исаии. Пророк обращается к некоему человеку, олицетворяющему всех отступников от Бога в израильском народе:

Ты и не слышал и не знал об этом, и ухо твое не было прежде открыто; ибо Я знал, что ты поступишь вероломно, и от самого чрева *матернего* ты прозван отступником. (Ис. 48, 8)

Здесь имеется в виду, что Бог скрывает Свои тайны от того, кто является отступником с самого рождения. Потому что если бы «ухо» таких отступников было «открыто», они были бы виновны еще более, ведь

Раб... который знал волю господина своего... бит будет много...
(Лук. 12, 47)

Таким образом, Бог многое таит от подобных людей, дабы не отягощать их дополнительной виной. Сказано:

...И от самого чрева *матернего* ты прозван отступником. (Ис. 48, 8)

— т. е. ты пришел в этот мир уже склонным к отступничеству, к вероломству. Подобную склонность человек уже где-то приобрел, прежде чем родился на Земле...

Далее пророк говорит о себе (хотя в его словах содержится и предсказание, относящееся к Мессии):

Слушайте меня, острова, и внимайте, народы дальние: Господь призвал меня от чрева, от утробы матери моей называл имя мое... (Ис. 49, 1)

Пророк был призван Господом «от чрева». Те, о ком мы говорили прежде, «от чрева матери» прозваны отступниками, а пророк к своей миссии тоже призван «от чрева... матери». Спрашивается, почему одна душа пребывает в столь очищенном состоянии, что Бог избирает ее «от чрева матери», а другая — отягощена такими преступлениями, что ей многие повеления Божьи не открываются, чтобы она еще более не погрязла в нечестии?! И если

душа младенца рассматривается как *tabula rasa* — чистая дощечка, чистый лист, то традиционные догматические объяснения здесь «не работают».

В Книге Иеремии та же тема раскрывается еще более ясно:

И было ко мне слово Господне:

Прежде, нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя. (*Иер. 1, 4–5*)

Бог обращается к пророку Иеремии и объявляет, что его дух существовал прежде, нежели Бог образовал во чреве тело пророка. «...Прежде, нежели Я образовал тебя...», — т. е. тебя как существо биологическое, — «...Я познал тебя...» Как возможно познать того, кто не существует, кого нет? А ведь большинство традиционных экзегетов Писания отрицают предсуществование души! Как же можно несуществующего, отсутствующего — освятить? Значит, дух Иеремии еще прежде зачатия его тела был столь совершенным, что Бог предназначил ему великую миссию — нести слово Божье народам.

Итак, целый ряд мест Библии свидетельствует об огромных изначальных различиях между духами, приходящими в наш мир. В девтероканонической Книге Премудрости Соломона (входящей в состав как православной, так и католической Библий), царь Соломон говорит о себе так:

Я был отрок даровитый и душу получил добрую;

Притом, будучи добрым, я вошел и в тело чистое. (*Прем. Солом. 8, 19–20*)

Обратим внимание, что душа была доброй еще до воплощения, почему и получила «тело чистое». Итак, в зависимости от состояния духа (высшего «я») и души человек получает и соответствующее тело. Он рождается в определенной семье, помещается в подходящую для его развития социальную среду. Страна, народ, эпоха — всё это связано с его состоянием, предшествующим воплощению...

В Первой книге Царств рассказывается, как Анна, святая, праведная женщина, приводит дарованного ей Богом ребенка — будущего пророка Самуила, чтобы он служил в Скинии. В этот момент на нее нисходит Святой Дух, и она по вдохновению свыше приносит в молитве следующие слова:

Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит... (*1 Цар. 2, 6*)

По-древнееврейски выражение *ה'מית ומחיה* «*memit u-mehayé*» — означает «умерщвляет и возвращает к жизни», притом из всего смысла стиха с очевидностью следует, что умерщвление и оживление относятся к одним и тем же людям. «Господь умерщвляет...» — то, что люди умирают, мы видим постоянно. Что же означает: «Господь... оживляет...»? Очевидно, это действие, столь же часто совершаемое, как и «умерщвление», поскольку упомянуты они рядом и в связи друг с другом. В отличие от других мест Писания (например, «...вострубит, и мертвые воскреснут нетленными...» — I Кор. 15, 52), здесь не сказано, что Бог возвратит умерших к жизни когда-то в будущем; говорится о явлениях, имеющих место в настоящее время. Они описываются как нечто происходящее постоянно: «умерщвляет и оживляет». Какое же «оживление» происходит постоянно, в противоположность смерти? Рождение. Многие люди умирают, и многие рождаются. Господь одних и тех же людей последовательно и умерщвляет, и оживляет...

Господь «умерщвляет» и «низводит в преисподнюю», т. е. в место наказания и очищения, *לְשׁוֹן* «*шео́ль*», — то самое «место тьмы», о котором говорится в Книге Иова. Там грешник несет свою кару, как об этом сказал Иисус:

...Ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какую мерю мерите, *такую* и вам будут мерить. (*Матф. 7, 2*)

Из приведенных слов следует, что содеянные во времени преступления не могут караться вечной мукой, ведь тогда принцип «мера за меру» был бы нарушен. К злодею возвращается ровно столько зла, сколько он совершил; следовательно, наказание, как и преступление, должно быть ограниченным во времени.

Но где же оказывается тот, кто уже получил воздаяние за свои грехи и кого Господь, согласно процитированной молитве Анны, «возводит» из преисподней? Достоин ли блаженства преступник лишь за то, что отсидел свой срок в тюрьме? Может ли грешник, даже если он перенес адские муки, вследствие этого оказаться в раю? Сам Иисус в своей знаменитой притче о богаче и Лазаре устами праотца Авраама утверждает, что из ада в рай души перейти не могут (Лук. 16, 26). Ведь для того, чтобы войти в сообщество чистых, совершенных духов, следует им внутренне уподобиться. Иначе окажешься среди них чужим — и тебя «выбросят вон» (см. Матф. 22, 11–13). А посредством одних адских страданий любви и самоотверженности не достигнешь... Где же место для совершенствования тех, кто «возведен» из преисподней?

Конечно, здесь, на земле. Им не только дается новая возможность жизни, но и, по милости Божьей, у них полностью или частично стирается память о прошлом — и открывается как бы новая, чистая, страница восприятия бытия. Если бы они целиком помнили всё прежнее, как бы они страдали и терзались! Разве могли бы они, преследуемые памятью, снова жить как ни в чем ни бывало, даже вообще начинать жизнь заново? Наверно, нет. Только достигшим высокого духовного уровня открывается нечто из их прошлых существований, как это произошло с Иовом, когда он услышал:

...Ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико.
(Иов. 38, 21)

...В 28-й главе Книги Второзакония описывается судьба того поколения израильтян, которое совершит тяжкие беззакония по отношению к ближним и будет дерзко противиться Богу. Там говорится, что эти люди подвергнутся суровым наказаниям: они будут лишены своей земли, рассеяны среди других народов, повсюду гонимые, не найдут покоя и т. д. Предупреждая об этом, Бог обращается к человеку, олицетворяющему весь народ:

Но и между этими народами не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей, и Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаивание очей и изнывание души... (Втор. 28, 65)

Когда же начало сбываться это предсказание? Великое рассеяние израильтян «по всем народам», сопровождавшееся почти повсеместными преследованиями, зачастую переходившими в кровавые гонения, началось в первые два века нашей эры, когда в 70 году был разрушен второй Храм, а в 135 году разгромлено восстание Бар-Кохбы. Но затем говорится так:

Когда придут на тебя все слова сии — благословение и проклятие, которые изложил я тебе, и примешь их к сердцу своему...

И обратишься к Господу, Богу твоему, и послушаешь гласа Его, как я заповедую тебе сегодня...

...Тогда Господь, Бог твой... умилосердится над тобою...
(Втор. 30, 1–3)

Тот же самый человек («ты»), к которому относились слова о гневе Божьем, должен будет дожить до возвращения к нему милости Божьей в момент возвращения народа из рассеяния в Святую землю. Когда и с кем, спрашивается, такое произошло? Свер-

шилось ли уже подобное возвращение? Начиная с середины XX века вновь существует израильское государство. Сколько же прошло времени от рассеяния до собирания изгнанников, чтобы к тому же самому человеку («ты») были обращены слова как о наказании, так и о помиловании? Около двадцати веков. Может ли столько времени длиться жизнь смертного человека? Разумеется, нет. А может ли отмениться, стать бессильным обетование Божье? Разумеется, тоже нет, потому что

...Бог верен, и нет неправды в Нем, Он праведен и истинен...
(Втор. 32, 4)

Однако, существует возможность разрешения данного противоречия: одни и те же души могли обитать на земле и в эпоху разрушения Иерусалима, и во второй половине XX века...

...В Книге Екклесиаст рассказывается о весьма удивительной ситуации: человек, там описанный, прожил 2000 лет.

Если бы какой человек родил сто *детей*, и прожил многие годы, и еще умножились дни жизни его, но душа его не наслаждалась бы добром и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидыш счастливее его...

<...>

А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не всё ли пойдет в одно место? (Еккл. 6, 3–6)

Приведенное в Синодальном тексте «хотя бы прожил» в точном переводе выглядит так: «хотя и прожил». Как подобное может быть? Ведь даже допотопные люди не доживали до 1000 лет, потому что Бог сказал Адаму: «...в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 17). А у Бога «тысяча лет, как один день» (II Петр. 3, 8; ср.: Пс. 89, 5), и полную тысячу лет не прожили ни Адам, ни кто-либо из его потомков...

...В завершающих стихах Книги Малахии Господь говорит:

Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного.

И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их... (Мал. 4, 5–6)

Итак, пророк Илия должен прийти снова. Илия жил задолго до дней Малахии (Малахия пророчествовал при начале строительства второго Храма, т. е. в конце VI — начале V веков до н. э., а Илия жил в IX–VIII веках до н. э.; значит, прошло около трех-

сот лет). И вот обещает Господь: «...Я пошлю к вам Илию пророка...» Как же исполнилось, согласно Новому Завету, это предсказание? Илией пророком, посланным Богом, был Иоанн Креститель (Матф. 11, 14). Но если Илия не умер, а был взят в огненной колеснице на небо (IV Цар. 2, 11), тогда, по-видимому, и прийти он должен был с неба. Спрашивается, пришел ли Иоанн Креститель с неба в громе и молнии, сошел ли с облаков — или родился обычным образом, как все люди? Известно, что родился: его рождение подробно описано в Евангелии от Луки (1, 57–60). Дух его возвратился на землю обычным образом, хотя ушел — необычным. Где есть прямое свидетельство тому, что Иоанн Креститель и Илия — одно и то же лицо, что Иоанн был не просто пророком, подобным Илию, а самим Илием? Иисус, когда его ученики выразили недоумение по поводу того, что, вопреки Писанию, прежде явления Мессии не явился Илия, ответил им так:

Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить всё;

Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них.

Тогда ученики поняли, что он говорил им об Иоанне Крестителе. (Матф. 17, 11–13)

Несколько ранее о том же сказано еще определеннее, так что сомнений относительно смысла слов Иисуса быть не может:

И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти. Кто имеет уши слышать, да слышит! (Матф. 11, 14–15)

Если бы Иоанн Креститель был только человек «в духе и силе Илию» (Лук. 1, 17), т. е. (как некоторые понимают эти слова) могучий пророк, подобный Илию, то зачем же сказано: «...и не узнали его» (Матф. 17, 12) — разве можно было узнать того, кого на земле в описываемый момент не было?

...В Евангелии от Иоанна говорится, что ученики Иисуса, увидев слепого от рождения, спросили Учителя:

...Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? (Иоан. 9, 2)

В самом вопросе заключена мысль о том, что родители могут согрешить и за это в их семью будет послана такая душа, которая

родится в лишенном зрения теле. Значит, за грехи родителей им могут быть посланы больные, страдающие дети. Но грехи родителей только привлекают данную душу в их семью, сама же душа ни в коем случае не страдает за грехи родителей. Душа страдает за свои собственные грехи. Человек рождается слепым за то, что он, видимо, отказывался в прежнем своем существовании видеть духовный свет и шел во тьму греха, а не к свету жизни. Но данная душа должна была где-то вновь родиться — и где же? У таких родителей, которые сами согрешили, и за это им был послан слепой ребенок...

...Однажды Иисус, будучи в Иерусалиме незадолго до своей крестной смерти, собрал множество народа и обратился к стоявшим в толпе начальникам с гневными обличениями. Им он напомнил их же собственные слова:

...Если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в *пролитии* крови пророков... (Матф. 23, 30)

Получается, что эти люди по собственному выбору считали себя потомками отнюдь не пророков, также принадлежавших к израильскому народу, а тех, кто убил пророков. «Мы не были бы сообщниками отцов наших» — кто так мог сказать? Лишь сыны (в смысле физическом, духовном или в обоих смыслах) тех, кто убил пророков, но никак не сыны самих пророков. Именно к этим людям, обладателям такой «духовной родословной», обращена грозная пророческая речь Иисуса:

Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить... (Матф. 23, 34)

Он предсказывает, что они так же будут поступать со вновь посылаемыми ныне пророками, как их отцы поступали с пророками прежних эпох. И далее он говорит:

...Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между Храмом и жертвенником.

Истинно говорю вам, что всё сие придет на род сей. (Матф. 23, 35–36)

«Род сей» означает «это поколение». Возникает вопрос: почему, собственно, так сказано — «да придет на вас кровь Авеля»? На

чью голову должна пасть кровь Авеля? Кто убил его? Каин. Каин, однако, жил тысячелетиями ранее Иисуса. Если бы какому-нибудь современному человеку пригрозили: на тебя, мол, падет та кровь, которую пролил Иван Грозный, то он весьма удивился бы словам подобного проповедника. Так что же — среди слушавших Иисуса был и дух Каина в новом обличье?..

И вслед за Авелем упоминается другая невинная жертва: «...от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между Храмом и жертвенником». Какой Захария был убит? Был такой пророк во времена первого Храма, т. е. за 650–700 лет до событий, о которых говорится в Евангелии. При царе Иоасе произошло следующее:

И Дух Божий облек Захарию, сына Иодая священника, и он стал на возвышении пред народом и сказал им: так говорит Господь: для чего вы престоупаете повеления Господни? не будет успеха вам; и как вы оставили Господа, то и Он оставит вас. (*И Пар. 24, 20*)

Тяжелая, неприятная проповедь... Люди любят, когда их одобряют. А пророк сказал прямо и нелицеприятно, что Бог покинет их за всё, что они сделали.

И сговорились против него, и побили его камнями, по приказанию царя, на дворе дома Господня. (*И Пар. 24, 21*)

«Двор дома Господня» — как раз там находились и жертвенник, и сам Храм; именно между Храмом и жертвенником был злодейски убит пророк и священник по имени Захария. Притом в некоторых рукописях Евангелия, наиболее древних, сказано, что он не сын Варахии, а сын Иодая — так же, как и в тексте Второй книги Паралипоменон. Может быть, Варахией звали его деда или прадеда; или, возможно, у Иодая, как и у других библейских героев, было два имени. Так или иначе, Иисус вдруг говорит собравшимся:

...Да придет на вас вся кровь праведная... до крови Захарии... (*Матф. 23, 35*)

В чем же были виновны люди, которые стояли перед Христом? В том, что около 700 лет назад они, именно они, убили пророка Захарию! И вот теперь эта кровь будет отомщена, она взыщется с них...

Следовательно, по свидетельствам писаний как Ветхого, так и Нового Завета, человек рождается на земле не один раз, но — до тех пор, пока он не выполнит свое предназначение, ради которого посылается; пока не искупит зла, совершенного прежде; пока не достигнет того совершенства, которое позволит ему перейти в более высокие «обитатели». Вот то ясное знание, которое дает нам Библия, и в свете которого для нас проясняется столь многое в людских судьбах, вызывающее недоумение, ужас — и сомнение в праведности Провидения. Почему порой жестоко страдают не сделавшие в данной жизни никакого зла, почему рождаются больными дети, почему нередко процветают безумцы и беззаконники, вообще — почему в мире допущено столько зла, ужасного и, по видимости, несправедливого? Но премудрый Соломон утверждает:

Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих...

<...>

Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть:
Нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другом, и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием. (*Прем. Солом. 1, 13–16*)

После того, как мы покинем тело — завесу, закрывающую от нас духовный мир, животную оболочку, «одежды кожаные» (Быт. 3, 21), — мы поймем больше и, возможно, узнаем, что никто из нас и «на пылинку» не был обижен. Всё добро, которое делает человек, к нему возвращается, и всё зло, которое он совершает, он же сам получает назад.

...Итак, Иов раскаялся в том, что в прежнем существовании ходил «путями тьмы». Он раскаялся, когда всё вспомнил и понял. И тогда он отрекся от всех своих прежних слов, потому что сам осознал себя «помрачающим Провидение словами без смысла» — затмевающим смысл и предназначение собственной жизни своим непониманием, противлением истине...

Глава 13

ПОКАЯНИЕ ПОЗНАВШЕГО.

«И ВОЗВРАТИЛ ГОСПОДЬ ПОТЕРЮ ИОВА»

Услышав напрямую обращенное к нему слово Господа, Иов стал духовно видеть и слышать — ему открылась истина о том, что он не впервые живет на земле, и наказание, его постигшее, имеет глубокую причину. И после того как Иов вспомнил, что «число дней его очень велико», перед ним вдруг начала разворачиваться величественная панорама творения: перед его внутренним взором прошло множество земных и небесных явлений, и в каждом из них он увидел премудрость Создателя, превосходящую всё, что человек только может себе представить и помыслить. Бог открыл ему тайны звездного неба, повадки зверей, силу трав, сущность человека... Эти захватывающие откровения содержат в себе великий призыв к духовному исследованию природы и места человека в ней — с точки зрения тех целей и смыслов, которые вложены в творение его Творцом.

Начнем с вопроса Всевышнего, обращенного к Иову:

Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града...? (*Иов. 38, 22*)

«Хранилища снега» и «сокровищницы града» — это колоссальный «небесный потенциал» для орошения земли. Снег и град тают, и таким образом получают питание посевы и пастбища, вырастают полевые травы. Люди зачастую думают, что урожай и приплод скота зависят от их трудов. Но оказывается, что основы для благоденствия закладываются «на небе» — там Господь создает всё необходимое для пропитания человека. И в наше время, когда человечество чрезвычайно гордится своими техническими достижениями, урожай по-прежнему зависит главным образом от погоды. И когда даже в развитых странах случаются наводнения, когда по

ним проносятся смерчи и ураганы, то далеко не все люди спасаются, не говоря уже о том, что гибнет урожай. Как во дни Иова, так и в наше время благополучие и пропитание человека определяются Всевышним.

Перейдем к другим стихам той же главы:

Кто проводит протоки для изливания воды и путь — для громозной молнии,

Чтобы шел дождь на землю безлюдную, на пустыню, где нет человека,

Чтобы насыщать пустыню и степь и возбуждать травяные зародыши к возрастанию? (*Иов. 38, 25–27*)

Действительно, кто посылает дождь для орошения пустыней и степей, чтобы там росла трава? Возможно, здесь содержится также мысль о том, что человек — вовсе не единственный объект заботы Всевышнего: Бог заботится в равной мере и о тех местах, где человека нет. Ведь трава — корм не только для домашнего скота, но и для многих диких животных.

Читаем следующий стих:

Есть ли у дождя отец? или кто рождает капли росы?

Из чьего чрева выходит лед, и иней небесный — кто рождает его? (*Иов. 38, 28–29*)

Что за странный вопрос: «Есть ли у дождя отец? или кто рождает капли росы?» Дело в том, что в ханаанейской, как и вообще в ближневосточной языческой мифологии, у дождя есть «отец» — это Ваал, который рождает — буквально! — капли дождя, и поэтому дождь проливается на землю. Так, в угаритском мифе одну из дочерей Ваала (Балу) зовут Талай («росистая»), она олицетворяет росу и дожди. Конечно, в Библии Бог не может быть назван в буквальном смысле «отцом дождя». И тем не менее в переносном, символическом, смысле Он порождает дождь. Как отец и мать производят на свет детей и заботятся о них, так и Всевышний заботится об орошении зелени. Особенно интересно говорится здесь о росе: «...кто рождает капли росы?» Кто сделал так, что растения могут произрастать в сухих, жарких странах? Кто образует капельки росы на листьях и травинках — это ежедневное утреннее орошение, в сухой сезон заменяющее дождь? Кто так позаботился о флоре Земли со времени ее создания, когда еще не было человека? Конечно, Создатель и Творец всего сущего.

И, наконец,

Кто может расчислить облака своею мудростью и удержать сосуды неба,

Когда пыль обращается в грязь и глыбы слипаются? (*Иов. 38, 37–38*)

Важно ли это — что пыль обращается в грязь и поэтому глыбы земли слипаются? Важно, потому что мы едим хлеб, выросший на земле именно такой — слипшейся, образующей чернозем или иную плодородную почву: соединенные влагой частицы дают возможность выращивать злаки. Ведь если бы почва не слипалась, она обращалась бы в пыль, и ее развеивал бы ветер. Одно из проклятий, упомянутых в Книге Второзакония, состоит в том, что если народ не будет почитать Господа, то вместо дождя станет падать пыль, т. е. в сухую пыль обратится вся почва (Втор. 28, 24).

Кто же заботится о том, чтобы человечество в целом жило и не умирало, питалось и не голодало? Такой вопрос задается Иову, и перед его взором проходят колоссальные эпохи обитания человека на Земле: все севы и жатвы, все урожаи; и он видит и понимает, что перечисленное — вторично и зависит от неких первопричин. Всё, чем живет и занимается человек, имеет источником волю Господню, и вопреки Его воле человек не может ни жить, ни действовать, ни даже мыслить. Поэтому далее рассматривается проблема происхождения самого мышления.

Господь вопрошает Иова:

Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму? (*Иов. 38, 36*)

На данный вопрос никто из материалистически мыслящих ученых не может дать ответа до сих пор. Кто вложил в нас мысль, кто дал разум? Отчего у человека «мудрость в сердце», т. е. возможность интуитивного предвидения, нащупывания грядущих обстоятельств, и где истоки самосознания? Откуда у нас возможность логического, рационального постижения? Могла ли неразумная природа создать сложнейший аппарат — мозг (на самом деле, впрочем, являющийся не источником разума, а посредствующим звеном между миром духовным и физическим). Разве действуя бессмысленно, хаотично, без Божественного присутствия, могла бы природа создать мозг — величайший шедевр осмысленного устройства вещества?! «Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму» — вот поистине вопрос вопросов! Человек никоим образом не мог бы мыслить и чувствовать, если бы не был и сотворен, и постоянно руководим своим Создателем.

Далее, переходя к описанию законов неба, Господь спрашивает:

Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль?

Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми? (Иов. 38, 31–32)

Загадочные слова! В древнееврейском тексте כִּמָּא *«Кима́»* — это название Плеяд, звездного скопления в созвездии Тельца. А Кесиль — это древневосточное название экваториального созвездия Ориона. Эти два созвездия обладают общим уникальным свойством: звезды, определяющие их очертания, движутся в одном направлении, благодаря чему вид Плеяд и Ориона в течение веков не изменяется. Вероятно, поэтому одно из названных созвездий именуется «связанным в узел», а другое — заключенным в «узы».

Упоминание этих звезд и созвездий призвано подчеркнуть всемогущество Создателя, расположившего звездные миры по Своему усмотрению, для одному Ему ведомых целей...

Дальше говорится: «Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми?» (Иов. 38, 32). «Ас с ее детьми» — это אֲשֵׁר *«Айиш»*, созвездие Большой Медведицы; «детьми» ее являются три хвостовые звезды, которые находятся в конце ручки ковша и изображают «медвежат». Приведенные слова указывают на установленные Богом закономерности мироздания: все созвездия появляются на небосводе «в свое время» и «ведутся» Господом в определенном порядке, само наличие которого указывает на высшее, сокрытое от людей предназначение звездных систем.

В словах «Можешь ли выводить созвездия в свое время...?» есть нечто, ускользающее при чтении в переводе. Словом «созвездия» здесь передано древнееврейское מַזְרוֹת *«мазарот»*. Глагол מָזַר *«мазар»* означает «опоясывать»; מַזְרוֹת *«мазарот»* — это «небесный пояс», опоясывающий весь небесный свод и представляющий собой зодиакальный круг, состоящий из двенадцати созвездий Зодиака. Каждое из них появляется («выводится») в свое время суток и, как известно, имеет большое влияние на земные события, в том числе на свойства людей, рождающихся в это время. Поэтому следующий стих гласит:

Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле? (Иов. 38, 33)

Созвездия Зодиака действительно «господствуют», и хорошо известно, что человек, рождающийся под таким-то созвездием, обла-

дает одними чертами характера, а появляющийся на свет под другим созвездием — совсем иными. Это положение астрологии проверено на протяжении тысяч лет. Сколь сложные и мудрые законы «изданы» Всевышним для нашего мира, и какие чудеса, непостижимые для нас до сих пор, скрыты за, казалось бы, однозначными и незыблемыми законами природы! Всё это открывается теперь Иову.

После упоминания о небесных созвездиях Господь снова привлекает внимание Иова к Земле, к ее биосфере. В завершающих главах Книги Иова упоминается 14 названий различных зверей и птиц. Всех их мы не перечислим, назовем лишь некоторых. Например, говорится о диких козах и ланях:

Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах,
и замечал ли роды ланей?

Можешь ли расчислить месяцы беременности их? и знаешь
ли время родов их? (*Иов. 39, 1–2*)

Казалось бы, странный вопрос, предназначенный скорее зоологу, который специально изучает этих животных; зачем обычному человеку знать подробности жизни диких коз и ланей, какой урок в подобном знании? Но, оказывается, вопрос задан важный. Дикие козы и лани — животные «чистые», их мясо можно есть (Лев. 11, 2–3), но человек не принимает никакого участия в их жизни: не разводит их, не содержит в таких условиях, чтобы они были сыты и жили в тепле. Когда же рождают лани и дикие козы? Весной. И когда наступает теплое время года, детеныши, вскормленные молоком, могут питаться травой, наиболее насыщенной солнечной энергией и полезными веществами; таким образом, молодняк развивается в самых благоприятных условиях, успевая окрепнуть до осени.

Спрашивается: кто так «рассчитал» месяцы беременности этих животных, чтобы они рождали потомство в самое подходящее для его развития время года? Ведь должны были бы пройти бесчисленные эпохи для того, чтобы, положим, все лани, рождающие в холодное время, лишались потомства и вымирали, а рождающие в теплое — выживали, и это закрепилось бы в виде инстинкта. В течение соответствующих эпох у видов животных, столь плохо приспособленных к жизни с самого начала, сохранилось бы ничтожно мало шансов выжить. Однако внутренний закон, вложенный Богом в упомянутых животных сразу, при их сотворении, устраивает их жизнь так, что они приносят потомство в теплое время года — и поэтому их детеныши выживают!

И далее Всевышний вопрошает Иова:

Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих?

Можешь ли веревкою привязать единорога к борозде, и станет ли он боронить за тобою поле? (*Иов. 39, 9–10*)

Словом «единорог» переведено древнееврейское רֵימ *«рейм»*. По мнению различных исследователей, это может быть особый вид антилопы, белая газель, буйвол или даже носорог. Почему же задается такой, казалось бы, странный вопрос: захочет ли подобное дикое животное служить человеку и переночует ли у его яслей, т. е. признаёт ли оно человека своим хозяином? «Можешь ли веревкою привязать единорога к борозде...?» Иными словами, сможешь ли, запрягши его, заставить бороздить землю,

...И станет ли он боронить за тобою поле?

Понадеешься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ему работу твою? (*Иов. 39, 10–11*)

Будет ли животное дикое осуществлять работу домашних? Нет, конечно.

Зададим теперь такой вопрос: а есть ли животные, которые, хотя, может быть, и превосходят животное «рейм» своей силой или равны ему, тем не менее преданно служат человеку? Да, есть. Это, например, бык; в Индии на работах используются слоны; в Тибете и Средней Азии — яки. Эти животные очень сильны — они могли бы забодать, растоптать человека, убежать от него, а они ему служат преданно и верно, выполняя те самые работы, которыми «рейм», как здесь сказано, ни за что не стал бы заниматься: они помогают пахать, собирать урожай, носят тяжести, впрягаются в плуги и телеги. Кто же помог человеку подчинить себе столь мощных и опасных, на первый взгляд, животных?

У великого английского поэта XVII века Джона Донна есть сонет, специально посвященный этой теме, в котором содержатся следующие слова:

Зачем у нас все твари в услуженье?
И почему нам служат всякий час
Стихии, хоть они и чище нас,
Просты и неподвластны разложению?
Зачем, с покорностью в любом движенье,
Вы гибнете, пред мясником склоняясь,
Кабан и бык, когда б, остервенясь,

Вы б сразу нанесли нам поражение?

<...>

Да, чудо — то, что нам покорны твари...

(Перевод Д. Щедровицкого)

Мы просто привыкли к тому, что нам служат быки и другие подобные животные. Но в действительности это столь же странно и чудесно, как если бы нам служил тот же «рейм»... И вот, упомянув о нем, непокорном воле человека, Господь показывает Иову, что люди перестали осознавать, насколько велики дары, которые даны им свыше, — например, покорность домашних животных.

И еще одно существо, которое удивительно предано человеку и покорствуется каждому его движению, почти никогда не восстающая против своего хозяина, — это конь. В 39-й главе коню уделено довольно много места. Там говорится:

Ты ли дал коню силу и облек шею его гривую?

Можешь ли ты испугать его, как саранчу? Храпение ноздрей его — ужас... *(Иов. 39, 19–20)*

Ведь конь не боится войны — бросается в бой и гибнет, идя смело на врага; и в то же время он кротко, нежно подчиняется своему хозяину — не чудо ли это?

...Роет ногою землю и восхищается силою; идет навстречу оружию;

Он смеется над опасностью, и не робеет, и не отворачивается от меча;

Колчан звучит над ним, сверкает копьё и дротик;

В порыве и ярости он глотает землю и не может стоять при звуке трубы;

При трубном звуке он издает голос: гу! гу! и издали чует битву, громкие голоса вождей и крик. *(Иов. 39, 21–25)*

Описание поэтически очень яркое и образное, подобного не найдешь больше ни в древневосточной, ни даже в древнегреческой литературе. «...Издали чует битву, громкие голоса вождей и крик» — т. е. именно то, что других животных отпугивает, коня, наоборот, привлекает: невзирая на грохот битвы, он бросается на неприятеля. Еще раз задумаемся: кто подчинил такое страшное животное человеку?..

Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу?
Он оставляет яйца свои на земле, и на песке согревает их,
И забывает, что нога может раздавить их и полевой зверь
может растоптать их... (Иов. 39, 13–15)

В наиболее жарких местах (в тропиках) страус не высиживает птенцов, его самка откладывает яйца в раскаленный песок, и согреваемые песком птенцы вылупляются из них сами.

...Он жесток к детям своим, как бы не своим, и не опасается,
что труд его будет напрасен... (Иов. 39, 16)

Почему же он не высиживает яиц, бросая их на произвол судьбы? Может быть, он слишком слаб, чтобы защитить свое потомство? Наоборот, ведь далее о нем сказано:

...А когда поднимется на высоту, посмеивается коню и всаднику
его. (Иов. 39, 18)

Страус «посмеивается коню и всаднику его», потому что совершенно их не боится, ведь он достигает такого роста (до 2,5 метра), что возвышается над ними! Так вот, страус бросает, несмотря на свою силу и мощь, собственных детей, еще не вылупившихся из яиц, и оставляет их в пустыне; но Провидение защищает этот вид птиц, и без Его попечения страусы давным-давно погибли бы.

Поэтому о страусе говорится также следующее:

...Потому что Бог не дал ему мудрости и не уделил ему смысла... (Иов. 39, 17)

Значит, те звери, которым уделено Творцом более мудрости и смысла, заботятся о своем потомстве, не говоря уж о человеке. А кто же заботится о том, чтобы страусы как вид не исчезли? Конечно, Сам Всевышний: Он делает, например, так, чтобы страус откладывал яйца в местах, недоступных для хищников. Таково Его провидение, удивительное и непостижимое!

Здесь же упоминается и о красоте различных птиц:

Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу?
(Иов. 39, 13)

Для чего же птицам дарован столь прекрасный наряд? Вспомним хотя бы того же павлина, чье оперение включает и хвост, не имеющий себе равных по красоте во всем животном мире. Ведь

с точки зрения эволюции павлин не мог бы обладать таким хвостом! Он передвигается медленно, не способен ни взлететь, ни убежать. Выходит, любой хищник может догнать его и поймать за длинный хвост. Этого не происходит — но почему? Да потому что Бог поместил павлина в такую экологическую нишу, где на него практически не охотятся. Но зачем же павлину вообще столь роскошный хвост? Красуется им самец павлина, ведь в природе именно самцы «носят украшения». Возможно, хвост нужен для привлечения самки и произведения потомства? Но другие птицы, куда более невзрачные, размножаются гораздо быстрее и активнее, притом в разных широтах, а павлин обитает только в некоторых местах, при особом климате, да и там является достаточно редкой птицей. Значит, изумительный хвост не прибавил ему плодовитости. Тогда зачем он? Для красоты! Зачем, например, на земле красивые цветы: чтобы привлечь переносящих пыльцу пчел? Да ведь пчелы помогают оплодотворяться и невзрачным цветам, и даже «трава-мурава» — и та размножается, не отличаясь особой красотой.

Значит, существует в природе красота, которая не имеет иной цели, кроме славы Божьей; Бог всё создал для Своей славы (Ис. 43, 7). И еще: красота природы не только зримо являет человеку величие Бога и Его заботу о своих «земных детях», но и служит также напоминанием об утраченном совершенстве рая, где всё было «хорошо весьма» (Быт. 1, 31; 2, 8–15).

Итак, красота абсолютно суверенна, она занимает особое место в общем строе бытия; и для того многие птицы созданы такими красивыми, чтобы постоянно напоминать нам о могуществе Создателя...

...Описывая Иову Свои творения, Всевышний останавливается и на хищных породах птиц, из которых упомянуты три. Первая из них — ворон:

Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи? (Иов. 38, 41)

Ворон улетает надолго, его птенцы вопиют к Богу, и Он посылает ворону для них корм. Так что же, птицы умеют «молиться», взывать к Богу? Умеют: известны очень многие виды птиц и других животных, которые «молятся». На утренней заре лес и луг оглашаются многоголосым птичьим пением. Каково же назначение таких, подаваемых хором, «сигналов»? Передают ли они информацию, служат ли связью между птицами? Конечно, нет. Пти-

цы «молятся», встречая зарю, как только просыпаются. Слоны встают на колени и трубят; преклоняют колени и «молятся» верблюды и многие другие животные. А вот птенцы ворона, оказывается, не только «молятся», но даже «кричат» к Богу, прося пищи...

В другом месте Бог задает вопрос:

Твоею ли мудростью летает ястреб и направляет крылья свои на полдень? (*Иов. 39, 26*)

Ястреб — хищная птица, которой люди опасаются, пряча от нее домашнюю птицу, а иногда и приплод мелкого скота. Так вот: «Твоею ли мудростью летает ястреб...?» Создал ли человек — за тысячелетия, прошедшие со времени Иова, — своей мудростью что-нибудь, «равное» хищной птице? Сравнительно недавно, лишь в XX веке, человек вообще научился летать — но сумел ли он сконструировать нечто, подобное птичьему крылу? Кроме того, каждый ястреб себя воспроизводит в потомстве, а каждый самолет — творение рук человеческих — создается людьми «с нуля». К тому же ястреб сам управляет своим полетом, а самолет нужно направлять человеческим умом и усилием... Насколько же мудрее создана птица: «Твоею ли мудростью летает ястреб...?»

Мы читаем здесь также, что ястреб направляет полет свой «на полдень» («полдень» — это юг), т. е. он, как и вообще птицы, ориентируется по сторонам света без всякого компаса! А перелетные птицы, которые путешествуют из северных стран в южные и обратно, прекрасно находят путь через огромные пространства. Кто же вложил такую мудрость в птицу, чтобы она могла правильно ориентироваться — возможно, по звездам или же улавливая магнитные либо иные излучения, помогающие в полете? Это мог сделать только Тот, Кто создал саму птицу...

По твоему ли слову возносится орел и устраивает на высоте гнездо свое? (*Иов. 39, 27*)

А по чьему же слову, т. е. повелению, это на самом деле происходит? Конечно, имеется в виду всемогущее Слово Творца, создавшее эту птицу и заложившее в нее особые силы и способности. Ведь орел, как и некоторые другие скальные птицы, не боится обрывов и острых утесов, он устраивает свое жилище в самых опасных, с точки зрения других существ, местах! На высоких скалах, где очень мало приспособленного для обитания места, орел создает гнездо и, не боясь, что птенцы упадут и разобьются, именно

там их выводит. Как же могло развиваться в процессе эволюции подобное свойство? —

Он живет на скале и ночует на зубце утесов и на местах неприступных;

Оттуда высматривает себе пищу: глаза его смотрят далеко...
(Иов. 39, 28–29)

Действительно, взор орла проникает гораздо дальше, чем у большинства других животных. Орел наделен способностью не только издалека высматривать добычу, но и находить путь, пролетая большие пространства — «далеко»...

...Птенцы его пьют кровь, и где труп, там и он. (Иов. 39, 30)

Птенцы орла действительно питаются кровью. Но что же отсюда следует? То, что орел был создан одновременно с другими теплокровными существами, — без них он не может выжить. Здесь подчеркивается и единство всей биосферы Земли, и взаимная соотнесенность всех тварей, что указывает на единство Творца.

И еще одно очень важное положение: «...где труп, там и он». А для чего, собственно, в орлов, в этих больших хищных птиц, живущих охотой, вложено еще и желание есть мертвечину? Какую роль они при этом играют? Конечно же, роль санитаров природы. Итак, слова, обращенные свыше к Иову, подчеркивают славу Создателя, постоянно проявляющуюся в целесообразности всего сотворенного, в той гармонии, которая непостижимо слагается из, казалось бы, взаимно дисгармоничных частей универсума.

А далее речь Всемогущего как вершину всего животного мира описывает двух труднообразимых в наше время животных. Одно из них называется «бегемот» (оно, однако, нисколько не идентично тому бегемоту, которого мы знаем) — это какое-то огромное, живущее на горах животное, наводящее ужас. Второе же, еще более страшное, называется «левиафан». Оба они приводят в дрожь и трепет всякого, кто с ними встречается. Вначале описывается «бегемот»:

Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол... (Иов. 40, 10)

Следовательно, это гигантское травоядное животное, в то время еще существовавшее (указание «вот» говорит о возможности непосредственного наблюдения). Если по-древнееврейски *בהמה* «бэге-

мá — просто крупное травоядное, часто крупный рогатый скот, то *בהמות* *бэ́ѐмот* — множественное число от этого слова, что может использоваться как своего рода «множественное величия» и указывать на выдающиеся размеры и прочие отличия особей данного вида.

...Вот, его сила — в чреслах его и крепость его — в мускулах чрева его... (*Иов. 40, 11*)

Казалось бы, такое описание еще можно в какой-то степени отнести к известному нам гиппопотаму; но дальше говорится что-то уже совершенно несообразное нашим представлениям:

...Поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены... (*Иов. 40, 12*)

Может ли быть у знакомого нам бегемота хвост такой величины, как ливанский кедр, т. е. многометровый? «...Поворачивает хвостом своим, как кедром...» — да это же чудовищный ящер! Видимо, отдельные представители рода динозавров еще жили во времена Иова.

...Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья;

Это — верх путей Божиих; только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой... (*Иов. 40, 13–14*)

Станет ли Бог буквально сражаться мечом с каким-то зверем? Что же такое «Божий меч» и как он «приближается»? Бог протирает меч, чтобы покарать, сразить. Но данное существо может осилить, покарать, убить только один Создатель, никому другому подобное не под силу... И далее о «бегемоте» говорится:

...Вот, он пьет из реки и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его. (*Иов. 40, 18*)

— можно представить себе, в каких количествах «бегемот» пьет воду!..

Возьмет ли кто его в глаза его и проколет ли ему нос багром? (*Иов. 40, 19*)

Такое способен сделать только человек, однако в данном случае человек бессилен перед описанным здесь чудовищем.

На этом речь о бегемоте заканчивается и переходит к еще более ужасному и чудовищному существу под названием «левиафан»: לִיָּוִת *лив'йатан* означает «извивающийся» — это, видимо, огромный змееобразный дракон, живущий, в отличие от сухопутного «бегемота», в море:

Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его?.. (Иов. 40, 20)

А дальше о нем говорится:

...Будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко?.. (Иов. 40, 22)

Видимо, левиафан издавал ужасающий рев, который иронически сравнивается здесь с «кроткой» речью.

Кто может открыть верх одежды его, кто подойдет к двойным челюстям его? (Иов. 41, 5)

Вот уж поистине дракон-монстр! «Двойные челюсти» указывают на, по меньшей мере, два ряда зубов:

Кто может отворить двери лица его? Круг зубов его — ужас... (Иов. 41, 6)

«Двери лица» указывают на страшилище, у которого пасть по размеру сравнима со входом в дом.

...Крепкие щиты его — великолепие; они скреплены как бы твердою печатью... (Иов. 41, 7)

«Крепкие щиты» — это, конечно, чешуйки брони левиафана, своего рода бронтозавра.

...Один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними;

Один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются.

От его чихания показывается свет; глаза у него — как ресницы зари... (Иов. 41, 8–10)

Чем подробнее описывается левиафан, тем более явным становится его сходство с «доисторическими» гигантскими ящерами.

...Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры... (Иов. 41, 11)

Таким образом, представления разных народов об огнедышащих драконах и змеях могут восходить к воспоминаниям о единичных особях динозавров, которые уцелели после катастроф и еще встречались древним людям.

...Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла.

Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас.

Мясистые части тела его сплочены между собою твердо, не дрогнут. (Иов. 41, 12–15)

Интересно: «мясистые» части тела чудища крепко «сплочены» между собой — по-видимому, чешуйчатой броней.

Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов. (Иов. 41, 16)

— т. е. он никого не пощадит и не помилует, он предельно жесток и страшен.

Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса.

Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копьё, ни дротик, ни латы.

Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево. (Иов. 41, 17–19)

У древнего человека просто не было в арсенале никакого оружия против подобных созданий:

Булава считается у него за соломину; свисту дротика он смеется. (Иов. 41, 21)

И затем Иов слышит о месте жизни и способе передвижения левиафана:

Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь... (Иов. 41, 23)

Значит, это морское животное (или существо, способное жить и в воде, и на суше); притом передвигается оно по волнам со страшным шумом: проплывет — и море вскипает, как котел.

...Оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою. (*Иов. 41, 24*)

...Подведем итог сказанному. Итак, что же описано в речи Господа, обращенной к Иову? Описаны различные феномены природы, проявления тех духовных и физических законов, по которым существуют звезды, по которым формируются разум человека и его чувства, по которым живет мир животный и растительный, — чудесные «предписания» бытия, «изданные» для всего творения Самим Создателем. И вот, Бог как бы говорит Иову: смотри! За всеми, казалось бы, естественными, вещественными процессами скрывается чудо; за всем привычным, природным таится прямая воля Божья. Его непосредственное управление миром. Но ясным Его замысел становится только для тех, с чьих глаз спала пелена.

И теперь Иову, осознавшему совершенное им некогда зло и раскаявшемуся в нем, открываются действие Божье, промысел Божий, Дух Божий во всём Творении. И великие чудеса становятся видны ему в самых обыденных явлениях, и всё, наполняющее вселенную, превращается для него в хор свидетелей о Боге. От песчинки и до звезды — всё проповедует славу Творца, всё воздает Ему хвалу. Как сказано в псалме,

Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. (*Пс. 18, 2*)

И теперь повсюду встречает Иов лик своего Создателя. Именно после явления ему столь многочисленных свидетельств, откровений и вразумлений он говорит:

...Руку мою полагаю на уста мои.

Однажды я говорил — теперь отвечать не буду...

<...>

...Я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле. (*Иов. 39, 34 – 42, 6*)

Итог увиденного, понятого и осмысленного Иовом можно выразить словами Екклесиаста:

Всё соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца. (*Еккл. 3, 11*)

«От начала до конца» и мы не можем постигнуть смысл Книги Иова. И в другом месте Екклесиаст говорит:

...Тогда я увидел все дела Божии и *нашел*, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого*. (*Еккл. 8, 17*)

Не станем и мы отныне верить ни одному философу, который заявит, что он постиг всё. Не будем внимать и тому, кто скажет, что он создал непротиворечивую, всеобъясняющую картину жизни, на что претендовали, например, последователи Аристотеля, дарвинисты, марксисты...

Мы видели, что Книга Иова, со всеми мировоззренческими теориями, в ней изложенными, послужила основой для дальнейших исследований человечества в области философии. Но для вразумления всех, стремящихся замкнуть истину в узкие границы собственного понимания, завершается Книга Иова не очередными рассуждениями, но множеством вопросов Божьих, представляющих в совокупности грандиозную картину бытия, в которой столько тайн, что ни один человек никогда не сможет претендовать на исчерпывающее познание хотя бы малой их части.

Книга учит полному доверию воле Божьей, полному смирению пред Его лицом. И, наконец, книга учит надежде, ведь ее главный герой, испытанный так сурово, но оставшийся верным Богу, удостоился личной встречи с Творцом, прозрел духовно и был избавлен от всех страданий.

...В ответе Иова Господу слышится не только полное смирение и раскаяние, но и новое, просветленное понимание бытия:

Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя;
Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле. (*Иов. 42, 5–6*)

Здесь обращает на себя внимание выражение: «...мои глаза видят Тебя...» Какой смысл вкладывает в эти слова Иов? Ведь он только слышит голос свыше, но не созерцает Невидимого:

Господь отвечал Иову из бури и сказал... (*Иов. 38, 1*)

— ср.: Иов. 40, 1. Что же «видит» Иов, утверждая: *אני רואה אתך* «*вэ-атá эйни раатхá*» — «а ныне глаз мой зрит Тебя»? В Библии «глаз» в единственном числе (в Синодальном тексте переведено как «глаза») нередко означает внутреннее созерцание, духовное

зрение, в отличие от физического восприятия. Сравним: «Око мое истомилось от горести...» (Пс. 87, 10) — о внутренних переживаниях; «...око мое смотрит на врагов...» (Пс. 91, 12) — в смысле проникновения в их замыслы; «...не пожалеет око Мое...» (Иез. 8, 18) — в смысле отсутствия милосердия; «Светильник для тела есть око» (Матф. 6, 22) — о «внутреннем оке постижения».

И действительно, после полученного откровения Иов тем самым «внутренним оком» видит Всевышнего повсюду, воспринимает Его присутствие во всём сотворенном мире, который теперь явлен ему как манифестация славы Божьей (главы 38–41). Это подтверждается и предыдущими словами Иова: ידעתי כי כל תוכל *‘yadati khol tuhal’* — «я познал, что Ты всё можешь» (Иов. 42, 2; в Синодальном переводе — «знаю, что Ты всё можешь»). Именно слово «познал» указывает на новое восприятие Иовом всемогущества Создателя, от Которого «не сокроется [буквально „не отрежется“] никакое намерение» (в Синодальном переводе выражение ולא בצר ממך מזמה *«və-lo yibaṣēr mimxá mezimá»* передано как «намерение Твое не может быть остановлено», что придает тексту совсем иной смысл). Из сказанного следует, что Иов осознал абсолютную справедливость Бога, Который, воздавая человеку по заслугам, учитывает не только дела его, но и намерения! И, наконец, главное: для Иова восстановилось прямое общение с Богом, непосредственный диалог с Ним, который был прерван еще в Едеме грехопадением Адама (Быт. 3, 23) и возобновляется с тех пор лишь для отдельных праведников.

Восстановление единения с Творцом Иов описывает так (42, 4): שמע-נא ואנכי אדבר אשאלך והודיעני *«šemá-na və-anoxi adabér, əshalxá və-‘hodi’ni»* — «послушай, прошу, и я стану говорить, я буду спрашивать Тебя, а Ты будешь возвещать мне». В таком «дерзновенно-непосредственном» обращении к Богу как к вышнему Собеседнику, в непоколебимой уверенности, что Он откликнется на любое прошение Иова, ответит на любой вопрос, проявляется совершенно новое, просветленное восприятие им Всевышнего. Заметим, что до описываемого момента Иов постоянно говорил о Боге исключительно в третьем лице — «Он», а теперь — «Ты»!

Когда же через страдания и раскаяние прежняя вина праведника изгладилась и у его души возобновилось прямое общение с Создателем, изменились и внешние условия его жизни: поскольку преподанный «урок» уже усвоен, то и прежние «учебные пособия» — страдания и испытания — за ненужностью «убираются». —

И возвратил Господь потерю Иова, когда он помолился за друзей своих; и дал Господь Иову вдвое больше того, что он имел прежде. (Иов. 42, 10)

Прежде чем говорить о значении слов «возвратил... потерю», обратим внимание на молитву Иова за друзей. Ей предшествовало прямое повеление Господа Елифазу, чтобы они вместе с Вилдадом и Софаром вознесли жертвы и попросили Иова помолиться, дабы им был отпущен грех. В чем же этот грех состоял? —

...Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов. (Иов. 42, 7)

«...Говорили обо Мне не так верно...» — гласит Синаодальный перевод. А в оригинале — *לֹא דִבַּרְתֶּם אֵלַי נְכוֹנָה* *«ло дибартём элай нэхона»*: «вы не говорили [ко] Мне истинно». «[Ко] Мне» подразумевает прямое обращение к Богу, а ведь на протяжении всего повествования мы не слышали никакого обращения ко Всевышнему из уст друзей Иова! Каждый из них лишь высказывал собственные взгляды, но никто не стремился получить вразумление свыше относительно из ряда вон выходящего события — невыносимых страданий невинного праведника... И лишь сам Иов, хотя и он тоже рассуждал о Боге в третьем лице (т. е. говорил «о Нем», а не «к Нему»), но всё же жаждал получить подлинный ответ из Его уст, что и свершилось в конце повествования.

Отметим еще одну важнейшую вещь: никто из друзей Иова, столь долго и настойчиво его обличавших, ни разу не помолился за него, чтобы Бог облегчил его страдания! Теперь же, когда оказалось, что намерение Иова более угодно Всевышнему, нежели намерения его друзей, именно он и призван молиться за них! Всмотримся в эту ситуацию: Иов, всё еще пребывающий в невыносимых муках (от которых он избавился не до, а после своей молитвы!), призван просить, чтобы его друзьям отпустился грех. Тяжко страдающий должен пожалеть, смилостивиться над пребывающими в довольстве! Не странно ли? Но с точки зрения духовных законов это правильно: только человек, восстановивший прямое общение с Богом, может по-настоящему молиться, только его молитва имеет истинную силу и будет непременно услышана.

И вот, когда страдалец Иов вознес свою молитву за спокойно живущих друзей, лишь тогда «...возвратил Господь потерю Иова...» (ст. 10). В оригинале сказано так: *שָׁב אֶת־שׂוֹבוֹתַי אֵיבָה* *«шав эт-шэвўт Ийўв»* — «вернул плен [или: потерю] Иова». Когда возвра-

щают вещи, их не заменяют другими, «возвратить» можно только и именно то самое, что было утрачено. Что же было утрачено Иовом? Как мы знаем, здоровье, имущество, честь и достоинство... Всё это возвратилось к нему вдвойне: «...И дал Господь Иову вдвое больше того, что он имел прежде» (ст. 10). Но прежде всего скорбь и страдание Иова проистекали от гибели его детей. Можно сказать, что дети его были «пленены» смертью, и эти «пленники» теперь были тоже ему возвращены: у Иова вновь родились «семь сыновей и три дочери» (ст. 13).

Разве, однако, появление новых детей после гибели прежних может заставить отца, любившего первых детей всем сердцем (1, 4–5), окончательно забыть о потере? А ведь сказано, что Иов более не страдал (42, 17). Из этого с необходимостью следует, что души погибших детей воплотились снова, и Иов, будучи уже духовидцем, узнал своих прежних детей в новых — и полностью утешился!

И было у него семь сыновей и три дочери.

И нарек он имя первой Емима, имя второй — Кассия, а имя третьей — Керенгапху. (Иов. 42, 13–14)

Удивительно: вопреки всей библейской традиции, согласно которой сыновья имеют большее значение, чем дочери (поскольку именно благодаря сыновьям имя отца сохраняется в потомстве), здесь перечислены исключительно имена дочерей! О чем это должно свидетельствовать? Сыновей и дочерей родилось ровно столько, сколько погибло (ср.: Иов. 1, 2). И, вероятно, узнав «возвратившихся» сыновей в новых детях, Иов вернул им и прежние имена, которые не названы. А вот дочерей (через которых имя отца в потомстве все равно не сохраняется) можно было назвать заново — в честь свершившихся событий.

Число сыновей Иова обозначено в конце книги словом שבעה *шив'ана* — «семь», хотя постоянная форма этого слова — שבעה *шив'а*. В указанном виде данное слово встречается во всём Писании только однажды — здесь. Прибавление двух букв, הן *на*, служит прикровенным указанием на глагол להה *нага* — «рыдать», «оплакивать», «сетовать». Именно семеро сыновей, которых оплакивал Иов, теперь, по милости Божьей, вернулись к нему...

Рассмотрим теперь имена дочерей. Первую Иов назвал מ'ימ'ה *Йемима*, что означает «многодневная» или «многолетняя», от ימים *йамим* — «дни» или «годы». Такое имя может указывать на то, что дочь ранее уже жила на земле и прожила немало лет.

Имя второй — **קַעֲצִיָּא** *«Кеццá»*; оно может быть понято как «срубленная» (от глагола **קָצַר** *«кацá»* — «срубить») и, вероятно, свидетельствует о трагической смерти, пережитой девочкой в прошлой жизни.

Третья дочь была названа **קָרַן הַפֶּרֶךְ** *«Кéрен Ĝанýх»*, что можно перевести как «рог перевернутый [или: измененный]». Слово **קָרַן** *«кэрен»* означает также «сила», «судьба». Несчастливая судьба этой дочери, также в свое время погибшей, теперь переменялась на свою противоположность — она снова обрела жизнь в семье Иова.

Таким образом, имена дочерей Иова подтверждают, что все десятеро детей «возвратились» к земной жизни...

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц. (*Иов. 42, 12*)

Общее количество скота, которым обладал Иов под старость лет (а скот, как известно, составлял главное богатство в данном регионе) — 22 тысячи (пара волов рассматривалась в упряжи как единица). Число 22 указывает на «полноту жизни», поскольку букв в библейском алфавите 22. И это соответствует заключительному стиху книги:

...И умер Иов в старости, насыщенный днями. (*Иов. 42, 17*)

Подобное говорится в Писании лишь о величайших праведниках — праотцах Аврааме и Исааке, царе Давиде (Быт. 25, 8; 35, 29; I Пар. 29, 28).

И еще одна, на первый взгляд небольшая, но существенная деталь. Первый вопрос, обращенный Всевышним к Иову. —

...Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? (*Иов. 38, 2*)

— как мы говорили, содержит выражение **מַחְשֵׁי מָוֶן** *«махшéи мэцá»*, т. е. «затемняющий промысел [Божий]» (в Синодальном переводе — «омрачающий Провидение»). Мы рассуждали о том, что Иов своим сомнением в правильности Божьих определений «затемнял», «помрачал» замысел Божий о спасении Земли.

Однако обратим внимание на то, что, повторяя (в применении к себе) это обвинение (42, 3), кающийся Иов употребляет несколько иное выражение: **מַעֲלִים עָצָא** *«ма'лím эцá»* — «скрывающие [множественное число!] промысел» (в Синодальном переводе разница

не видна). Мы видим, что Иов истолковал «помрачение» Божьего замысла именно как его «сокрытие». Ведь человек, «скрывающий» славу Божью, старающийся «заслонить» ее вещественностью мира сего, «запрятать» за природными законами и «утаить» за кажущейся самодостаточностью материальной вселенной, становится виновным в «помрачении» Божественного замысла и умножении зла на Земле. В этом не сразу заметном различии между двумя стихами заключена, можно сказать, половина всего глубинного смысла книги. А другая его половина состоит в том, что, постигая благое предназначение собственной жизни и осуществляя его, человек тем самым воздает высшую славу своему Создателю — способствует утверждению Его присутствия в земном мире. И тогда он, освобождаясь от страха смерти и «смертных помышлений», уже в этом мире ощущает себя бессмертным духом, осиянным светом Божиим:

...Он освободил душу мою от могилы, и жизнь моя видит свет.

(Иов. 33, 28)

БИБЛЕЙСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указатель предназначен для поиска упоминаний определенных глав и стихов из Библии. Пример: в рубрике «Книга пророка Исаии» указано: **21 11–12**▶141/183. Здесь **21** — номер главы, **11–12** — диапазон стихов, **141** и **183** — номера страниц настоящего издания, на которых встречаются ссылки на Ис. 21, 11–12. Если номер стиха опущен, то на указанных затем страницах говорится о главе в целом. После полного названия книги в скобках дается сокращенное, используемое в отсылках к тексту Библии.

Книга Бытия (Быт.)

1 1▶170 **8**▶214 **9**▶173/214 **10–15**▶214
28▶35 **31**▶214 **2 7**▶57/114 **17**▶201
3 1–7▶34 **9**▶163 **17**▶170 **21**▶161/205
22▶161 **23**▶161/222 **4 6**▶168 **9**▶167–
168 **5 24**▶161 **6 2–5**▶57 **14**▶10
10 25▶67 **18 24**▶172 **25**▶40/172 **26–**
32▶172 **25 2**▶78 **8**▶61/225 **31 24**▶162
35 29▶225 **36 7 10**▶46 **31–33**▶7.

Книга Исход (Исх.)

7 1▶119 **20 18–19**▶176 **28 4**▶9
33 20▶142.

Книга Левит (Лев.)

11 2–3▶210 **23 27–28**▶28 **29**▶28/184
30–32▶28.

Книга Второзакония (Втор.)

8 17–18▶89 **18 10–11**▶83 **18–22**▶45
28 200 24▶208 **65**▶200 **30 1–3**▶200
32 4▶201 **15**▶63 **33 4–5**▶7.

Первая книга Царств (I Цар.)

2 6▶198 **12 2–20**▶74.

Третья книга Царств (III Цар.)

4 30–31▶7 **19 11**▶54 **12**▶54/162
13▶54.

Четвертая книга Царств

(IV Цар.)

2 11▶202.

Первая книга Паралипоменон

(I Пар.)

29 28▶225.

Книга Иова (Иов.)

1 1▶7 **2**▶224 **4**▶23/224 **5**▶23–24/224
7–8▶25 **9**▶25/165 **10–11**▶25 **17**▶6
20▶26 **21**▶24/26/31/190/192/194
22▶26/31 **2 4–5**▶27 **9**▶27/30 **10**▶28/
30–31 **3 39 1–4**▶30 **13–15**▶192–193
16▶192 **17**▶192–193 **18**▶192 **19**▶192–
193 **20**▶29 **21**▶18/22/29 **22**▶18/22
25–26▶31 **4 47/54 1–2**▶48 **3–4**▶24/
48 **5**▶48 **8**▶50–51/70 **9–11**▶51 **12**▶52
13–15▶53 **16–17**▶54 **18**▶54–55/93
19▶54–55/57 **20–21**▶54 **5 47/59**
1▶59–60 **2**▶60 **6–7**▶57/72 **17**▶60 **18–**
20▶60/71 **21–24**▶60 **25**▶60/71 **26–**
27▶60 **6 9–10**▶43 **14**▶32 **15**▶18/33
16–20▶18 **21**▶18/33 **22**▶18/33/43/70
23▶18/33/43/71 **24**▶18/33/71 **25–**
27▶18/33 **38**▶172 **7 21**▶193 **8 3–6**▶79
8–9▶81 **10**▶81/83 **11–12**▶84 **13**▶80/
84 **14–15**▶84 **16–17**▶85 **18**▶78/85
19▶85 **9 4**▶36/41 **5–7**▶41 **8**▶36 **11**▶37

21▶43 24▶3 10 8▶37 13-14▶36
 20▶193 21-22▶193-194 11 95 1-
 2▶96 4▶96 5▶97 6▶97/191 7▶97/107
 8-9▶97 11▶98/102 12▶98 13-15▶99
 16-18▶100 19▶101 20▶102 12 4▶44
 5▶45/178 13 2-5▶44 6-7▶69 9-
 11▶69 15▶3/39/73 14 12-14▶194
 17▶195 19-22▶195 15 47 4-6▶48
 14▶55 15▶55/59 16▶55 20▶61 21-
 27▶62 29-30▶63 34-35▶50 16 22▶195
 17 16▶196 18 2-3▶82/86 4▶86-87
 5▶79/88 6▶88 7▶80/88 8-13▶89
 14-16▶90 17-20▶91 21▶80/86/91
 19 13-17▶18 18▶18/172 19▶18
 23-24▶5 25-27▶20 20 95 2-3▶102
 4-5▶103 16▶103 17▶104 24-25▶105
 26▶105-106 21 6▶38 7▶16/38
 8-34▶16 22 47 5▶49/74 6-11▶49/75
 12-14▶66 15▶66-67 16-17▶67 18-
 20▶68 23 8-9▶37 11▶38 24 1-4▶16/
 38 5-14▶16 25 78 2▶92 4▶93 5▶93-
 94 6▶93 26 6▶36 7▶36/164/169
 10▶36 13▶37/139 14▶37 27 1-6▶42
 28 12-14▶42 23-27▶42 29 7-10▶9
 12▶9/34 13▶34 14▶9/34 15-16▶34
 17-18▶10 25▶10 30 1-12▶18 32 123
 1▶110 2▶111/124 3▶117/124 6-7▶123
 8▶115/123/138 9-10▶123 14▶120
 18-19▶116 20-22▶124 33 123 3▶118
 4▶113/138 6▶118-119 7▶119 8-9▶112
 12-13▶112 14▶128 15-17▶129
 18▶130 19-21▶131 22▶131-132 23-
 24▶132 25-27▶134 28▶134/226 29-
 30▶128/134 32-33▶122 34 123 2-
 4▶125 5-9▶112 10-13▶135 14-
 15▶114/139 19▶135 20▶137 21-
 22▶135 23-26▶136 27-28▶137 31-
 32▶126 34-35▶113 35 123 10▶140/
 145 11▶140 13-14▶136 36 123 4▶120
 7▶141/143/145 8▶143/146 9-
 10▶144/146 11▶144/147 12-13▶147
 14▶148 15▶148/175 16-18▶149
 20▶149 21-23▶150 24-25▶151
 26▶152 27-28▶153 31▶154 32▶124/
 155 33▶155 37 123 1-2▶121/156
 3▶156 5▶156 7▶156
 10-13▶154 14▶154/157 15▶157

19▶120/145/158 21-23▶158 24▶158-
 159 38 4/222 1▶119/161/163/176/
 221 2▶163-164/166/176/225 3▶164/
 167 4▶164/166-168 5▶168/170
 6▶168/171/176 7▶168/170/176
 8▶178-179 9▶178/180 10▶180 11▶181
 12-13▶181-182 14▶181/183 15▶181/
 184 16▶184 17▶185 18▶186 19▶187
 20▶187/189 21▶190/200 22▶206
 25-29▶207 31-33▶209 36-38▶208
 41▶214 39 4/222 1-2▶210 9-11▶211
 13-18▶213 19-25▶212 26-27▶215
 28-30▶216 34▶220 40 4/222 1▶221
 10▶216 11-14▶217 18-19▶217
 20▶218 22▶218 41 4/222 5-10▶218
 11-19▶219 21▶219 23▶219 24▶220
 42 2▶222 3▶191/225 4▶222 5▶191/
 221 6▶191/220-221 7▶44/111/223
 8▶34/44 9▶34 10▶223-224 12▶225
 13-14▶224 17▶224-225.

Псалтирь (Пс.)

6 3▶53 7 15-16▶51 10 3▶43
 13 1▶139/151 18 2▶151/220
 23 3▶188 32 6▶51/139 36 11▶124
 57 4▶196 87 10▶222 89 5▶201
 91 12▶222 103 4▶58.

Книга Притчей Соломоновых (Прит.)

6 6▶155 10 2▶133 25▶172 11 4▶133
 30 25▶155.

Книга Екклесиаста (Еккл.)

1 13▶99/139 2 1▶139 3 11▶140/220
 6 3-6▶201 8 17▶221.

Книга Песни Песней Соломона (Песн. П.)

4 11▶104 8 6▶72.

Книга пророка Исаии (Ис.)

1 31▶195 5 8▶87 6 1-2▶121 3▶56/
 121 4▶121 14 4▶193 9-10▶194

11▶194–195 12▶56 17 12▶179
 21 11–12▶141/183 24 20▶170
 29 14▶109 30 11▶86 40 22▶177
 43 7▶214 46 1▶78 10▶153/169
 48 8▶197 49 1▶197 58 9▶45
 60 1–2▶188 66 1▶177.

Книга пророка Иеремии (Иер.)

1 4–5▶198 2 31▶86 5 22▶178–179
 23▶179 6 11▶117 10 12▶139 17 9–
 10▶184 20 9▶116 50 2▶78.

Книга Плач Иеремии (Плач.)

4 2▶7.

Книга пророка Иезекииля (Иез.)

1 4–27▶162 3 12▶56 8 18▶222
 11 19▶159 14 13–14▶34 18 13–
 16▶34 32▶157 28 13–17▶57
 32 21▶194 28–30▶193 31▶193–194.

Книга пророка Даниила (Дан.)

2 21▶142 7 2–3▶179 8 13▶55.

Книга пророка Осии (Ос.)

7 2▶139.

Книга пророка Авдия (Авд.)

1 15▶50.

Книга пророка Михея (Мих.)

3 8▶117.

Книга пророка Малахии (Мал.)

4 1▶183 2▶182–183 5–6▶201.

Евангелие от Матфея (Матф.)

5 8▶118/142 21–22▶125 26▶189
 6 22▶222 7 1▶149 2▶199 24▶85
 9 17▶116 11 14–15▶202 12 34▶141
 17 11–13▶202 21 42▶173 22 11–
 13▶199 30▶143 23 30▶203 34▶203
 35▶203–204 36▶203 25 41▶184.

Евангелие от Марка (Марк.)

9 44▶195.

Евангелие от Луки (Лук.)

1 17▶202 57–60▶202 6 37▶149
 12 47▶81/197 48▶81 16 23–24▶195
 26▶199 19 16–19▶143.

Евангелие от Иоанна (Иоан.)

1 1–3▶139 5▶177 6▶141 3 8▶138
 5 17▶181 8 12▶188 9 2▶202
 14 2▶165/177/188 3▶177 15 1–6▶84.

Деяния Святых Апостолов (Деян.)

17 26–28▶171.

Послание Иакова (Иак.)

5 10–11▶45.

Первое послание Петра (I Петр.)

3 18–20▶165/194.

Второе послание Петра (II Петр.)

3 8▶201.

Первое послание Иоанна (I Иоан.)

1 5▶188 6▶141 5 19▶141/188.

Послание Иуды (Иуд.)

1 6▶57/165.

Первое послание к Коринфянам (I Кор.)

1 20▶109 3 18–20▶109 15 52▶199.

Послание к Галатам (Гал.)

6 7▶50.

Послание к Колоссянам (Кол.)

2 18▶107.

**Первое послание
к Фессалоникийцам (I Фес.)**
5 5▶188.

Послание к Евреям (Евр.)
11 36–39▶144 12 22–23▶188.

**Откровение Иоанна Богослова
(Откр.)**
12 7–9▶34 10–11▶34/166 12▶34
17 15▶179.

**Девтероканонические
(второканонические)
книги**

**Книга Премудрости Соломона
(Прем. Солом.)**

1 13–16▶205 4 9▶123 8 19–20▶198.

Книга пророка Варуха (Вар.)
3 24–25▶177.

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ КНИГИ ИОВА

Синодальный перевод

1. *Библия*. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В рус. пер. с приложениями.— 4-е изд.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.— 2536 с.
2. *Библия*. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. Открытая Библия.— Nashville: Thomas Nelson, 1975.— 1662 с. разд. паг.
3. *Библия*. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета канонические / В рус. пер. с объяснительным вступ. к каждой книге Библии и примеч. Ч. И. Скоуфилда; С англ. изд. 1909 г.— Wheaton (Ill.): Slavic Gospel Press, 1991.— 1499, [16] с.
4. *Библия*. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Канонич., в рус. пер. с парал. местами, с приложением кратк. библейск. указателя и объяснит. примечаниями пастора Б. Геце.— [Б. м.]: Объединенные Библейск. об-ва, 1997.— 1390 с.
5. *Библия*. Тора, Пророки, Писания и Новый Завет: В рус. пер., с парал. текстом на иврите.— Иерусалим, 1991.— 1658 с. разд. паг.
6. *Книга Иова = The book of Job. Величие из праха и пепла = Grandeur out of Dust and Ashes* / Яков Кумок; Э. Неизвестный, ил.— М.: Когелет, 1999.— 479 с.
7. *Новая Женевская учебная Библия*: Синодальный перевод.— Б. м.: Hässler-Verlag, 1998.— 2052 с.
8. *Тематическая Библия с комментариями*.— 2-е изд., испр.— Минск: Библ. лига, 1999.— 1589 с. разд. паг.
9. *Толковая Библия*, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1: Бытие — Притчи Соломона / Издание преемников А. П. Лопухина.— СПб., 1904–1907.— 2-е изд.— Стокгольм: Ин-т перевода Библии, 1987.— 2200 с. разд. паг.— Последнее переиздание: М.: Даръ, 2008.

Другие русские переводы

10. *Аверинцев С. С.* Книга Иова: перевод и примечания // Мир Библии.— М.: Рос. библейск. об-во, 1993.— № 1.— С. 37–64.
11. *Агафангел, еп. (А. Ф. Соловьев)*. Книга Иова в русском переводе с еврейского с подстрочными примечаниями.— Вятка, 1861.
12. *Библия*: Современный перевод библейских текстов.— М.: [Всемирный библейский переводческий центр], 1997.— 1150 с.
13. Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова / Пер. А. Э. Графова, А. С. Десницкого, А. Б. Рашковского, Е. Б. Смагиной.— М.: Рос. Библейск. об-во, 2008.— 176 с.— (Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского и арамейского).

14. *Рижский М. И.* Книга Иова: Из истории библейского текста / Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР.— Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991.— 248 с.
15. *Священное Писание*: Опыт переложения на русский язык еврейских писаний русского архимандрита Макария...— Brooklyn (N. Y.): Watchtower Bible and Tract Society of New York; International Bible Students Association, 1996.— 1464 с.
16. *Священные книги Ветхого Завета*: В пер. с евр. текста.— Вена: Британск. и иностр. библейск. об-во, 1911.— 351 с.
17. *Юнгеров П.* Кн. Иова: Русский перевод с греческого текста LXX с введением и примечаниями.— Казань, 1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава 1. Почему страдает праведник?</i> Ответ Шумера и Египта	5
<i>Глава 2. Трагедия Иова.</i> «Укажите, в чем я погрешил»	23
<i>Глава 3. Мистик Елифаз.</i> «Тихое веяние — и я слышу голос»	46
<i>Глава 4. Учение Елифаза.</i> «В ангелах Своих усматривает недостатки»	64
<i>Глава 5. Традиционалист Вилдад.</i> «Спроси у прежних родов»	78
<i>Глава 6. Рационалист Софар.</i> «Пред тобою — совершенный в познаниях»	95
<i>Глава 7. Пророк Елиуй.</i> «Слушайте голос Его»	110
<i>Глава 8. Мудрость Елиуя.</i> «Жизнь моя видит свет»	127
<i>Глава 9. Проповедь Елиуя.</i> «Из тесноты на простор»	145
<i>Глава 10. Откровение Елиуя.</i> «Краеугольный камень земли»	161
<i>Глава 11. Голос Всевышнего.</i> «Отворялись ли для тебя врата?»	175
<i>Глава 12. Раскрытие тайны.</i> «Ты был уже тогда рожден»	187

Глава 13. Покаяние познавшего.

«И возвратил Господь потерю Иова» 206

Библейский указатель 227

Русские переводы Книги Иова 231

Учебное электронное издание

Дмитрий Владимирович Щедровицкий

БЕСЕДЫ О КНИГЕ ИОВА

Редактор *А. Г. Яковлев*

Художник *М. Н. Овчинникова*

Составление указателя *П. Н. Цыплаков*

Корректор *Ю. Г. Яникова*

Подписано 25.06.2012. Формат 60×90/16.
Гарнитуры «Школьная», «Форинер», «Футура».
Уч.-изд. л. 11,7.

Издательство «Теревинф»

Для переписки: 119002, Москва, а/я 9;
тел.: (495)585-05-87; эл. почта: zakaz@terevinf.ru

*Системные требования: процессор Intel с тактовой частотой от 1,3 ГГц и выше;
операционная система Microsoft Windows XP, Vista или Windows 7;
от 256 Мб оперативной памяти; от 260 Мб свободного пространства на жестком диске;
разрешение экрана не ниже 1024×768; программа Adobe Reader версии не ниже X.*

Издательство «Теревинф» предлагает вниманию читателей другие книги, автором или составителем которых является Д. В. Щедровицкий:

Фундаментальный труд
**Введение в Ветхий Завет.
Пятикнижие Моисеево**

Многотомное издание «Введение в Ветхий Завет» представляет собой не имеющий аналогов современный систематический комментарий к главной книге человечества — Библии. В основу издания легли учебные курсы по библеистике, прочитанные автором в ряде светских и духовных вузов Москвы. На данный момент опубликованы три тома, совокупно содержащих толкование ко

всему Пятикнижию Моисееву (Торе). Эти три тома выпущены единым сводным изданием (1088 с.) в твердом переплете. Улучшенная редакция текста, дополнительный справочный аппарат, новое художественное оформление позволяют рекомендовать книгу как впервые взявшим ее в руки читателям, так и обладателям прежних изданий составляющих ее томов.

Книга опубликована издательством «Теревинф».

Богословское исследование
**Пророчества Книги Даниила.
Духовный взгляд на прошлое
и будущее человечества**

Знаменитая Книга пророка Даниила (VI век до н. э.), входящая в состав Библии, содержит предсказания о всем ходе мировой истории на 3000 лет вперед. Пророчества Даниила подробно исследованы, прокомментированы и соотнесены с событиями мировой истории. Данный труд впервые знакомит читателя с огромным пластом осуществившихся пророчеств. Будучи целостно понятой, Книга Даниила позволяет увидеть общее направ-

ление мирового развития, а также узнать о судьбах отдельных стран, народов и религий, сыгравших или призванных сыграть ключевую роль во всеобщей истории. Особый интерес представляют пророчества, относящиеся непосредственно к нашим дням и к ближайшему будущему.

Книга опубликована издательством «Теревинф».

Стихотворный сборник

Мой дом — Бесконечность

Дмитрий Щедровицкий — поэт удивительно современный и в то же время тяготеющий к темам вечным. Мир духовный и красочно-зримые подробности земного бытия равно близки его поэтической палитре. Любовь и история, природа и мифология, экстаз и размышление предстают в его творчестве словно бы в некоем исконном, нерасторжимом единстве. В предисловии к сборнику известный филолог и литературный критик П. Г. Горелов, особенно отмечая цикл стихотворений «Русская история в картинках», пишет: «...всё это, скажу негромко, подлинная русская классика».

Книга выпущена издательством «Молодая гвардия» в серии «Золотой жираф». Ниже приводится одно из стихотворений сборника.

Давид и Орфей

О, близость мелодий!
Различья развей:
К единой свободе —
Давид и Орфей!

Единство воспело,
И нет уже двух —
Влекущее тело,
Провидящий дух!

Два слившихся диска
Побед и обид —
О тайна единства:
Орфей и Давид!

И сумрак, редая,
Пропустит рассвет,
Где нет иудея,
И эллина нет!..

Стихотворный сборник

Из восьми книг

Первый сборник, в котором достаточно широко представлено собственное литературно-художественное творчество Д. В. Щедровицкого. В оформлении использованы рисунки автора. Крупный ученый-филолог, выдающийся знаток русской поэзии, профессор МГУ М. В. Панов так написал в предисловии к сборнику: «...В стихах Щедровицкого главное то, что они подчиняют себе время, обезвреживают его коварство и способность губить. И поэтому в его словах можно услышать Слово. Я уверен, что этим стихам суждено торжествовать над временем».

Книга опубликована издательством «Теревинф». Ниже приводится одно из вошедших в нее стихотворений.

* * *

Ты мой Бог, Ты мой Бог от начала,
Где дыханье — над бездной и тьмой,
Где звезда, излучаясь, качала
Мой зародыш и замысел мой.

Тропки света во тьме расходились,
Мрак покорно мерцал, как руда,
Наше солнце еще не родилось...
Где же был я, мой Боже, тогда?

Ты пространство творил голубое,
Я ж, намечен в его глубине,
Был в Тебе, значит — был я Тобою,
Ты с тех пор и поныне — во мне.

Как текли времена величаво!
Как струились миры от Лица!..
Ты мой Бог, Ты мой Бог от начала,
Нам с Тобою не будет конца!

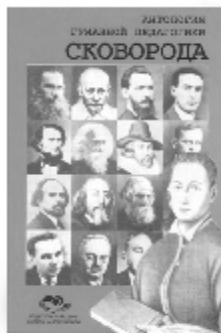

Антология-хрестоматия

«И сказал Господь Моисею...»

Книга впервые в истории российского учебного книгоиздания позволяет читателю получить целостное представление о духовно-нравственном учении иудаизма — древнейшей на земле монотеистической религии. Книга включает тексты Библии (Танаха), древних апокрифов, рукописей Кумрана, произведений иудео-эллинской литературы, Талмуда, мидрашей, иудейских молитвенников, литературных творений еврейских философов и каббалистов, рассказов о хасидских цадиках; представлены также тексты иудейских сект — самаритян и караимов. Материал для сборника отобран и прокомментирован известным теологом Д. В. Щедровицким. Ряд переводов подготовлен им впервые специально для данного сборника. Помочь учителю и воспитателю в восприятии приведенных текстов с точки зрения волнующих его сегодня проблем призваны комментарии первого читателя — одного из руководителей Центра лечебной педагогики (Москва) Р. П. Дименштейна.

Книга выпущена Издательским домом Шалвы Амонашвили в серии «Антология гуманной педагогики».

Антология-хрестоматия

Сковорода

Книга призвана дать читателю представление о философско-религиозном учении и педагогических взглядах великого украинского мыслителя Григория Сковороды. Его сочинения способствуют осознанию смысла жизни, наведению мостов между учителем и учеником для их совместного духовного восхождения. Материал для издания отобран и прокомментирован известным теологом Д. В. Щедровицким. В роли первого читателя выступил заместитель директора Центра «Развитие в игре» (г. Переславль-Залесский) П. Н. Цыплаков.

Книга выпущена Издательским домом Шалвы Амонашвили в серии «Антология гуманной педагогики».

Богословское исследование

Сияющий Коран. Взгляд библеиста

«Он милосерд: он Магомету / Открыл сияющий Коран, / Да притечем и мы ко свету, / И да падет с очей туман» — эти пушкинские строки послужили отправной точкой для комментария к священному писанию мусульман. Учение Корана сопоставляется с откровениями библейских пророков, раскрываются те аспекты мусульманской традиции, которые мало освещаются или игнорируются другими исследователями. Цель книги — способствовать братскому взаимопониманию верующих различных религий, к которым обращен настоятельный призыв Корана: «...Старайтесь же превзойти друг друга в добрых делах!» (5, 48).

Книга опубликована издательством «Оклик».

Перевод и комментарий

Джалаладдин Руми Дорога превращений

Джалаладдин Руми — гениальный персидский поэт и великий суфийский учитель. Вершиной его творчества является поэма «Маснави», часто называемая «персидским Кораном». Поэма содержит множество притч, обычно забавных по сюжету, но в то же время содержащих глубокий духовный и нравственный смысл. Ранее на русском языке притчи Руми публиковались лишь частично, и никогда — с последовательным разъяснением скрытого в них смысла. Настоящая книга восполняет этот пробел. В ней представлен русский перевод всех притч «Маснави»; к каждой из них дан комментарий религиозно-философского характера, сделанный известным отечественным поэтом и богословом Д. В. Щедровицким; многие притчи дополнительно сопровождаются комментарием этико-психологического характера, выполненным М. И. Хаткевичем.

Книга опубликована издательством «Оклик».